

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Р е д к о л л е г и я:

**Доктор техн. наук *Л. Д. Белькин*, доктор биол. наук *Л. Я. Бляхер*,
доктор физ.-мат. наук *А. Т. Григорьян*,
доктор физ.-мат. наук *Я. Г. Дорфман*, академик *Б. М. Кедров*,
доктор экон. наук *Б. Г. Кузнецов*, доктор биол. наук *А. И. Купцов*,
доктор ист. наук *Д. В. Ознобишин*,
доктор физ.-мат. наук *И. Б. Погребысский*,
канд. техн. наук *З. К. Новокшанови-Соколовская* (ученый секретарь),
доктор хим. наук *Ю. И. Соловьев*,
канд. техн. наук *А. С. Федоров* (зам. председателя),
канд. техн. наук *И. А. Федосеев*,
доктор хим. наук *И. А. Фигуровский* (зам. председателя),
канд. техн. наук *А. А. Чеканов*, доктор техн. наук *С. В. Шухардин*,
академик *А. Л. Яншин* (председатель)**

В. Н. Терновский

УДН СИНА

(АВИЦЕННА)

980—1037

Издательство «Наука»

Москва 1969

Автор этой книги — академик АМН СССР и действительный член Международной академии истории медицины — рассказывает о жизни и деятельности крупнейшего ученого эпохи восточного Ренессанса. Ибн Сина (Авиценна) — замечательный философ, естествоиспытатель, врач и поэт Средневекового Востока — был властителем дум на протяжении семнадцати веков. Автор знакомит читателя с трудами Авиценны: «Каноном врачебной науки», «Книгой исцеления», «Книгой знания» и др.

Книга дополнена личными впечатлениями автора от путешествия в Иран и Среднюю Азию.

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р

Б. Д. П Е Т Р О В, член-корреспондент АМН СССР,

действительный член

Международной академии истории медицины

*Там — геометр Евклид, там — Птоломей,
Там — Гиппократ, Гален и Авиценна,
Аверроэс, толковник новых дней,
Я всех назвать не в силах поименно;
Мне нужно быстро молвить обо всем,
И часто речь моя несовершенна.*

ДАНТЕ

Ибн Сина (Авиценна)

Введение

Свыше тысячи лет отделяют нас от той эпохи, когда жил замечательный представитель самой гуманной на земле профессии — врач Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Хасан ибн Али ибн Сина (Авиценна). Его современники, ученые Востока, дали ему почетный титул Аш-шейх ар-райс — т. е. шейх, глава. Человечество бережно хранит память о славных творениях этого великого ученого и поэта, отдавшего все силы борьбе за торжество разума и науки.

Как ученый Ибн Сина сформировался в период расцвета культуры народов Ближнего Востока, начавшегося в конце IX в. К этому времени государства Мавераннахра (Междуречья) уже вступили в полосу благополучного экономического развития. Оживленная торговля, которую вели страны Ближнего Востока, и в частности Междуречья, с Индией, Китаем, государствами Средиземноморья, во многом способствовала развитию культурных связей между народами. Не удивительно, что начиная с X в. в сознании части населения Средней Азии все больше укрепляется мысль о значении и месте культуры и науки в развитии общества.

В X—XI вв. центрами культурной жизни Средней Азии являлись Бухара, Самарканд, Балх, Гургендж. Это были экономически развитые по тому времени города, в которых протекала деятельность прославленных среднеазиатских поэтов и ученых. Среди них — замечательный мастер поэтического слова Рудаки (885—940); автор бессмертной поэмы «Шах Наме» поэт Абуль Касим Фирдоуси (932 — ок. 1020); философ Наср Фараби (873—950); автор выдающихся трудов по астрономии, естествознанию, друг Ибн Сины ученый Бируни (973—1048); талантливый астроном, математик и поэт Омар

ибн Ибрагим Нишапури Хайям (1040—1123) и многие другие выдающиеся представители «золотого века» среднеазиатской культуры прошлого.

В этой плеяде блестящих мыслителей и ученых одно из первых мест занимает Ибн Сина — прославленный среднеазиатский ученый, внесший немалый вклад в различные отрасли науки и культуры. Это был подлинный ученый-энциклопедист, автор интереснейших сочинений в области медицины, философии, логики, психологии, математики, физики, зоологии и других наук. Большое место в творчестве Ибн Сины занимали также поэзия и музыка. Ученый прославился и как хороший педагог, и как мудрый государственный деятель. И чем бы ни занимался Ибн Сина, какую бы область знания ни затрагивал в своей деятельности, он всегда приходил к четким научным выводам, по своей широте и смелости оставляющим далеко позади работы современных ему ученых Востока и Запада.

Особенно много сделал Ибн Сина в области медицины. В эпоху его деятельности большим авторитетом среди медиков пользовался Гиппократ. Нравственный облик древнегреческого врача, его методы и способы борьбы с различными заболеваниями до сих пор оказывают влияние на врачей всего мира. Ибн Сина глубоко воспринял творческое наследие Гиппократа, как, впрочем, и работы других врачей-философов древности (например, Галена, Аристотеля и др.). Большое внимание он уделял и трудам среднеазиатских медиков, а также врачей Индии, Китая и других стран Древнего Востока. Ибн Сина не только изучил классическое наследие, но и дополнил и углубил его своими творческими изысканиями и результатами своих врачебных наблюдений.

Ибн Сина как ученый далеко опередил многих современных ему медиков, в том числе врачей Запада, в большинстве своем схоластов и догматиков (еще в литературе Востока эпохи крестовых походов, в частности в «Книге назиданий» Усама ибн Мункиза, упоминается о невежестве «франкских хирургов»).

Насколько далеко ушел Ибн Сина от современных ему врачей, показывает и его непримиримое отношение к астрологии. Он всегда порицал и всячески стремился отделить эту лженауку от медицины, вызывая тем самым недовольство многих своих коллег.

Ибн Сина отмечал три различных состояния человеческого тела: «Здоровье — все функции протекают здраво и полно-

стью. Болезнь — состояние, противоположное этому, и третье, промежуточное — это не здоровье и не болезнь, как это бывает с телом стариков или у выздоравливающих детей»¹.

В процессе лечения больного, по его мнению, были важны три основных момента: режим, лекарственное лечение и различные процедуры (банки, пиявки, кровопускание и пр.). Ибн Сина советовал при кровопускании, вопреки мнению Галена и Гиппократа, рассекал вену на здоровой стороне тела, а не на больной, щадя тем самым заболевший орган. Одним больным он рекомендовал общие хирургические операции, другим — физические методы лечения: гимнастические упражнения и, как один из видов таковых, езду на верблюде с ее характерным ритмичным покачиванием.

Внеся огромный вклад в развитие медицинской науки, Ибн Сина явился своего рода связующим звеном между медицинскими представлениями врачей Древнего Востока и учением прогрессивных западноевропейских медиков. Не удивительно, что спустя 500 лет после смерти Ибн Сины его труды с глубоким вниманием изучали и цитировали гениальные ученые эпохи Возрождения — Леонардо да Винчи и Андрей Везалий.

В XII в. Раймонд Толедский основал школу переводчиков. Их деятельность способствовала тому, что ученые Запада смогли лучше ознакомиться с трудами ученых Востока. С этого момента ортодоксам средневековой богословской науки пришлось бороться не только с влиянием материалистических идей античной науки, преимущественно философии, но и с прогрессивными идеями ученых стран Востока. Например, Гийом из Оверна (ум. 1249), будучи епископом в Париже и неустанно выступая против идей Аристотеля, боролся и с учением Ибн Сины.

Величайшим творением Ибн Сины, принесшим ему мировую славу, является медицинский трактат «Ал-Канун фи-Тибб» («Канон»). Пять книг этого фундаментального произведения стали общепризнанной научной энциклопедией всех медицинских знаний той эпохи. По словам самаркандского писателя XII в. Низами ал-Арузи Самарканди, «те врачи, которые познакомились основательно с «Каноном», не нуждаются в изучении других сочинений...»²

¹ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. 1. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954, стр. 6 (далее: «Канон»).

² Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. М., 1963, стр. 106; Б. Д. Петров. Ибн Сина —

Богатейшее литературное наследство, оставленное человечеству Ибн Синой, привлекало пристальное внимание ученых всех времен. По свидетельству историка, прославленный Омар Хайям умер, склонившись над трактатом Ибн Сины. Труды среднеазиатского ученого, как уже подчеркивалось, изучались и использовались в эпоху Возрождения и в более поздние времена.

Большой интерес проявляет к «авиценниане» наш век. В 1952 г. в Багдаде состоялся международный конгресс, посвященный изучению трудов Ибн Сины. Спустя два года подобный конгресс был проведен в Тегеране. Творчеству великого ученого были посвящены многочисленные научные конференции (СССР — 1952, 1957, 1958 гг., Англия — 1952 г. и т. д.). Во всем мире ученые-востоковеды, специалисты-медики кропотливо изучают богатейшее наследие Ибн Сины, находя в нем много интересных, ярких идей и мыслей, не потерявших своей остроты и новизны даже в наше время, с его сложными методами исследования и глубоко научными представлениями.

В. И. Ленин писал: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех богатств, которые выработало человечество»³. Советские люди бережно относятся к классическому наследию великих деятелей мировой науки и культуры. В нашей стране с глубоким уважением вспоминают величайшего медика, талантливого ученого-энциклопедиста Ибн Сину. Изучением его творчества занимаются многие ведущие медики и востоковеды. Уже издан ряд трудов Ибн Сины (главным образом в области философии и медицины), написаны интересные научные исследования, посвященные его деятельности. Большое значение в этих исследованиях имеют работы ученых Таджикской и Узбекской академий наук.

С особым вниманием изучается в Советском Союзе «Канон». Его медико-философская часть, созвучная прогрессивным веяниям эпохи Ибн Сины и связанная идейной преемственностью с трудами корифеев античной науки, представляет огромный интерес не только для специалистов-медиков. Разбор и анализ содержания «Канона» помогают нам глубже понять и многовековую историю мировой цивилизации. На-

творец «Канона»; Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. кн. 1, стр. 43.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 305.

ших современников интересует Ибн Сина-медик, Ибн Сина-поэт, Ибн Сина-философ. Как известно, он был не только проводником и толкователем творений античных философов — Аристотеля, Платона, Галена и др. Он спорил с ними, развивал их идеи, обогащал науку новыми выводами. Творчество Ибн Сины самобытно, но в нем встречаются противоречивые суждения, колебания между свободной вдохновенной мыслью и схоластикой ислама, материалистическими концепциями и идеалистическими догмами; оно связано и с работами его предшественников и современников, например Рази, Фараби, Бируни, предворивших многие научные открытия в области медицины, математики, физики, астрономии, геологии и т. д. Нелегко разобраться во всех веяниях и влияниях, отразившихся в творчестве Ибн Сины, нелегко дать объективную научную характеристику его мировоззрения. Сложность работы исследователя творчества Ибн Сины обусловлена еще и тем, что рукописное наследие Ибн Сины хранится в разных странах и может быть хорошо изучено только объединенными усилиями ученых.

Автор предлагаемой книги по профессии медик. Быть может, поэтому ему особенно дорог Ибн Сина — гениальный врач и величайший гуманист древности. Вы познакомитесь с основными этапами пока еще мало изученного жизненного пути великого среднеазиатского ученого и в первую очередь с характеристикой его медицинских воззрений, узнаете о том ценном и важном, что внес Ибн Сина в развитие философии и искусства своей эпохи. Конечно, автор не пройдет мимо фактов использования и развития классического наследия Ибн Сины советскими учеными.

Хочется верить, что, прочтя книгу, вы полюбите Ибн Сину — замечательного сына нашей планеты. И если эта надежда оправдается, автор будет считать свою задачу выполненной.

Жизненный путь Ибн Сины

В Бухаре

*Аромат от струи Мулиана¹ несется — вспоминается милый друг...
И песок Аму², как ни груб,— под ногою моей словно шелк.
Бухара! Неизменно веселый, словно гость, шах подходит к тебе.
Эмир — луна: о Бухара,— ты небо! Вот луна является на небе.
Эмир — высокий кипарис; о Бухара — ты сад!
Кипарис³ наш возвращается в свой сад⁴.*

Эти строки принадлежат перу замечательного среднеазиатского поэта Рудаки. Они посвящены древней Бухаре — городу, в котором прошли детство и юность Ибн Сины. Здесь будущий ученый впервые почувствовал влечение к наукам. Именно за годы жизни в Бухаре были заложены основы его мировоззрения.

Отец Ибн Сины, Али, родился в городе Балхе. В 976 г. он переселился в селение Афшана, расположенное в 12 км от Бухары. Вскоре он женился на девушке по имени Ситора бону. 16 августа 980 г. в семье Али родился сын, которого называли Абу Али. В дальнейшем мир будет знать его под именем Ибн Сины — Авиценны. Спустя пять лет Ситора бону

¹ Мулиан — река в Бухаре.

² Аму — Амударья, или Джейхун (древний Окс).

³ Здесь — эмир.

⁴ См. Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., Изд-во восточной лит-ры, 1960, стр. 134.

Бухара. Остатки древней городской стены

родила еще одного мальчика, названного Махмудом. В 986 г. семейство Али переезжает в Бухару. В автобиографии Ибн Сины говорится, что отцу предоставили управление Хармейсаном — центром одного из булюков (районов).

В те времена Бухара, столица централизованного феодального государства Саманидов, являлась крупным экономическим центром Средней Азии. Это был большой многонаселенный город, состоявший из двух частей — крепости (кухендиз) и собственно города (шахристан). Крепость была сооружена на насыпном холме. Она имела мощные стены с башнями, облицованными обожженным кирпичом, и внутренние постройки — «Семистолпный дворец», где жили правители государства, помещения дворцовых служб, арсенал, тюрьму. До нас дошли остатки крепостных стен. Судя по ним, кухендиз представляла собой многоугольник неправиль-

ной формы. С запада на восток крепость пересекала широкая улица, ведущая от одних тяжелых оборонительных ворот к другим. Западные крепостные ворота выходили на большую городскую площадь (регистан), восточные — в шахристан. Шахристан также располагался на некотором возвышении. По форме он напоминал прямоугольник, обнесённый прочной стеной со множеством ворот (во времена Ибн Сины их было 11). Крепкие стены окружали и предместье Бухары — рабад, где находились многочисленные кварталы ремесленников и торговцев.

В конце X — начале XI в. во многих городах саманидского государства, в том числе и в Бухаре, происходило оживленное строительство: возводились величественные минареты, мечети, дворцовые здания. Именно к этому периоду относится сооружение огромной стены, опоясавшей весь город. Время сохранило отдельные образцы прекрасных творений среднеазиатских градостроителей той поры, например великолепный памятник согдийского зодчества эпохи IX—X вв. — мавзолей Измаила Саманида, расположенный в северо-западной части Бухары, и кухендиз (нынешний Арк), дошедший до нас, правда, в несколько измененном виде.

Ибн Сина с детства любил Бухару — этот богатый шумный город, ярко расцвеченный зеленью деревьев, сверкающими на солнце эмалями облицовки зданий, пестротой одежд бухарцев и приезжих купцов — египтян, индусов, персов, русов, хазар и др. Ему нравилось бродить по городскому базару и прилегающим к нему улицам, вглядываясь в неповторимые черты шумной торговой жизни среднеазиатского города.

Яркие шелка, розоватая чесуча, пестрые хлопчатобумажные ткани, ичиги (кожаные сапоги с остроконечными загнутыми квергу носами, блестящими подковками на заостренных каблуках), разнообразное оружие, среди которого особенно выделялись изящные поясные ножи в мягких кожаных ножнах с ременными кистями, кувшины, блюда и прочая домашняя утварь. Чего только не было в лавках бухарского базара! В торговых рядах сновали юркие торговцы-разносчики. На голове каждого — корзина с лепешками или фруктами из благоухающих садов Заравшанской долины. Громкими выкриками торговцы привлекали покупателей, наперебой предлагая им свой товар. А рядом, в соседнем квартале, деловито стучали молотками в своих маленьких мастерских бухарские медники и кузнецы. Куда-то спешили на быстроногих лоша-

Бухара. Мавзолей Измаила Саманида

дах всадники в белоснежных чалмах и узорчатых тюбетейках. Медлительно проходили караваны верблюдов, оглашая округу мелодичным звоном колокольчиков. Среди разноплеменной толпы группами бродили дервиши в своих острокопечных шапках. Они собирали пожертвования, складывая деньги в перекинутые через плечо сосуды, изготовленные из сухих тыкв, и славили всемогущего аллаха в своих импровизированных гимнах.

Больше всего Ибн Сину интересовали книжные ряды бухарского базара. Ценители словесного искусства могли приобрести здесь разнообразные по содержанию рукописные кни-

Восточное книгохранилище Китоб-Хане

ги на арабском, тюркском, дари⁵, сирийском и других восточных языках.

Надо сказать, что государства Мавераннахра, и в частности Харасана, являлись крупными центрами по «созданию книг» древнего Востока. Здесь работали не только отдельные переписчики книг, но и целые школы художественно-каллиграфического письма (Гератская, Бухарская, Хорезмская и др.). И мастера-переписчики, и каллиграфы художественных школ своей деятельностью во многом способствовали распространению культуры среди народов Средней Азии.

Каллиграфическое художественное письмо с его многочисленными разновидностями почеркового стиля — один из любопытных видов искусства. Еще в X в. Ибн Баввоб, знаток и теоретик арабского письма, стремившийся постоянно к

⁵ Этот язык возник на базе среднеазиатских и харасанских говоров (Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, стр. 106).

художественному усовершенствованию начертания букв, писал:

*О мечтавший красиво писать и желающий
Сделать изящным изображение письма,
Ты должен терпеть все муки, постигающие тебя
От постоянного упражнения по образцу почерка наставника⁶.*

По словам известного восточного поэта XV в. Джами,
*Художественное письмо — краше лица возлюбленной,
Оно подобно луне, освещающей тьму ночную,
Любой расцветший цветок увяданию подвержен,
Но цветник письма изобилует цветами вечно.*

В эпоху Ибн Сины художественное письмо не только украшало столь чтимую на Востоке книгу, но и служило своеобразным средством украшения порталов, медресе, мечетей, минаретов и т. п. Более того, в воображении восточных любителей поэтических метафор и знатоков арабской письменности каждая буква арабского алфавита являлась изящным поэтическим символом. Например, буква ¹ («алиф») олицетворяла стройность стана возлюбленной, буква ² («даль») символизировала согбенный в муках стан, буква ³ («нун») — брови и глаза возлюбленной, буква ⁴ («син») — жемчужный ряд зубов. Лучшие образцы каллиграфического арабского письма можно смело поставить в один ряд с произведениями искусства прошлого.

Высокая культура Бухары славилась далеко за пределами саманидского государства. При дворе правителей были собраны виднейшие представители науки и искусства того времени. О знаменитом саманидском книгохранилище слагались легенды. Это была действительно великолепная библиотека. Она размещалась в просторных комнатах Дворца Саманидов. В специальных больших сундуках хранились ценнейшие рукописи, рассортированные по отраслям науки. Попастъ в книгохранилище можно было лишь с особого разрешения эмира.

Атмосфера культурной жизни Бухары оказывала благотворное влияние на формирование мировоззрения юного Ибн Сины.

Как утверждает В. В. Бартольд, учение шиитов при последних Саманидах, несомненно носившее демократический характер, имело в Мавераннахре тайных последователей, к числу которых принадлежали между прочим отец и брат зна-

⁶ А. Мурадов. Из истории каллиграфии в Средней Азии. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1967, стр. 10.

менитого Авиценны. Оживленная жизнь большого города, игры и забавы сверстников не мешали одаренному юноше серьезно заниматься науками.

Много для правильного воспитания Ибн Сины сделал его отец. Это был просвещенный для своего времени человек, интересовавшийся философией и другими науками. В его доме часто собирались любители искусства, толкователи Корана и другие представители культурного общества Бухары. Часто бывали здесь и члены секты исмаилитов — организации, враждебной ортодоксальному исламу. Один из них, Абу Абдаллах Натали, стал первым наставником юного Ибн Сины. Благодаря занятиям с Натали Ибн Сина смог освободиться от своих суждений от суровых догм Корана, научиться логически подходить к изучению той или иной науки. Вскоре он уже занимался философией, математикой, астрономией. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он приступил к изучению медицины.

В дошедшей до нас автобиографии Ибн Сины так говорится о первых годах занятия:

«К десяти годам я изучил Коран и литературную науку. Я так быстро усваивал науки и делал такие успехи, что все поражались. Отец мой разделял воззрения египтян и считался исмаилитом. Иногда он начинал беседовать с моим братом о душе и разуме, как об этом говорят исмаилиты. Я слушал и раздумывал, но мне это казалось неприемлемым. Как ни старались они обратить меня в свою веру, это им не удавалось, и они отчаивались все более и более. Иногда отец упоминал также философию и геометрию и заводил речь об индийском счете. Потом он послал меня к зеленщику, чтобы я научился у него считать индийскими цифрами.

В короткое время я это усвоил, а тут как раз в Бухару прибыл Абу Абдаллах Натали, который был известен как знаток философии. Отец поселил его в своем доме, надеясь, что он обучит меня чему-нибудь из философии. Незадолго до этого я ходил также к Исмаилу-захиду — аскету — изучать фикх (науку права). У него я приобрел большое искусство в диспутах, построении индукций, способах опровержения и постановки вопросов фикха.

С Натали я начал проходить книгу «Исагуджи». По вопросу о делении родового понятия (родовое понятие — это то, что высказывается о предметах, различных по виду) я сделал несколько замечаний, каких мой учитель никогда ни от кого не слышал. В точности и глубине анализа я довел

свои умозаключения до того, что Натали при всей учености и образованности поражался мне и все время боялся, как бы отец не прекратил мои занятия с ним и не приставил меня к другому делу. Поэтому он все время повторял отцу, чтобы он не прекращал моего учения.

Какой бы вопрос учитель ни выдвигал, я проникал в суть лучше самого учителя, пока не изучил у него все начатки логики, ибо в тонкостях ее он и сам не разбирался. Потом я занялся чтением книг по логике и тонкости этой науки изучил уже самостоятельно, так что и в этой области стал опытным и искусным.

Прошел я также с ним и пять-шесть теорем Евклида, а остальные понял самостоятельно и разобрался в их трудностях. Затем мы перешли к «Альмагесту» (космографии) Птолемея. Когда мы закончили вводную часть и перешли к геометрическим формулам, Натали оказался не в силах обучать меня. Он сказал: «Читай сам, решай теоремы, а затем приходи ко мне и показывай результат, я тебе объясню, что правильно и что неправильно». Тогда я самостоятельно занялся изучением книг, а встававшие передо мной проблемы докладывал учителю, но следствием всего этого было только то, что таким путем были устранены некоторые смущавшие учителя неясности. Много было таких вопросов, которые он до того не знал и научился им от меня.

Затем Натали уехал в Гургендж. Я же продолжал читать и собирать книги. Попались мне «Фисус» и другие трактаты по физике и метафизике, и изо дня в день врата знания раскрывались передо мной все шире. Тут я обратился к медицинской науке и занялся изучением книг по медицине⁷.

В короткое время мое искусство в этой области достигло таких пределов, что многие из известнейших врачей того времени стали приходить ко мне за советом. Занялся я также и практикой врачевания, и врата исцеления и опыта [в этом деле] распахнулись передо мной... В то же время я не переставал изучать и фикх, а было мне в это время шестнадцать лет.

Полтора года я учился еще усерднее и снова прошел логику и все философские науки. Во все это время я с ночи до утра не спал и с утра до ночи не отдыхал и, кроме умственной работы, ничем не занимался. Если одолевал меня сон или

⁷ В занятиях по медицине Ибн Сине помогал известный бухарский ученый врач Абул-Мансур-и-Камахи.

ощущалась слабость, я выпивал кубок чистого вина, дабы оно возвратило рассудительность голове и силы — телу, а затем снова садился читать и писать. Если я после этого на мгновение забывался сном, то во сне я видел эти самые научные проблемы, и часто бывало, что во сне спадал покров с трудных вопросов и мне удавалось разрешить их. Так я работал, пока не укрепился в основах паук и сокрытые тайны не раскрылись передо мной.

В логике, математике и науке о природе я стал силен и настолько продвинулся, что и сейчас, пожалуй, знаю не больше [чем знал уже тогда]. Тогда я надумал изучать теологию. Прочитал я книгу «Метафизика», но не понял ничего, и намерения ее автора остались для меня сокрытыми. Хотя я все сызнова брался за эту книгу, я читал ее, пока не выучил наизусть, но по-прежнему ничего не понимал. Я отчаялся [в возможности] понять ее и говорил себе: непонятная эта книга.

И вот однажды проходил я по базару переплетчиков; продавец громким голосом расхваливал книгу. Он предложил ее мне, я раздраженно ответил ему и сказал про себя: нет в этой науке пользы, непонятная она. Продавец настаивал: «Купи эту книгу, дешево отдам, а владелец ее нуждается». Купил я ее за три дирхема, вижу, что книга Абу Насра Фараби «Тезисы метафизики» и его комментарий к философии Аристотеля. Я поспешил домой и начал читать ее. Двери основных мыслей этой книги⁸ раскрылись передо мной, и все трудности разъяснились. Возрадовался я этому случаю и на другой день в благодарность за это роздал нуждающимся обильные подаяния.

В это время Нух ибн Мансура⁹ постигла тяжкая болезнь, врачи не справились с лечением, и болезнь становилась хронической. Среди врачей я был известен начитанностью. Эмиру упомянули мое имя и потребовали, чтобы я явился. Я пришел и принял участие в лечении эмира совместно с ними и [добился того], что он выздоровел. Эмир начал относиться ко мне с большим вниманием.

⁸ Речь идет о книге Абу Насра ал-Фараби «Ат-Талим ас-Сани» — «Второе обучение», которая затерялась и до сих пор не обнаружена ни в одном книгохранилище. Сам Фараби родился во второй половине IX в., в Рустаке Фараб, расположенном при впадении Арысь в Сырдарью. Его полное имя: Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ибн узлаг ибн Тархан ал-Фараби. Он сын турка, полководца.

⁹ Правителя из династии Саманидов. Годы правления 976—977.

Как-то я попросил у эмира разрешения ходить в «эмирскую» библиотеку «Савван ал-Хикмат» («Хранилище мудрости») и пользоваться правом читать книги. Эмир исполнил мою просьбу.

Я вошел в дом со многими комнатами: в каждой комнате были сундуки с книгами, положенными одна на другую: в одной комнате были книги арабские и поэтические, в другой — книги по фикху и т. д., в каждой комнате книги по одной из наук. Я прочитал список книг древних [авторов] и спросил то, что мне было нужно. Я видел такие книги, которые многим людям неизвестны даже по названию; я никогда не видел подобного [собрания книг] ни раньше, ни после. Я прочитал эти книги, извлек из них пользу и понял значение каждого человека в его науке»¹⁰.

В прекрасной библиотеке Саманидов Ибн Сина познакомился с выдающимися достижениями арабской культуры, впитавшей в себя многое из культурного наследия античного мира. Там же Ибн Сина изучил фундаментальные труды ученых Средней Азии и других восточных стран. Знакомство с работами древних греческих философов помогло Ибн Сине обрести независимость в суждениях по многим вопросам философии. Позднее это качество его характера поддерживало ученого в борьбе против ортодоксальной философии мусульманства. Труды восточных ученых убедили его в том, что народы Востока внесли немалый вклад в сокровищницу мировой культуры.

«...Прочитал я эти книги, многое почерпнул и достиг степени знатока науки. Когда исполнилось мне восемнадцать лет, я закончил изучение всех наук, и после этого ничего нового мне уже не открывалось. Разница в том, что я тогда науки более схватывал на лету, а сейчас подхожу к наукам более зрело и знаю их основательнее и яснее.

По соседству со мной жил некто по имени Абу-л-Хусейн Арузи. Он попросил меня написать для него книгу, обнимающую общие вопросы. Я исполнил его желание и написал книгу под названием «Ал-Мажму» («Собранное») и изложил там все науки кроме математики. А было мне в это время двадцать один год.

¹⁰ См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения, т. I. М., 1963, стр. 54. Строки из «Жизнеописания Абу Али Хусейна ибн Абдаллаха Хасана ибн Сины, рассказанного им самим и записанного его учеником Абу Убейдом ал-Джужджани».

Был у меня сосед из жителей Хорезма, звали его Абу Бакр Бараки. Был он знатоком фикха, тафсира (толкования Корана и аскетических учений) и очень склонялся к наукам умозрительным. Он попросил меня написать для него комментарий на философские вопросы. Я написал для него книгу «Ал-Хасил за-л-Максул» («Получаемое и достигаемое»)... Для него я написал по этике «Ал-Бирр ва-л-Исм» («Доброе деяние и грех»), — и этих книг нет ни у кого, кроме него, и не одалживал он их никому, чтобы можно было снять копию»¹¹.

Как мы видим, Ибн Сина довольно рано оказался подготовленным к большой творческой работе. В молодом Ибн Сине уже пробудился большой ученый, мыслитель-энциклопедист. Однако плодотворной работе молодого ученого все время мешали политические события, происходившие в стране.

За годы правления Саманидов государство неоднократно потрясали народные выступления. Часто восставали крестьяне, доведенные до отчаяния жестокой эксплуатацией со стороны землевладельцев-феодалов. Недовольные высокими налогами волновались в городах ремесленники. К ним присоединялись представители других городских сословий, возмущенные тиранией эмирской знати. Народные выступления беспощадно подавлялись. Однако Саманидам никогда не удалось до конца потушить в стране пожар народного гнева.

Внутренняя политическая борьба, феодальные междоусобицы значительно ослабили былую мощь государства Саманидов. Этим не замедлили воспользоваться его внешние враги и в первую очередь представители тюркских династий Караханидов и Газнавидов. В 992 г. Караханидам даже удалось на время овладеть Бухарой.

В 999 г. Бухара пала под натиском войск Илекхана. Династии Саманидов был нанесен смертельный удар.

Политические потрясения в стране, как уже говорилось, постоянно создавали помехи работе молодого Ибн Сины. Он все больше и больше задумывался о нормальных условиях для занятий наукой. В 1002 г. его семью постигло горе — умер отец. Ибн Сина поступил на государственную службу в Диван. Однако административная работа не удовлетворяла его. В 1002 г. (по некоторым данным, в 1004 г.) Ибн Сина решил переехать в соседнее государство — Хорезм.

¹¹ См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия...

В Хорезме

О жизни и деятельности Ибн Сины в Хорезме известно мало. Прибыв в столицу Хорезма Гургендж (Ургенч), он посетил хорезмшаха султана Али ибн Мамуна. Позднее Ибн Сина вспоминал: «Был я тогда в одежде факихов (законоведов): с тайласаном — широким плащом и концами чалмы, завязанными под подбородком. Мне назначили месячное [жалованье] такое, какое было уместно для человека вроде меня»¹².

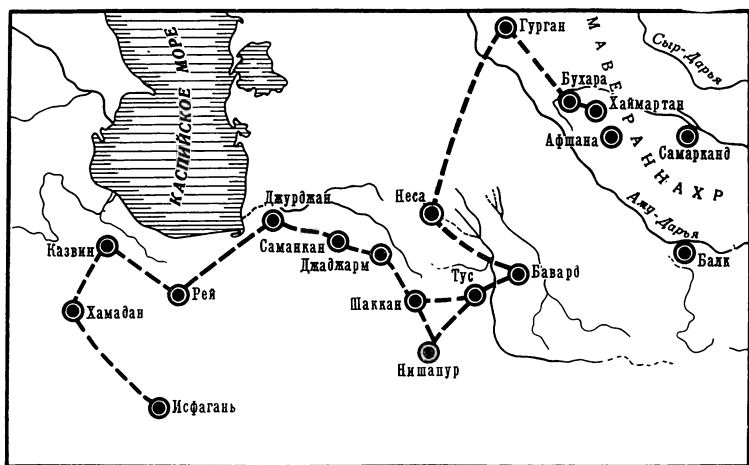
В период правления Мамуна большой шумный Гургендж переживал пору расцвета. Расположенный в нижнем течении Амударьи, он являлся одним из узловых пунктов торговых путей, ведущих из приволжских областей, из городов Мавераннахра, Китая, Индии и др. Оживленную торговлю население Гургенджа вело и с соседними племенами. На городском базаре ремесленные изделия — ткани, керамика и многие другие предметы быта, а также продукты земледелия обменивались на скот, кожу и шерсть.

Красив и величествен был Гургендж. Город защищала мощная крепость Ак-Кала. Ее южная стена, достигающая шестиметровой высоты, спускалась прямо к водам Амударьи. Часть этой стены сохранилась до наших дней. Известный восточный ученый X в. Макдиси писал, что Гургендж «каждый день увеличивается. У ворот Хаджадж стоит дворец, построенный Ал-Мамуном, у дворца — ворота, во всем Харасане нет более удивительных, чем они. Сын его Али построил другой дворец впереди него. У ворот дворца находится площадь, подобная площади в Бухаре...»¹³

Хорезмшах Али ибн Мамун всемерно поощрял развитие наук и искусств. При дворце султана в Гургендже протекала деятельность многих известных тогда ученых, поэтов, художников и музыкантов (в том числе Абу Райхана ал-Бируни, врача Абу Хаир ал-Хаммара и др.). Обеспеченные питанием, одеждой, деньгами поэты и ученые могли свободно предаваться любимым занятиям. О высоком уровне хорезмской науки свидетельствуют, в частности, остатки превосходных оросительных сооружений, построенных в то время. Научные диспуты и беседы с виднейшими представителями среднеазиатской культуры и науки помогли Ибн Сине углубить свои зна-

¹² Там же, стр. 135.

¹³ См. А. Ю. Якубовский. Время Авиценны.— «Изв. АН СССР отд. общ. наук», 1938, № 3, стр. 102.

ния по ряду областей науки и особенно по медицине. Большую роль при этом сыграла его медицинская практика.

Пять лет длилась относительно спокойная жизнь Ибн Сины в Хорезме. Завоевавший Бухару султан Махмуд Газнави завидовал блеску двора своего вассала — хорезмского султана. Он неоднократно приказывал Али ибн Мамуну перевести в Газну (столицу государства Газнави) самых знаменитых ученых и поэтов. Особенно ему хотелось иметь при своем дворе Ибн Сину — тогда уже прославленного врача и философа. Ученому предстояло выбрать либо службу у султана Махмуда, покровительствующего наиболее реакционным кругам мусульманских богословов, либо бегство, лишения, но свободу творчества. Свободолюбивый Ибн Сина избрал второй путь. С этого момента для него началась тяжелая, полная скитаний и борьбы с трудностями жизнь. И так было до конца его дней.

Сначала Ибн Сина направился в Нису. Вместе с ученым все трудности сурового пути через пески Каракумов взялся разделить его ученик и друг известный врач Абу Сахл ал-Масихи. Это ему посвящена работа Ибн Сины по геометрии «Рисалят-Физавия» («Об углах»). На одном из переходов беглецов застиг страшный песчаный ураган, во время которого Масихи погиб. Измученный Ибн Сина с большим трудом добрался до границы Харасана.

Города и годы

В течение двух лет Ибн Сина жил в городах Харасана и Табаристана — Абиверде, Нисе, древнем Нишапуре и др. Все эти годы он продолжал лечить людей, работал над научными трудами, поддерживал связь со своими учениками и многими среднеазиатскими учеными.

Султан Махмуд Газнави не прекращал преследовать Ибн Сину. Он все надеялся сломить волю непокорного ученого, заставить его служить себе. Махмуд приказал даже написать портрет Ибн Сины, сделать копии, разослать их во все подвластные ему области, чтобы султанским шпионам было легче опознать ученого. Спасаясь от слуг султана, Ибн Сина часто менял свое местопребывание. Так, из Нисы переехал в Бавард, а затем в Тус; пробыв некоторое время в Тусе, ученый переселился в Шакан. В одном из своих стихотворений тех лет он иронически замечал: «Я так вырос, что никакой город меня не вмещает...»¹⁴

В 1012 г. Ибн Сина решил перебраться в Джурджан (Гурган). Правителем этой небольшой области, расположенной на юго-восточном берегу Каспийского моря, был эмир Кабус. Большой ценитель искусства и науки, он готов был принять Ибн Сину. Однако ученому снова не повезло. Среди воинов Кабуса вспыхнуло восстание. Эмира заточили в крепость, где он вскоре погиб.

Ибн Сина вынужден был переселиться в Дихистан. Спустя некоторое время он заболел и возвратился в Джурджан. Здесь он отдыхал, набирался сил после утомительных поездок из города в город. Но его отдых длился недолго. Молва о приезде знаменитого врача быстро облетела весь Джурджан. И вскоре дом, где жил Ибн Сина, стал местом паломничества больных. Помимо врачевания, Ибн Сина занимался научными исследованиями, вел научные беседы с учениками. В это время его ближайшим учеником был Абу Убейд Джузджани. С ним Ибн Сина не расставался до конца жизни. Человечество должно быть благодарно Абу Джузджани за то, что он записал знаменитую автобиографию своего друга и учителя.

По неизвестным нам обстоятельствам Ибн Сина вместе с Джузджани переехал в Рей. Здесь ученый по-прежнему зани-

¹⁴ См. Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, стр. 116.

мался врачеванием, в частности успешно лечил сына рейской правительницы Сайиды. Между тем до Рейя дошли слухи о готовящемся нашествии войск султана Махмуда. Ибн Сина вновь собрался в дорогу. В 1015 г. ученый переселился в Казвин, а затем в Хамадан.

Правитель Хамадана эмир Шамс ад-Даул Абу Тахир пригласил Ибн Сину во дворец. Эмир страдал тяжелым заболеванием желудка. Лучшие хамаданские медики не могли справиться с его болезнью, и эмир надеялся на мастерство прославленного Ибн Сины. Ученый согласился лечить эмира. И уже после непродолжительного курса лечения Даул стал чувствовать себя лучше. Обрадованный властитель назначил Ибн Сину своим визирем.

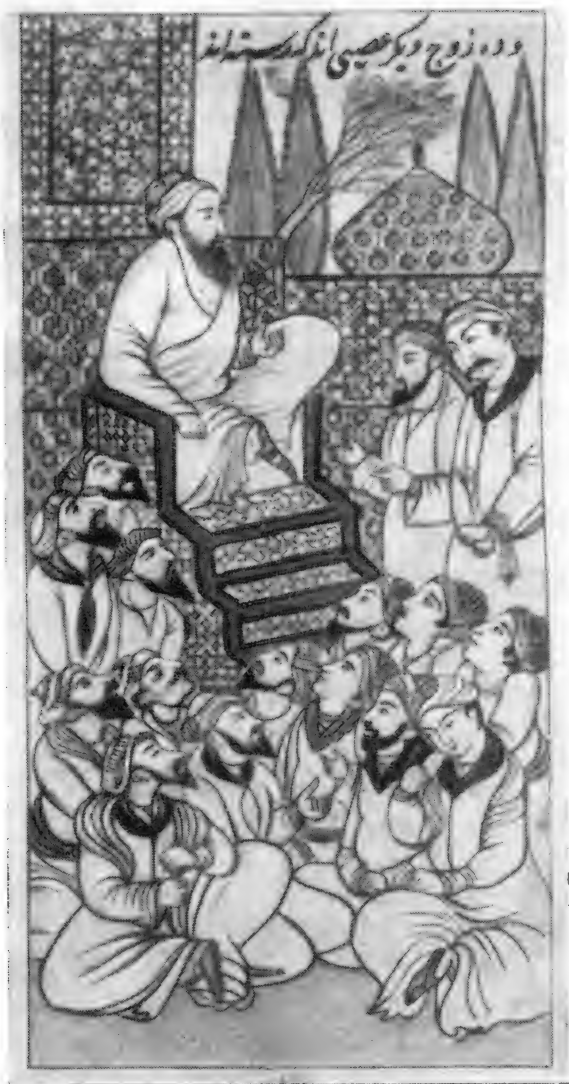
Милость эмира вызвала недовольство у представителей всесильной военной знати Хамадана. Они угрожали Ибн Сине смертью, требовали его высылки. Ученого выслали из Хамадана. Однако спустя 40 дней у эмира начался сильный приступ болезни. Ибн Сина возвратился во дворец и вновь успешно лечил эмира. Благодарный правитель восстановил его в правах и предоставил ему условия для работы и занятий наукой.

Период жизни в Хамадане явился одним из наиболее плодотворных в деятельности Ибн Сины. Ученому шел 35-й год. Он много работал и писал. Днем он был занят на службе у эмира, а ночью трудился над своими книгами. В Хамадане он начал писать «Книгу исцеления» («Китаб аш-Шифа»). В 1020 г. Ибн Сина закончил первую книгу «Канона».

Со всех концов Хамадана шли к Ибн Сине больные. Ученый никому не отказывал в помощи, нередко забывая о сне и отдыхе. Он не переставал заниматься со своими учениками. По словам Джузджани, каждому из них были отведены часы специально для беседы с учителем.

В 1021 г. умер Шамс ад-Даул. Правителем Хамадана стал малолетний Сам ад-Даул. Ибн Сина не захотел оставаться на службе у нового эмира, вместо которого страной правил временщик Тадж ал-Мулк. Ибн Сина вступил в тайную переписку с правителем Исфагани, предлагая ему свои услуги в качестве врача. Письма были перехвачены агентами Мулка. Ибн Сину обвинили в измене. Закованного в цепи, его бросили в темницу крепости Фариджан, расположенной неподалеку от Хамадана.

Несмотря на тяжелые тюремные условия, Ибн Сина не прекращал творческой работы. В 1022 г., незадолго до

*Ибн Сина среди учеников. Персидская миниатюра
XVII в.*

заключения в тюрьму, он закончил главы, посвященные физике и метафизике, своей знаменитой «Книги исцеления». В тюрьме, продолжая работу над этой книгой, он одновременно писал философский трактат «О Хайе, сыне Якзана» и медицинский труд «О коликах». Отсутствие необходимых литературных источников ученый компенсировал отличной памятью и глубокой эрудицией.

В крепости Фариджан¹⁵ Ибн Сина провел четыре месяца. С помощью Джузджани и его друзей, брата Махмуда и двух рабов он совершил побег. Переодевшись дервишем, Ибн Сина спустя некоторое время благополучно добрался до Исфгани.

С тех пор прошло много веков. Однако время мало изменило облик большинства городов Ирана. Поэтому для более отчетливого представления жизни Исфгани времен Ибн Сины мы попытаемся воспользоваться ее описанием, сделанным в XVII в. Олеарием.

Исфгань расположена на равнине. Город опоясан земляной стеной с полузасыпанным рвом. С трех сторон его окружают горы. По окраине Исфгани течет река Зендерут, берущая начало в горах за Джульфой. В основном Исфгань застроена глинобитными мазанками, среди которых изредка встречаются дома из обожженного кирпича. Множество садов и зеленых насаждений не избавляют город от пыли, толстым слоем устилающей его улицы.

На майдане — большой городской площади — находятся шахский дворец, мечеть и базар. Майдан окружают двухэтажные постройки, имеющие эйваны — ниши, в которых размещаются лавки торговцев. Вдоль этих построек тянутся аллеи буковых деревьев, здесь же прорыт канал, снабжающий майдан водой. На середине площади установлен высокий шест — необходимый атрибут «джирида»¹⁶, неподалеку от него виселица — жестокий страж шахского спокойствия.

В базарный день площадь заполняется шумной пестрой толпой. Под широкими навесами степенные иранские купцы раскладывают ковры и разноцветные шелка. Харасанские купцы продают чеканную сбрую, оружие, всевозможные ко-

¹⁵ По Бертельсу — в замке Бердан. См. Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, стр. 160.

¹⁶ Метанья копы и стрельбы из лука в цель. Обычно в качестве последней на шест ставилось яблоко, но в особо торжественных случаях оно заменялось золотой чашей.

жевенные изделия. Предлагается товар самый разнообразный: меха, табак, овощи и фрукты. В расположенных прямо под открытым небом кухнях готовятся вкусные восточные блюда.

На северной стороне майдана находится торговая галерея крытого рынка — кайзерие. Здесь продают свой товар золотильщики и ювелиры. Рядом сидят «серафы» — менялы денег. В этой части майдан прорезан множеством улочек, вдоль которых также теснятся лавки торговцев. Здесь множество всевозможных ханэ — харчевен, чайных, винных и прочих лавчонок. В шире-ханэ (кабачках) обычно собираются любители хмельных напитков. Они пьют вино и наслаждаются танцами сукегов. Те, кто любит чай, предпочитают чай-кадай-ханэ. Здесь же проводят время и любители «седренц»¹⁷. По соседству, в кавэ-ханэ, засиживаются курильщики и любители черного кофе. Около ханэ бродят нищие, многие из них больны проказой.

Большим успехом пользуются у жителей Исфагани цирюльни. Они встречаются на майдане на каждом шагу. Цирюльники делятся на две группы: деллаков — брадобреев, занимающихся стрижкой, бритьем, и джера-хирургов, занимающихся лечением ран, кровопусканием. В цирюльнях деллаков всегда полно посетителей — ведь по шариату предписывается бритье головы. Кроме того, здесь обычно узнаются все последние городские новости.

Майдан — своего рода форум жителей Исфагани. Шахские глашатаи — джарджи зачитывают государственные указы и объявляют о милостях всемогущего повелителя. Через площадь в резиденцию шаха торжественно шествуют послы из разных стран. На майдане нередко зарождаются народные мятежи, жестоко подавляемые слугами шаха.

За пределами майдана пролегает сеть узких пыльных улиц. По ним лениво бродит домашний скот, рыщут голодные собаки. В жаркое время дня эти районы города кажутся совсем безлюдными. Олерию они напомнили деревенское захолустье...

Правитель Исфагани Ала ад-Даула Хусам ад-Дин Абу Джафар Мухаммад ибн Душманзийар ибн Какупа приветливо встретил Ибн Сину. Ученого приняли на службу во дворец

¹⁷ Игры на шахматной доске; в переводе «седренц» означает «сто забот или дум».

*Одно из средневековых изображений
Ибн Сины*

и предоставили возможность заниматься наукой и лечить больных.

В период жизни Ибн Сины в Исфагани (1023—1032) слава его как ученого и врача достигла своего апогея. Пациенты толпами осаждали его дом. Даже в праздники двери его дома были открыты для всех страждущих и желающих побеседовать с великим мудрецом. Один из его учеников так описывал рабочий день Ибн Сины. Он вставал до рассвета, писал страницы две своего труда «Китаб аш-Шифа», который считался энциклопедией XI в.; затем, когда рассветало, принимал своих учеников. Занятия длились в течение всего утра. К моменту прихода учеников во дворе дома Ибн Сины уже толпились пациенты, среди коих зачастую бывали и люди известные, и пребывающие в затруднительном положении, и люди, имевшие к нему просьбы. Ко времени выхода ученого толпа посетителей достигала двух тысяч человек. Ибн Сина оставался среди пациентов до полуденной молитвы, когда же наступало время обеда, многие пациенты обедали вместе с ним...

Хамадан. Старый мавзолей над гробницей Ибн Сины

Ибн Сина участвовал в научных диспутах, проводившихся во дворце шаха. Его выступления имели огромный успех у слушателей, которых восхищали ясная логика его мысли, смелость и новизна идей. Много времени отнимала работа над книгами. Он закончил главы, посвященные животным и растениям, «Книги исцеления», на своем родном языке фарси-дари написал «Книгу знания» («Даниш-намэ»), работал над «Альмагестом»¹⁸, трудами Евклида. Много внимания Ибн Сина уделял астрономическим наблюдениям. Он руководил постройкой обсерватории в Исфагани. В 1032 г. Ибн Сина принял участие во втором походе Ала ад-Даула на Шабур Хаст.

¹⁸ Прославленный труд греческого астронома Птолемея; написан в 150—160 гг. н. э. Первоначально назывался «Magna Constructio» Μεγάλη σύντοξις. Переведен в 825 г. на арабский язык с искаженным названием — αλ-меγίστος. В Европе стал известен по неудовлетворительному переводу с арабского языка на латинский, изданному в 1515 г. в Венеции.

Но и во время похода он не прекращал занятий науками, в частности астрономией.

В начале 30-х годов Ибн Сина закончил свой капитальный труд «Книгу исцеления», в котором изложил свои взгляды по многим отраслям науки: астрономии, математике, химии, физике, метеорологии, ботанике и зоологии. К этому времени над ученым вновь нависла угроза расправы со стороны реакционных кругов мусульманского духовенства. Ибн Сину объявили еретиком, его имя предали проклятию. 55-летний ученый был вынужден покинуть Исфагань и переезжать из города в город, скрываясь от преследований реакции.

Полная скитаний, лишений и тревог жизнь, которую он вел уже более двадцати лет, истощила здоровье Ибн Сины. В 1034 г. он тяжело заболел. Великий исцелитель, вернувший здоровье многим тысячам людей, оказался бессильным перед своим недугом. Но даже в свой последний час он думал о людях — Ибн Сина перед смертью роздал все свое имущество беднякам.

Ученый очень жалел, что не может больше продолжать любимые занятия. Умирая в полном сознании, Ибн Сина сказал:

*Мы умираем и с собой уносим лишь одно:
Сознание того, что мы ничего не узнали...*¹⁹

18 июня 1037 г. Ибн Сина умер. Смерть застала его в Хамадане. Здесь великого медика и похоронили. Над его могилой был воздвигнут мавзолей, украшенный скромным куполом.

В 1954 г. взамен старого был воздвигнут новый, монументальный мавзолей.

¹⁹ А. А. Семенов. Абу Али ибн Сина (Авиценна). Таджикгосиздат, 1953, стр. 59.

Творческая деятельность Ибн Сины

Основы медицинских воззрений Ибн Сины

Ньютон как-то справедливо заметил: «Если я вижу что-то дальше Декарта, то это потому, что я стою на его плечах». Воздействие идей одного ученого на творческое мировоззрение другого, преемственность во взглядах и методах работы ученых разных поколений и даже эпох — одна из движущих сил развития любой науки, в том числе и медицины. Изучение основных аспектов такой преемственности позволяет нам наилучшим образом воссоздать картину эволюции научных воззрений того или иного ученого с их позитивными и негативными сторонами, выявить, что нового, ценного внес он в развитие науки и чем тормозил ее движение вперед.

Одним из общепризнанных мировых авторитетов в области медицины является Гиппократ, который первым из медиков начал всесторонне изучать искусство врачевания, используя опыт своих предшественников и современников, а также богатые личные наблюдения.

В основе его медицинских воззрений лежал материалистический, естественнонаучный метод. Принцип Гиппократа — лечить не болезнь, а больного — основывался на тщательном наблюдении за больным, кропотливом изучении индивидуальных особенностей его организма. Большую роль при этом ученый отводил вопросам гигиены быта, режима, т. е. общей профилактики здоровья. В знаменитой книге «Афоризмы» Гиппократ писал: «Жизнь коротка, путь искусства (искусства врачевания) долог, удобный случай скоропроходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в деле все, что необходимо, но и больной,

и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу и его деятельности»¹. Гиппократ считал, что любовь к науке неотделима от любви к человеку, поэтому врач, знающий «только медицину, не знает медицины».

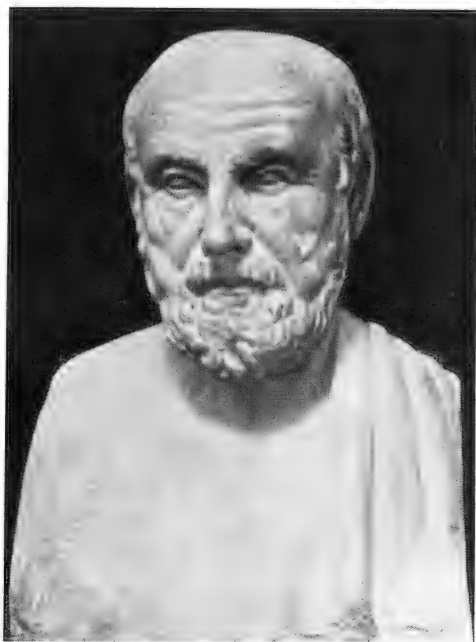
Неутомимое стремление к познанию природы и человека, широта взглядов и обобщений привлекали к трудам Гиппократа внимание многих врачей и ученых последующих эпох. На учение Гиппократа ссылались в своих работах Авл Корнелий Цельс, Клавдий Гален, ар-Рази и многие другие. Первое время продолжатели Гиппократа нередко принимали без должного критического анализа все, чему он учил, беспрекословно склоняясь перед его авторитетом. Однако наиболее известные представители медицины, используя все прогрессивное, лучшее в работах Гиппократа, обогащали их собственными наблюдениями и выводами, творчески развивали его учение и во многих вопросах шли дальше своего гениального предшественника. К таким ученым относится и Абу Али Ибн Сина — замечательный врач-практик, талантливый исследователь-новатор, автор всемирно известного классического трактата «Канон врачебной науки».

Воспитанный на трудах греческих философов, Ибн Сина признавал только науку, основанную на фактах. К изучению человеческого организма он подходил с материалистических позиций, в противовес воззрениям большинства его современников-медиков, считавших, что все болезни ниспосланы человеку богом. Ибн Сина хорошо знал труды Клавдия Галена, разбирал и комментировал Аристотеля. Из работ выдающихся ученых Востока Ибн Сина изучал труды Мухаммада ибн Закарийа ар-Рази (ум. 925), «Сводную книгу по медицине» («Китабалхови Фиттибб»), «Медицинскую книгу для Мансура» («Китаба тибб ал-Мансури») и труды Али ибн Аббаса (ум. 1090), а также «Царскую книгу» («ал-Китабал Малики») — огромный свод медицинских знаний и многие другие работы восточных медиков.

Источники творческого развития медицинской мысли на Востоке имеют глубокие исторические и социальные корни.

Как известно, в IV в. господствующей религией Византии стало христианство. В этот период борьба между Византией и Ираном за доминирующее влияние на Ближнем Востоке

¹ Г и п п о к р а т. Избранные книги. Перев. В. Руднева. Госиздат, М., 1936, стр. 695.

Бюст Гиппократа. Рим, Капитолийский музей

особенно обострилась. Иранские шахиншахи из династии Сасанидов выступали против распространения христианства. Однако они поддерживали сторонников одного из его направлений — несторианского, находящегося в оппозиции к господствующей религии Византии — официальному православию.

В IV—V вв. несторианцы, объявленные еретиками, покидали пределы Византийской империи, эмигрируя в Иран и другие страны Ближнего и Среднего Востока. Со временем приверженцы этой веры достигли государств Средней Азии и даже Индии.

Император Зенон закрыл Академию Эдессы — центр научно-философской мысли Византии, обвинив ее представителей в распространении несторианской ереси. Оскорбленные этим актом многие деятели византийской науки переселились в Иран. Здесь, в Нисибине, они создали академию. К концу VI в. Нисибинская академия насчитывала в своих рядах око-

Абу Бекар ар-Рази. Старинная гравюра

ло тысячи учащихся и большое число преподавателей. Наряду с гуманитарными и естественными науками здесь изучалась и медицина. Искусство врачевания изучалось и в Райшахре — другом крупном центре образования и науки Ирана.

В 529 г. византийский император Юстиниан закрыл академию в Афинах. Ее представители нашли приют у Хосрова I Ануширвона (531—579). Они обосновались в одном из городов Сасанидской империи — в Гундешапуре², заложив основы знаменитой Гундешапурской академии, явившейся проводником античной греко-римской культуры в странах Ближнего Востока. О своеобразной миграции идейного наследия величайших мыслителей античного мира в страны Востока говорят многие средневековые литературно-исторические памятники арабских народов.

Культурный мир средневекового Востока в первую очередь интересовался медицинскими представлениями античных

² Развалины Гундешапурской академии находятся в Хузистане, неподалеку от Дисфуля (Иран).

ученых. Правда, позднее доминирующее место занял интерес к философии, естествознанию и математике. Многие исследователи, в частности историки, отмечают прямую связь арабской медицины с учением античных медиков, которая осуществлялась через Эдессу, Антиохию, Александрию, Багдад, Гундешапур и другие центры.

В эпоху аббасидского владычества на языки пехлеви (персидский и арабский) переводились многие сочинения индийских медиков. Врачам Ближнего Востока хорошо были известны имена прославленных врачей-ученых Индии, таких, как Салих ибн Бахла, Манка ал-Хинди и др. Так, в одном из медицинских трактатов врача Али ибн Раббана из Табаристана, написанном в 850 г., отмечается, что четвертая и последняя беседы в седьмой части работы содержат сведения, взятые исключительно из индийских источников.

Однако основное влияние на развитие медицинской мысли в странах Ближнего Востока оказала античная эллино-римская медицина. Ее тщательно изучали как арабские, так и персидские ученые-медики.

Точная дата основания Гундешапурской медицинской школы неизвестна. По Нейбургеру, она образовалась приблизительно в 260 г. н. э. В других источниках ее формирование относится ко времени правления Шапура II (309—379) и т. д. Однако ее расцвет совпадает с наивысшим подъемом торговли и ремесленного производства в странах средневекового Востока.

Врач Бимаристан, возглавлявший гундешапурскую больницу, одновременно считался и главой медицинской школы. Юноши, поступившие в такую школу, предварительно проходили курс общеобразовательной программы. Кроме традиционного средневекового курса *septem artes liberalis* — семи свободных наук, включающих *trivium* (перекресток трех дорог) и *quadrivium* (перекресток четырех дорог), в программу входили поэтика, музыка и медицина. Преподавание в школе велось преимущественно на персидском языке, однако применялись также и арабский, еврейский, греческий. Прошедшие школу врачи допускались к работе в больнице.

В VI в. Гундешапурская школа переживала «золотую пору» своего существования. Гундешапурские ученые являлись авторами интереснейших трудов по медицине. В 869 г. глава Гундешапурской школы Сабур ибн Сабер написал первую из известных фармакопей. Ученые этой школы выпустили 22 тома обширной токсикологии с описанием свойств ядов, диаг-

Гален, Авиценна, Гиппократ. Старинная гравюра

ноза и терапии отравлений. Большое место в их творчестве занимала работа над переводами медицинских книг зарубежных авторов. Еще в 551 г. в Гундешапуре собирались медицинские конгрессы, которым покровительствовал Хосров I Ануширвон. История сохранила имена прославленных гундешапурских медиков — Джубра, иль-Дурустабаза, Ас-Суфистана, Иоханны и др. По мнению лингвистов, эти имена указывают на связь Гундешапурской школы с несторианством.

Большой вклад в развитие и процветание Гундешапурской школы вносила прославленная династия врачей Бохтишу. На сирийском языке Бохтишу означает «раб Христа» (боху — раб, Ишу — Иисус). Бухт по-среднеперсидски — «Иисус-спас».

Кроме несторианцев-сирийцев в школе учились жители Хузистана (юго-западная провинция Ирана) и небольшое число выходцев из арабских стран, например ал-Харис ибн Келеда — уроженец арабского племени Сакиф. Известно, что он ездил в Фарс и изучал медицину в Гундешапуре. В эпоху Мухаммеда (автора Корана) авторитет ал-Хариса как врача был особенно велик. Его даже называли «врачом арабов», и Мухаммед направлял к нему своих заболевших учеников. По

свидетельству Ибн бабу-Усабийя, существовала «Книга бесед о медицине между ал-Харисом и Хосровом I Ануширвоном». Умер ал-Харис в 634 г.

Успехи Гундешапурской медицинской школы, опиравшейся на все лучшее из греко-римской и индийской медицины, явились могучим толчком к развитию врачебного искусства стран Ближнего Востока. Благодаря деятельности врачей Гундешапурской школы восточная медицина из знахарства развивалась в крупнейшую область науки. В дальнейшем ее традиции и представления во многом способствовали зарождению и развитию медицинских школ Запада, в частности знаменитой школы Салерно.

Наряду с Гундешапурской школой большую роль в развитии медицинской мысли Востока играла Багдадская школа. Она возникла в конце VIII в. и дала миру ряд выдающихся медиков, среди которых в первую очередь следует отметить Али ибн Сахла ибн Раббана ат-Габари (IX в.), ар-Рази (IX—X вв.), Сабита ибн Курра (IX в.), Али ибн Аббаса (X в.), Коста ибн Лука (X в.) и др. Начиная с XII в. труды этих ученых получили широкое распространение на Западе.

Представители этих школ и продолжатели их традиций оставили миру богатое научное наследство. Именно оно явилось той почвой, на которой расцвел яркий талант Ибн Сины.

«Канон врачебной науки»

Основной труд Ибн Сины посвящен медицине. Над «Каноном врачебной науки» ученый работал многие годы. Это были годы упорного труда, неутомимых наблюдений и кропотливого изучения работ предшественников и современников. «Канон», т. е. установление, уложение, явился фундаментальной энциклопедией медицинских знаний средневекового Востока. Его смело можно назвать гениальным творением человеческой мысли, величайшим по своему значению и содержанию памятником человеческой культуры.

Ибн Сина считал, что «Канон» — это «книга о врачевании, содержащая общие и частные законы медицины, в коей подробность толкования соединилась бы с немногословием и должная ясность изложения большинства вопросов стояла бы наряду с краткостью»³. По полноте и серьезности содержа-

³ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки, Ташкент, 1954, кн. 1, стр. 1.

ния «Канон» не имеет себе равных в истории медицины трудов. Он состоит из пяти больших книг.

Первая книга посвящена теории медицины. Она разбита на четыре раздела: введение, анатомия и физиология; учение о причинах болезней и самих болезнях (общая этиология); учение о проявлении болезней (симптоматология); учение о питании и образе жизни (общая диететика), предохранение здоровья от заболеваний (профилактика) и лечение болезней (общая терапия).

Вторая книга состоит из двух разделов: учение о простых лекарственных веществах и способы их действия.

Третья книга содержит вопросы, посвященные изучению отдельных болезней и их лечению (частная патология и терапия). В ней описываются следующие болезни: воспаление плевры (плеврит), воспаление легких (пневмония) как заболевания области груди; резь в животе (колика) и кровавый понос (дизентерия) как заболевания кишечника. Ибн Сина не только описывает признаки болезни, но и указывает способы их лечения. Каждый раздел снабжен анатомо-топографическим введением. В эту книгу входят описания болезней глаз, носа, ушей, полости рта, гортани, а также советы по акушерству.

Четвертая книга посвящена хирургии (лечению вывихов и переломов), общему учению о лихорадке (кризисах при болезнях); в ней говорится и об опухолях, гнойных пузырьках кожи (пустула), гнойных воспалениях кожной клетчатки (флегмона), нарывах, роже, омертвениях органов (гангрена), отеках, золотухе, язвах, ожоге, контузиях, о потере крови и о раке, а также о хронических и острых заразных болезнях: оспе, кори, проказе и чуме. В книге освещаются основные вопросы учения о ядах (токсикология), разбираются кожные заболевания и вопросы сохранения красоты тела (косметика). Ибн Сина предлагает лекарства для укрепления волос, указывает, как окрашивать их, предлагает средства против загара и раздражения кожи. Он рекомендует средства от излишней полноты и худобы.

В пятой книге описываются сложные лекарственные вещества, яды и противоядия.

Точная дата завершения работы над «Каноном» не известна. Ибн Сина окончил его приблизительно в конце 1019 г. Благодаря переводу на латинский язык «Канон» получил всеобщее признание. Первый рукописный перевод на латинский язык относится к XII в. Его сделал Герард из Кремоны

Титульный лист второй книги «Канона». Латинское издание, 1523 г.

(1114—1187) — известный переводчик арабских сочинений. Это он впервые перевел на латинский язык «Альмагест» Птолемея.

В 1279 г. в Риме Натан-та-Меати (Гаммати) сделал полный перевод «Канона» на еврейский язык. В дальнейшем к переводу этого труда Ибн Сины обращались многие соотечественники Гаммати, например Зерахия бен Иссаак из Барселоны и др. С рукописями этих переводов можно познакомиться в книгохранилищах некоторых стран.

Первое печатное издание «Канона» было сделано в 1473 г. Начиная с XV в. «Канон» по частоте изданий соперничал с Библией. Так, в 1476 и 1479 гг. вышли его падуанские издания, в 1482, 1486, 1500 гг. — венецианские издания, в 1527, 1544, 1555, 1595 и 1608 гг. — издания Джунты. В 1593 г. в Риме в типографии Медичи с рукописи, хранящейся во Флоренции, было напечатано прекрасное издание «Канона» на арабском языке. Самый тщательный перевод «Канона» на латинский язык принадлежит Племпию. Его издали во Львове в 1658 г. К концу XV в. свет увидели 15 изданий «Канона», в XVI в. — 20 на латинском языке и одно на древнееврейском.

Многочисленные издания «Канона» Ибн Сины — а их насчитывается более 36 — указывают на огромное значение этого труда, являвшегося долгое время основным и исчерпывающим источником медицинских знаний. Он затмил все крупные медицинские труды ученых Запада. Во всех старейших университетах Европы до второй половины XVII в. включительно «Канон» был главным и авторитетнейшим руководством, по которому велось изучение и преподавание медицины.

На Руси опыт и советы Ибн Сины использовались в старинных рукописных лечебниках и травниках. Переписчики таких книг называли Ибн Сину Ависеной.

Большое внимание изучению трудов Ибн Сины уделяется в нашей стране. К тысячелетию со дня рождения ученого Академия наук Узбекской ССР издала на русском и узбекском языках шесть томов полного текста «Канона врачебной науки» с комментариями ведущих советских ученых-востоковедов и врачей ⁴.

⁴ Работа по подготовке полного издания «Канона» велась в течение 10 лет (1950—1960). Непосредственное участие в ней принимала группа высококвалифицированных переводчиков-арабистов: П. К. Булгаков, Ю. Н. Завадовский, У. И. Каримов, В. В. Матвеев,

Перевод юбилейного издания сделан с арабской рукописи XII в., одного из самых древних из дошедших до нас рукописных текстов «Канона». В настоящее время она хранится в Ленинграде в Институте востоковедения АН СССР. При переводе в качестве вспомогательного материала использовались и ранние печатные издания этого труда Ибн Сины. Советское юбилейное издание «Канона врачебной науки» является первым в мире полным переводом этого выдающегося произведения.

«Канон» представляет собой прекрасный пример творческой преемственности идей ученых разных эпох и народов. Научное наследие корифеев греческой и римской медицины, труды врачей Востока явились той фундаментальной основой, на которой построены многие ценные заключения автора «Канона». В первую очередь здесь чувствуется огромное влияние отца медицины — Гипократа.

С. М. Мирзоев, А. Р. Расулов, М. А. Салье, К. В. Юнусов. Филологическую редакцию осуществлял ученый-иранист, доктор востоковедческих наук А. К. Арендс. Медицинским редактором являлся действительный член Академии медицинских наук СССР В. Н. Терновский. Большую помощь при подготовке издания оказали консультанты-медики: действительные члены Академии медицинских наук СССР терапевт В. Х. Василенко, фармакологи С. В. Аничков, В. М. Карасик, отоларинголог Б. С. Преображенский, невропатолог И. Н. Филимонов, офтальмолог Б. Н. Архангельский, а также профессора Б. Д. Петров и А. Ф. Гаммерман, доктор медицинских наук В. П. Калашников. В работе над узбекским изданием «Канона» принимали участие ученые Узбекистана: А. А. Аскаров, В. К. Джумаев, Х. Г. Гафуров, А. Г. Гулямов, Т. З. Захидов, Н. И. Измаилов, И. К. Камилов, У. И. Каримов, Р. Н. Нобиев, С. Ш. Шахабутдинов, А. Х. Ходжаев, А. Ю. Юнусов.

В издание включено несколько статей советских ученых. Так, в первой книге — статья Б. Д. Петрова «Ибн Сина — творец „Канона“», знакомящая читателя с эпохой, в которую жил Ибн Сина, и с его личностью. В третьей и четвертой книгах — статья того же автора «Ибн Сина — клиницист», в которой анализируется творческое новаторство великого медика. Во второй книге помещена статья проф. В. М. Карасика «„Канон врачебной науки“ и системы лекарственной терапии в старой медицине», освещающая заслуги Ибн Сины — фармаколога и характеризующая бытовую медицину эпохи Ибн Сины.

Организатором и деятельным помощником в осуществлении этого обширного издания явилась директор Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР С. А. Азимджанова. Большую помощь составителям оказал весь коллектив института.

كتاب القانون في الطب

لابو علي الشيخ الزهري

ابن سينا

مع بعض تاليفه وهو علم المنطق وعلم الطبيعى
وعلم الكلام

R O M A E,
In Typographia Medicea .
M . D . X C I I I .

Cum licentia Superiorum.

Титульный лист издания «Канона» на арабском языке
Рим. 1593 г.

واما الرطوبة فاسبابها منحصرة في اربعة اجناس هي الاخرى القشيرة
 قوله المادة المرطبة اراوية الغدة المرطبة فينطب البدن بالملاماه
 وما انه يقوم مقام ما يحل من المادة الرطبة وكثرة الاكل والشرب
 فينطب ما ذكرناه وما انه يوهن الحرارة القدرية فيبزاد ترطيب البدن
 بتلك الوساطة وهذا يعدونه سببا ثانيا قولا وملافا ما يربط
 فاعلم ان هذا الشاغل السبب الثالث اذا عرفت هذا مقول ملافا
 المرطبات موجبة لرطوبة البدن ويريل حفاة وقحله ولهذا اجر الاعضا
 بعد استعمال الماء العذب البين ما كان الامر فيه قبل ذلك قوله
 والاسباب الحافظة قد تعد منها مقول احساس ما يسفرغ والنوم
 والسكون وملافا ما يربط بمحقق الرطوبة وكذلك ملافا ما يسحق شحنا
 لطيفا فسيل الرطوبة كل ذلك سبب للتدرب اما السكون والنوم مقول
 انه سخن بالعرض لان الرطوبات التي كانت مستفرغ الجسد كنهت
 واقره في البدن فازداد البدن سبيها ترطيا واما ثانيا محقق الرطوبات
 مثل الهواء اما البارد فانه يقلل الاستفراغ وقد عده وانه هذه الاسباب
 استفراغ ما يحفف البدن من الاخلاط وكذلك الصرح المغنك فانه يربط
 بواسطة كثرة ما ساره والانه في الحقيقة محلل وان كان معتدلا
 المس فصل في اسباب امراض التوريب الاخرى القشيرة
 قوله في اسباب امراض التوريب فاعلم انه لما فرغ من ذكر اسباب الاضرار
 المزاجية شرع الان في ذكر اسباب امراض التوريب وقد بين الشرح

В трактате «Об эпидемиях» Гиппократ отмечал, что осмотр больного — серьезное дело, требующее от врача знания, слуха, обоняния, осязания, языка, рассуждения.

Ибн Сина развил и углубил этот метод Гиппократа. Многие страницы «Канона» свидетельствуют о том, какую огромную роль отводит Ибн Сина поведению больного в процессе лечения, его режиму, гигиене тела, быту. Именно эти наблюдения в первую очередь и легли в основу его профилактических назначений.

Многочисленные последователи Гиппократа, особенно средневековые ученые, часто без должной критики принимали на веру все, о чем говорилось в его трудах. Ибн Сина избрал другой подход. Несмотря на глубокий пиетет к взглядам прославленного медика, он критически анализировал его творчество, проверяя собственными наблюдениями, медицинской практикой. В результате рождалась своя точка зрения на тот или иной вопрос. Ибн Сина считал, что спорить с медиками древности можно лишь тогда, когда ты сам хорошо обдумал вопрос спора. «Пристойнее было бы тому человеку (недостаточно опытному врачу.— В. Т.) побольше доверять таким, как Гален и Гиппократ, в том, что они предписывают, или усерднее подумать и потом уже обратиться к оспариванию»⁵. Он строго придерживается этой мысли, высказанной в «Каноне». Прежде чем принять какой-либо вывод Гиппократа или другого авторитетного медика, Ибн Сина тщательно изучает рассматриваемый вопрос, проверяет на собственном опыте. Нередко он отвергает заключение маститого врача или ученого. Так, Ибн Сина не соглашается с Гиппократом о сроке наступления кризиса при лихорадке. В подтверждение своего заключения он ссылается на высказывания Архигена, Галена и др. По мнению Ибн Сины, Гиппократ установил сроки прежде, чем твердо усвоил учение о днях кризиса. Как известно, Гиппократ считал внутренние органы, в том числе и печень, «нечувствительными». В «Каноне» этот факт ставится под сомнение. На основании личных наблюдений Ибн Сина приходит к выводу, что печень, особенно ее вогнутая часть, чувствительна.

Вообще говоря, диагностика, семиотика и патология различных заболеваний изложена в «Каноне» с учетом мнений Гиппократа. Правда, в ряде случаев Ибн Сина вносит множе-

⁵ «Канон», кн. 4, 1960, стр. 49.

Титульный лист одного из изданий «Канона»
с портретом Ибн Сины. Бреславль, 1606 г.

ство существенных поправок и дополнений. Например, он полностью согласен с тем, как описывает Гиппократ симптомы печеночной желтухи, а также с его прогностикой злокачественной дизентерии, илеуса (непроходимость кишок) и др. Но он решительно выступает против некоторых рекомендуемых Гиппократом средств лечения различных заболеваний, в частности против листьев инжира, которые Гиппократ советует использовать для лечения ссадин и изъязвлений кишечника. Ибн Сина указывает на недостаточную терапевтическую эффективность листьев инжира при борьбе с этими заболеваниями.

Большое внимание уделяет Ибн Сина диетическим методам лечения различных заболеваний, в особенности при головных болях. В «Каноне» можно найти интересные советы по вопросам диетического питания. Людям, страдающим головными болями, он рекомендует легкий ужин — сушеные финики, маслины с хлебом. Такая пища, по его мнению, укрепляет устье желудка. При этом он замечает, что «Гиппократ разрешает таким больным пить и вино»⁶.

В эпоху Ибн Сины жители Средней Азии часто болели различными формами лихорадок. Ибн Сина, тщательно изучив характер и течение этих заболеваний, дал их классификацию. Ученый и на этот раз обратился к описанию лихорадки, данному Гиппократом. Например, характеризуя состояние сосудистого русла при этом заболевании, Ибн Сина пишет: «Гиппократ говорит: „Когда набухают малые вены на лбу и возле век и ключицы — это плохо“»⁷. По мнению Ибн Сины, если цвет видимых сосудов переходит из обычного в павлиний или багровый и те из них, которые ранее не были видны, становятся видимыми в такой окраске — это нехорошо. Его классификация лихорадок очень близка к тому, что писал о них Гиппократ.

В «Каноне» последовательно проводится мысль о предохранении организма от заболеваний, о роли физических упражнений в укреплении здоровья. Ибн Сина пишет о «причине здоровья и болезни» и «общем режиме» для лиц, достигших половой зрелости, о «чистоте тела», «режиме для престарелых», «мероприятиях для тела людям, обладающим ненормальным темпераментом», и «действиях, причиняющих вред зрению». Ученый приводит в «Каноне» «распорядок для

⁶ «Канон», кн. 4, стр. 75.

⁷ Там же, стр. 177.

CLARISSIMI ET PRÆCELLENTISS. VIRI
ABVALJIBN-TSINA
QVI HACTENVS PERPERAM DICTVS EST
A VICENNA

In suum Medicinæ Canonem

PRÆFATIO

In nomine Dei summe misericordis, Domini adnunculo ac subsidio suo omnia reddentis facilia. Hujus igitur opem impleremus, ipsoque confidamus. Ille vero ipse Deus copiarum genere celebretur, quod tum naturæ ipsius celsitudinem decet, tum beneficiorum ab eo ple profusorum meretur amplitudo. Tum vero etiam prophetæ ejus Muhammedigloriosius nemone bene precemur.

Porro autem quidam ex integerrimis amicis meis, cui ita devinctus sum, ut ejus placitis me oporteat obsequi, postulat me, quin & perpulit, ut de re medica talem aliquem commentarium elucubrarem, qui dogmata illius quæ generatim quæ speciatim ita complecteretur, ut quæreretur tamen tractationi compendium, & ea quæ explicanda sunt, paucis perstringerentur. Atque ego amico illi annuens recepi me istud facturum. Itaque visum mihi est, primum disserere in commune de rebus generalibus utriusque Medicinæ partis, scilicet, tam partis contemplativæ quam activæ. Deinde verò dicere de generali ratione facultatum simplicium medicamentorum: tum speciatim commemorare easdem. Postea denique de morbis singulis corporis partes infestantibus agere: quo quidem loco primum ab illius partis dissectione atque usu ordiari: enimvero de simplicium & incomplexitarum partium dissectione earumque usu jam tum verba fecerim libro primo, qui generalia tractat. Absoluta autem ejus partis dissectionis, plurculis locis demonstrare aggrediar, quæ ratione ipsius sanitas integra possit conservari. Post hæc generali dicendi genere communes ejus morbos horumque causas indicabo: ite modos, quibus tum cognosci tum curari debeant, communis quoque seu generali oratione comprehendam. Generalium harum rerum tractatione desinens ad peculiare morbos accedam. Ubi primum quidem magna ex parte generalem etiam definitionis ipsorum, & causarum & signorum rationem persequar: deinde ad rationes speciales progrediar: mox communem medicandi normam dabo: & ad extremum

descendam ad speciales curationes medicamentis vel simplici vel composito institutas. Porro quorum simplicium medicamentorum, eorumque adversus morbos efficacitatis mentio jam ante facta fuerit in libro simplicibus medicamentis dicto, in quo ea per tabeas seu areolas coloribus suis discriminatas digessi (quarum usus tibi, quisquis es hujus disciplinæ avidus, conspicuo patebit, cum illic de venenis isthæc, nisi pauca, non repetam. Ad composita medicamenta quod attinet, hæc satis commodissime in librum compositis medicamentis inscriptum, quem etiam elaborare decrevi, reiciuntur: in quem item dissero ipsorum utilitates nec non naturæ rationem. Lubet dein ab hocce libro ad alium de rebus quoque peculiaribus tractantem favere transitionem: qui speciatim agrimorum commemorabit nulli certe parti proprias. Quem ad locum etiam sermonem de decorandi ratione pertraham. Atque in hoc libro ea via incedam, quam tenui in libro peculiarium agitante, qui hunc antecedit. Quod si tandem Dei subsidio finem huic libro imponere liceat, congeram mox libri de medicamentis compositis agentem. Atque hic quidem liber erit ejusmodi, ut hanc artem proficiens, & per eandem questum facere cupienti nihil collatura sit, nisi postillima & principalis ipsius pars intellecta sit ab illo ac memoria fuerit commendata. Enimvero vel minimum quodlibet ipso contentum Medico est necessarium: quod autem superaddici posset, nullaquit communi præceptione comprehendit. Ceterum si summus Deus vitæ meæ coronandæ disibuerit, vixitque benignus suppedietur, alteri operâ isthæc de integro accurabo. In præsentem vero constitui hoc opus conficere, ac secare alicui in libris quinque hoc pacto:

Primus liber generales Medicæ scientiæ res persequitur.

Alter simplicia medicamenta exhibet.

Tertius morbos explicat peculiare, qui singulis hominis partes obsident, à capite usque ad pedes, tam externos quam internos.

Quartus de morbis item agit peculiaribus, qui tamē, dum obveniunt, ceteris alicui parti non sunt

A

est

путешествующих» и говорит о правильном «воспитании ребенка». Давая советы «относительно внешней красоты тела человека», Ибн Сина выступает как профилактик-гигиенист, цель которого не только вылечить больного, но и предупредить возникновение болезни.

По мнению Ибн Сины, медицина — это наука о познании устройства человеческого тела, необходимая для сохранения или восстановления здоровья человека. «Медицина рассматривает тело человека, — писал он, — поскольку оно здорово или утрачивает здоровье. Познание всякой вещи, если оно возникает, достигается и бывает совершенным через познание его причин, если они имеются; поэтому в медицине следует знать причины здоровья и болезни. Причины эти бывают явные, а бывают и скрытые, постигаемые не чувством, а умом на основании умозаключений; поэтому в медицине необходимо также знать и явления, которые происходят при здоровье и при болезни. В истинных науках (т. е. в науках философских) изъяснено, что познание вещи приобретается через познание ее причин и начал, если они ей присущи, а если их нет, то через познание ее случайных и обязательных существенных признаков»⁸... Ученый считал, что врач «исследует тело человека — как оно бывает здоровым и как болеет. Однако, с точки зрения конечной цели этого исследования, т. е. сохранения здоровья и прекращения болезни, у [медицины] должны быть также и другие предметы, соответственно средствам и орудиям [применяемым] при этих двух состояниях. Средствами здесь являются целесообразное пользование едой и напитками, правильный выбор воздуха, определение меры покоя и движения, лечение лекарствами и лечение рукой (т. е. хирургическим вмешательством, от древнегреческого «хейр» — рука)»⁹.

С особой тщательностью изучает Ибн Сина «естество» органа и его частей. Он отмечает, что среди органов имеются органы простые и сложные. Первой из «органов», по его мнению, является кость. Она тверда и служит опорой тела и основой движения. Затем следуют хрящи, нервы, сухожилия, связки, артерии, вены, оболочки, мясо¹⁰. Ибн Сина дает описание мозга — «начало ощущений», а также сердца и печени. О внутренних органах человеческого тела он рас-

⁸ «Канон», кн. 1, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 7.

¹⁰ Там же, стр. 18—19.

*Полное издание «Канона» в переводе на русский язык.
Ташкент, 1954—1960 гг.*

сказывает в разделе, посвященном описанию болезней. Подобное построение книг по медицине использовали медики и последующих эпох.

✓ Значительное место в «Каноне» отведено анатомии — основе медицины. При этом свои главные положения Ибн Сина строит, опираясь на анатомические описания Галена. Вместе с тем ученый вносит много нового в развитие этой важной области науки. В частности, он, разделяя взгляды Галена на морфологию черепа, подтверждаемые и учением Гиппократов, устанавливает четыре основные формы черепа. Описывая строение зубов, Ибн Сина отмечает, что «ни одна кость совершенно не имеет чувствительности, кроме зубов». При этом он вновь ссылается на наблюдения Галена, также изучавшего анатомию зубов.

Об огромном вкладе Ибн Сины в развитие анатомии свидетельствуют и его поистине гениальные описания многих

органов человеческого тела. Например, он внес существенные исправления в описание строения и функции глаза, тем самым в корне изменив теорию видения, дав совершенно новое в то время толкование теории зрительного процесса, близкое современным представлениям. Ибн Сина доказывал, что не луч, исходящий из глаз, встречает предмет и дает изображение (так считалось в то время), а форма воспринимаемого предмета отражается в глазу и изменяется благодаря прозрачному телу глаза, т. е. хрусталику и стекловидному телу. Таким образом, Ибн Сина определил истинную роль хрусталика в зрительном процессе (Гален и многие другие предшественники и современники Ибн Сины отводили ему главную роль). К сожалению, ученый не смог указать точное местоположение хрусталика в глазу — ближе к зрачку и роговице. Зато он совершенно верно отметил роль сетчатки в зрительном восприятии. Ибн Сина первым открыл и точно описал прикрепление собственных мышц глаза.

Изучая анатомию мышц человеческого тела, Ибн Сина соглашается с наблюдениями Галена по поводу особенностей мышц конечностей. В то же время он развивает его положения, давая функциональную характеристику этой группы мышц. В частности, Ибн Сина пишет: «Сгибаемых мышц на каждый палец по четыре, отклоняющих вверх на каждый палец одна»¹¹.

Одна из глав «Канона» — «Общие рассуждения о нервах» — посвящена анатомии нервов. Отдав должное осведомленности Галена, впервые описавшего нервы, идущие от мозга к органам, Ибн Сина в свою очередь описывает семь пар нервов, идущих из головного мозга. Он приводит детальное описание анатомии спинномозговых нервов, отмечая особенности их строения у животных и человека.

В «Каноне» мастерски изложены морфология сосудистого русла, анатомия артерий и вен. Знакомясь с ними, приходишь к выводу, что автор не только хорошо знаком с трудами своих предшественников. Анатомические главы «Канона» не оставляют сомнения в том, что Ибн Сина, так же как античные анатомы, прибегал к секционным исследованиям, вопреки запретам ислама. Благодаря такого рода исследованиям он смог уточнить и значительно развить морфологические наблюдения своих предшественников. В этой связи в «Каноне»

¹¹ «Канон», кн. 1, стр. 91.

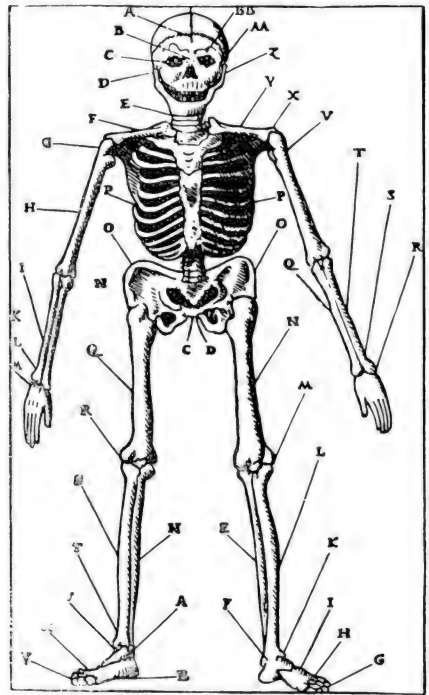
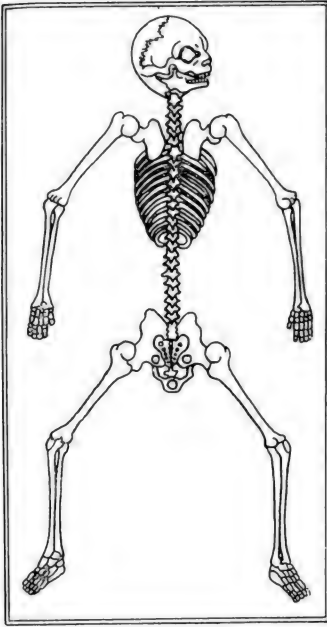
Изображение мозга с перекрестом зрительных нервов и глаз.
Арабская рукопись XV в.

наибольший интерес по точности описания представляет изложение мускулатуры глаза.

Несмотря на крайне ограниченные возможности проведения анатомических исследований, Ибн Сина и в этой области намного опередил современных ему медиков. Он подходит к анатомии не только с теоретических позиций. Ибн Сина увязывает изучение органов тела с медицинской практикой, подчеркивая значение анатомических фактов для понимания болезненных процессов. В этом отношении его можно поставить в число предшественников великого русского ученого Н. И. Пирогова, по праву считающегося основоположником практического направления в анатомии. В анатомических высказываниях Ибн Сины заложены истоки функционального направления, науки о строении человеческого тела.

В третьей книге «Канона» Ибн Сина подробно останавливается на проблеме генеративного процесса. Он описывает анатомию яичек и семенных сосудов. Исследуя причины образования семени, ученый большое внимание уделяет гигиене половой жизни. Ибн Сина настоятельно рекомендует режим, профилактику и лечение при патологических заболеваниях в этой области. Говоря о свойствах семенной жидкости, он подчеркивает, что она может быть «рождающая и нерождающая», например: «семя пьяного, старика, ребенка и злоупотребляющего частотой сношения мужчины — не рождает»¹². Ибн Сина описывает условия, обеспечивающие рождение здорового ребенка, и анализирует факторы и явления, могущие помешать нормальным родам. Тщательно описывает он и пищевой режим, обеспечивающий восстановление генеративных сил организма. По его мнению, такого рода больным полезны «яйца всмятку, особенно приправленные китайской корицей, перцем, а также рыба икра и горячая рыба [...], полезны похлебки из капусты и из моркови, особенно морковные похлебки, в которых мясо хорошо выварено, и яства, куда входят воробьиные и голубиные мозги, топленое масло и молоко [...], гороховая похлебка, рис с молоком, мясо и овечье молоко. В число овощей для таких больных входят спаржа, порей, артишок, а особенно полезна им мята: она очень укрепляет семенные сосуды [...], а из гороховых похлебок хороши те, которые с шафраном. Помогает таким больным также белый хлеб с молоком и сок кокосового ореха... Хорошо также

¹² «Канон», кн. 3, т. II, 1959, стр. 359.

Изображение скелета человека. «Канон», кн. 1

жарить лук на масле, пока он не покраснеет и не разлезется, и разбивать на него яйца»¹³.

Все эти назначения и советы Ибн Сины вполне рациональны и сейчас, а для его времени были исчерпывающе полными. Правда, многие лечебные средства, упоминающиеся в «Каноне», считаются лекарствами тысячелетней давности и обозначены арабскими названиями. В большинстве своем они еще пока не расшифрованы даже арабскими фармакологами и медиками. Во всех изданиях «Канона» эти названия даются в транскрипции подлинника. Некоторые из этих названий лекарств расшифрованы в советском полном издании «Канона врачебной науки».

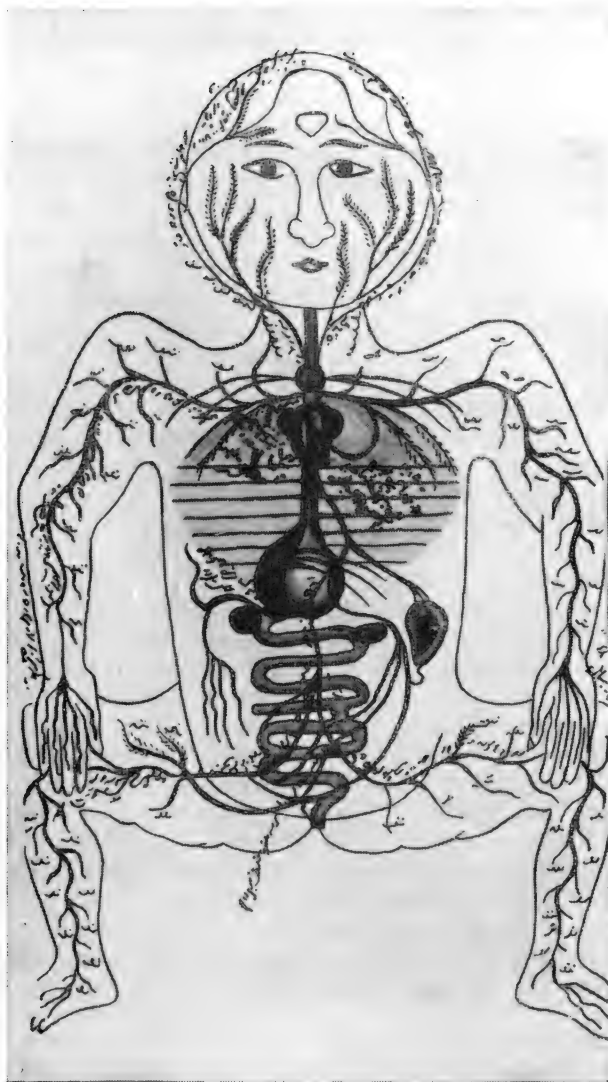
Идея профилактики в медицине пронизывает все содержание этого обширного трактата. В своих теоретических построениях взгляды Ибн Сины на здоровье и болезнь вполне рациональны и прогрессивны и для нашего времени.

Большое место в «Каноне» Ибн Сина отводит учению о четырех соках организма. Он полностью согласен с Галеном, который говорит, что «неправ тот, кто утверждает, что естественный сок — это кровь и ничто иное, а остальные соки — это остатки, и они совершенно не нужны». Развивая учение о соках организма, Ибн Сина указывает на тесную связь жизненных процессов организма с внешней средой. По мнению ученого, такая связь осуществляется в процессе питания и дыхания, а также зависит от местных климатических условий. Ибн Сина считает, что именно благодаря процессу циркуляции соков по всему организму существует целостность организма, единство и гуморальная связь всех органов в теле. Поэтому, подчеркивает ученый, любое заболевание есть поражение всего организма. Гуморальные представления Ибн Сины связывали жизнь и состояние организма с правильным распределением и циркуляцией соков — этих материальных субстратов организма.

Наряду с соками — гуморальной системой — большую роль в жизни организма, по мысли Ибн Сины, играет и солидарная система, обуславливающая жизнедеятельность уплотненных частей организма, иначе говоря, морфологические изменения, происходящие в теле.

Таковы вкратце теоретические воззрения Ибн Сины по основным вопросам жизнедеятельности организма, изложенные

¹³ «Канон», кн. 3, т. II, стр. 369.

Изображение вен. «Канон», кн. 1

в «Каноне». Однако было бы неверным не сказать, что вместе с тем Ибн Сина придерживался в своем учении и общепризнанного в то время взгляда ученых Запада и Востока о наличии основных элементов жизнедеятельности тела — земли, воды, воздуха и огня с их первичными качествами сухости, влажности, холода и жара. Понятие об этих элементах входит во все его теоретические и практические построения. о которых говорится в «Каноне». Так, Ибн Сина писал: «Элементы суть некие простые тела. Это — первичные частицы человеческого тела, различные по форме, т. е. такие частицы, на которые делятся сложные [тела]. Из смешения [элементов] возникают различные по форме виды существующих вещей.

Врач должен принимать на веру слова природоведа, что (элементов) всего четыре, не более. Два из них — легкие, два — тяжелые; легкие — это огонь и воздух, тяжелые — вода и земля. Земля есть простое тело, естественное место которого — середина всех вещей; по естеству она в этом месте покоится и по естеству к нему движется; это есть абсолютная тяжесть земли [...].

Два тяжелых [элемента] полезные для бытия органов и пребывания их в покое, а два легких — полезные для бытия пневм и пребывания их в движении, а также для приведения органов в движение, хотя первым двигателем и является душа. Вот [и все] элементы [...].

Я утверждаю: натура есть качество, возникающее от взаимодействия противоположных качеств, когда они останавливаются у некоего предела. Эти качества существуют в малых частицах элементов для того, чтобы наибольшее количество каждого элемента вошло в соотношение с наибольшим количеством другого. Когда они воздействуют своими силами друг на друга, из совокупности их возникает качество, сходное с ними всеми, то есть натура [...].

В одном случае натура является уравновешенной, ибо доли взаимно противоположных качеств в смеси равны и противостоят друг другу, так что натура оказывается качеством, действительно посредствующим между ними.

Второй случай — это когда натура не является абсолютной серединой между взаимно противоположными качествами, но больше склоняется в ту или другую сторону либо в отношении одной из противоположностей [существующих] между теплотой и холодом и между влажностью и сухостью, либо в обеих [...].

Вещи, сходные по элементам и противоположные по естественным свойствам, испытывают воздействие друг друга. Не испытывают воздействия других вещей только вещи, имеющие те же качества, так как эти одинаковые по качествам вещи сходны с ними [...].

Каждое время года, протекающее как ему полагается, имеет свои особые законы. Конец всякого сезона и начало следующего имеют законы и болезни, общие для обоих этих сезонов [...].

Что касается [изменений], подчиняющихся обстоятельствам небесным, то это, например, то, что происходит из-за небесных светил. Дело в том, что иногда на одном участке неба собирается много ярких звезд и они встречаются с солнцем, это вызывает большое нагревание в том месте, над которым они находятся, или вблизи от него. А иногда они удаляются от зенита на значительное расстояние и нагревание оказывается недостаточным. [Очевидно], пребывание [солнца] в зените не так действует в отношении нагревания, как длительность пребывания солнца над головами [людей] или близко [от зенита]»¹⁴.

Как уже говорилось, многие обоснованные положения теоретической медицины, соответствующие воззрениям эпохи, в которую жил и работал Ибн Сина, и стоящие в преемственной связи со взглядами античных исследователей, привели ученого к сознанию большой важности профилактики в деле борьбы с болезнями.

Идеи профилактической медицины, пронизывающие «Канон», складываются из многочисленных принципиальных установок. По мнению Ибн Сины, одной из важнейших сторон воспитания здорового человека, укрепления его организма является правильное физическое воспитание. Ученый рекомендует физические упражнения для всех возрастов, считая при этом, что нормальный сон, свежий воздух и чистота тела — залог хорошего здоровья. Он обращает внимание врачей на различные физические упражнения как на верный способ лечения многих заболеваний.

Ибн Сина один из первых объединил в одну стройную систему все имеющиеся тогда сведения по педиатрии. Позднейшие представители этой области медицины в основном придерживались его опыта по уходу и лечению детей. Профилактика и лечение детских заболеваний, изложенные на страни-

¹⁴ «Канон», кн. 1, стр. 9—10, 11, 15, 162.

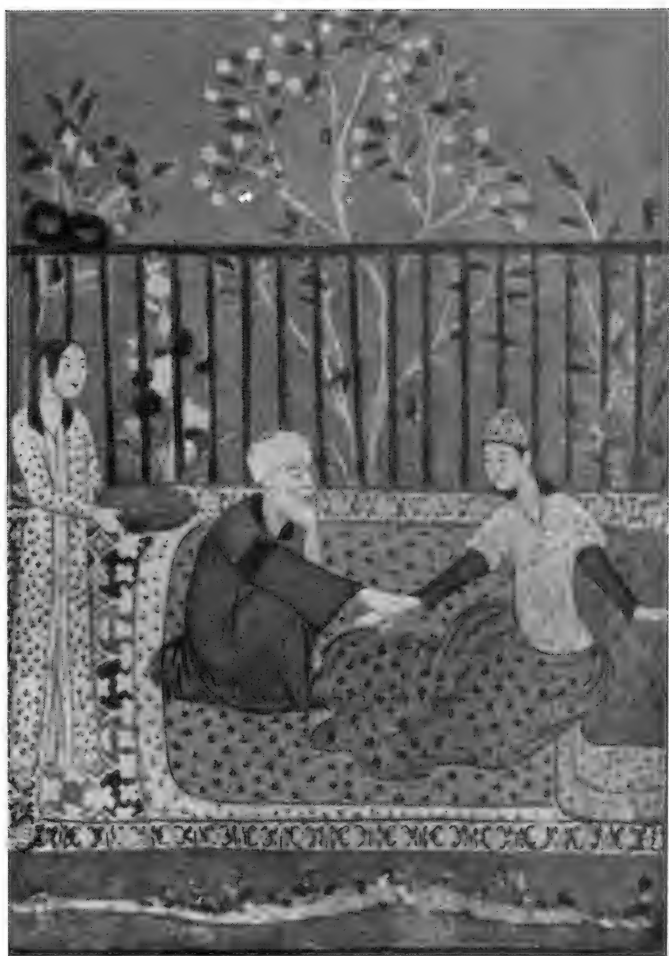
цах «Канона», представляют интерес и для современных педиатров.

Круг вопросов, затронутых Ибн Синой-педиатром, обширен. Например, в 1-й книге «Канона» он пишет о «воспитании грудного ребенка, разбирая кормление его», в 3-й книге описывает анатомию грудной железы женщины и процесс образования и выделения молока, различая при этом обильное выделение молока, перегрев и застывание его в груди и пр.

В «Каноне» встречаются интересные сведения и из области акушерства. Ибн Сина пишет о применении акушерских щипцов и акушерской петли, а также об акушерских приемах при патологических родах. Эти вопросы продолжают разрабатываться и развиваться врачами наших дней. Зато нормальное акушерство почти не отражено на страницах «Канона». Очевидно, это связано со старыми обычаями Востока, исключавшими возможность регулярной повседневной помощи беременным женщинам со стороны врачей-мужчин.

В «Каноне» органически переплетаются теоретические и практические выводы Ибн Сины по ряду важных вопросов медицинской науки. При этом все свои творческие помыслы, свой богатый практический опыт автор трактата ставит на службу одной цели — сохранению и укреплению здоровья человека. Как терапевт Ибн Сина постоянно стремится к индивидуализированному лечению, считая, что точное определение сущности заболевания пациента обеспечит успех в лечении. Уровень знаний того времени не всегда позволяет Ибн Сине установить истинные причины заболеваний. Однако в результате живого, действенного общения с больным, а также благодаря смелости экспериментов, поставленных в процессе лечения, клинические наблюдения Ибн Сины приводили к значительным по своей новизне и научной ценности выводам.

Несмотря на отсутствие лабораторно-диагностических приемов и микроскопии, Ибн Сина сумел проявить себя отличным врачом-диагностом. В своих лечебных приемах он стремился освободиться от какой-либо таинственности и астрологических предсказаний, занимающих значительное место в трудах и практике современных ему врачей. В «Каноне» перед читателем предстает критически мыслящий реалист, один из основоположников современной терапии. Ибн Сина решительно заявляет о существовании невидимых для глаза возбудителей заболеваний, передающихся человеку не только через воду, но и через воздух. Такого рода высказывания очень близки современным воззрениям микробиологов.

Ибн Сина у больного. Персидская миниатюра

Ибн Сина — первый врач, описавший ветряную оспу и корь — болезни, которых не знали греческие медики. Он разрабатывал методы профилактики и лечения распространенной в его время оспы, уточнял симптоматику и лечение кори. Ученый предлагал освежить воздух в помещении, где находится больной, окуривать заболевшего сандалом. При лечении он советовал применять камфору, сок пахучих плодов, розовую воду, раиб (кислое снятое молоко), уксус, разведенный в воде, горький миндаль и другие средства.

Ибн Сина — сторонник индивидуального подхода к лечению каждого пациента. Поэтому, наблюдая кого-либо из больных, он стремился изучить глубоко все признаки, определяющие заболевание. Основное внимание Ибн Сина уделял изучению всего организма в момент болезни. По его мнению, важным фактором заболевания является степень предрасположения организма к болезни, ряд изменений, оставленных в нем различными предшествующими заболеваниями, отравлениями и т. д.

Вопросы терапии Ибн Сина рассматривает не только в двух книгах «Канона» (3-й и 4-й), но и в «Книге исцеления», в работе «Начала терапевтические» и других трудах. Однако наиболее глубокое освещение проблемы терапии получили в «Каноне». В частности, 3-я книга «Канона» посвящена вопросам частной терапии. В ней описаны результаты многих наблюдений Ибн Сины, его методы лечения различных болезней и советы больным. В этой части «Канона» Ибн Сина рассматривает болезни нервов, глаз, уха, носа, рта, языка, зубов, десен и губ, горла, легких и грудной полости, сердца, пищевода и желудка, печени, желчного пузыря и селезенки, кишок, почек и мочевого пузыря, а также мочекаменную болезнь, заболевания половых органов и других частей организма. В конце книги Ибн Сина освещает «видимые глазом болезни тела».

Знакомясь с диагностикой заболеваний внутренних органов и их терапией, описанных в «Каноне», необходимо учитывать тысячелетний барьер времени, отделяющий современную медицину от медицины эпохи Ибн Сины.

Говоря о болезнях пищеварительного аппарата, Ибн Сина соглашается с Гиппократом о пользе рвоты при лечении некоторых видов этих заболеваний. Вместе с тем он предостерегает от слишком частого обращения к этому средству. В «Каноне» также приводится описание прогностики злокачественной дизентерии (например, непроходимости кишок), данное Гиппократом. Однако и здесь Ибн Сина не во всем согласен со своим

Операция (кесарево сечение). Миниатюра 1307 г.

предшественником. Как уже отмечалось, он не рекомендует использовать при лечении ссадин и изъязвлении кишечника предложенные Гиппократом листья инжира.

Ибн Сина обстоятельно описывает различные заболевания пищевода. По его мнению, «сужение глотки происходит либо от причины, заложенной в самом пищеводе, либо от причины, заложенной в соседнем органе. Что касается причины, заложенной в самом пищеводе, то это либо опухоль, либо чрезмерная сухость пищевода, либо высыхание в нем жидкостей вследствие лихорадки или других причин»¹⁵. Ибн Сина указывает и на «причины в соседнем органе — это либо давление чего-нибудь давящего, например опухоли (отека) в мышцах гортани, как бывает при ангине и других заболеваниях, иногда это сопровождается стеснением дыхания, или наличием опухоли в органах шеи, либо отклонением позвонка кнутри»¹⁶.

В «Каноне» подробно описываются болезни желудка. Автор считает, что признаки, по которым можно судить о состоянии желудка, — «это, во-первых, качество пищи в отношении

¹⁵ «Канон», кн. 3, т. I, стр. 580.

¹⁶ Там же, стр. 581.

ее переносимости или непереносимости, переваривания и извержения. Судят также по позыву на еду и по позыву на питье, по движению и подрагиванию желудка, подобно желудочным перебоям сердца, и по икоте»¹⁷. В современной диагностике врачи иногда не отличают симптомов, связанных с сердцем, от симптомов желудочного заболевания (сердечные симптомы часто маскируются желудочными в связи с радиацией ощущений, идущих по блуждающему нерву). Ибн Сина же старается учитывать всю симптоматику при осмотре и расспросе больного. «Показателем (заболевания желудка) является также состояние рта, — пишет он, — какой во рту вкус, влажный рот или сухой, шершавый или гладкий и какой у него запах, извержения, выходящие из желудка в виде кала и рвоты, ветры, испускаемые с шумом или без шума, поднимающиеся ветры, то есть отрыжка, задержанные ветры, то есть урчание, цвет лица и оболочки рта, боли и болезненные ощущения, соучастие других органов и, наконец, яства, напитки и лекарства, подходящие для желудка или вредные для него»¹⁸. Таким образом, к определению заболевания Ибн Сина подходит с особой тщательностью, подробно учитывая все наводящие на правильный диагноз признаки недуга.

Не менее тщательно подходит он к выбору средств лечения. Например, в разделе о заболеваниях печени, анализируя так называемые «закупорки» в органе, Ибн Сина пишет: «Если закупорка на вогнутой стороне, то употребляют послабляющие, а если она на выпуклой стороне, применяют мочегонные». Вогнутая сторона печени — поле портальной зоны, и расстройства в этой области связаны с нарушением воротного кровообращения в органе. Поэтому назначение послабляющих средств в данном случае рационально: они способствуют разгрузке портального кровообращения. «Закупорка же выпуклой стороны печени», т. е. застойная печень, — следствие затруднения циркуляции крови в самой печени. Она связана с нарушением общего кровообращения в организме и ослаблением сердечной деятельности больного. Поэтому прав Ибн Сина, назначив мочегонные средства. Применяемые им мочегонные средства: копытник, морской лук — способны активизировать сердечную деятельность организма.

Весьма эффективное и рациональное мероприятие в терапии заболеваний печени — умелое использование диетическо-

¹⁷ «Канон», кн. 3, т. I, стр. 589.

¹⁸ Там же.

Арабская аптека. Миниатюра из «Кодекса» XIV в.

го лечения. Ибн Сина советует таким больным употреблять в больших количествах изюм, инжир, гранатовый сок. Таким образом, он словно предугадывает будущую терапию глюкозой и инсулином (нам хорошо известно инсулиноподобное действие гранатового сока).

Ибн Сина правильно оценивает процесс возникновения желтухи, рассматривая ее как признак, присущий многим заболеваниям. Он в числе первых медиков определяет различие между желтухой, обусловленной закупоркой желчных протоков (абтурационная), и желтухой, вызванной растворением красных кровяных клеток (гемолитической). При этом он не рассматривает желтуху в качестве самостоятельного заболевания.

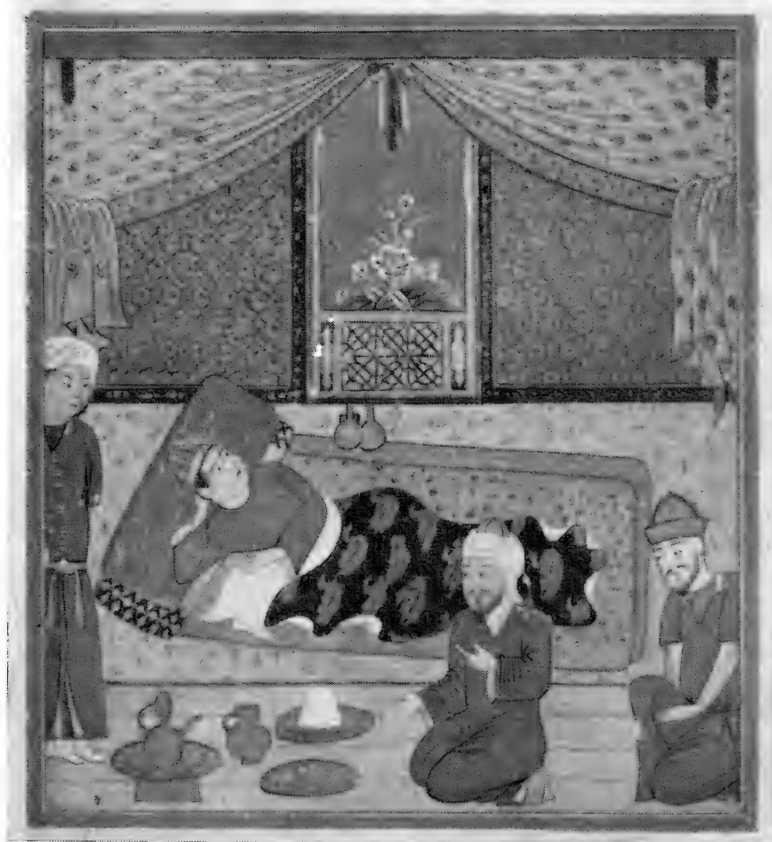
Одна из книг «Канона» посвящена описанию лихорадки, опухолей и пустул, проказы, чумы и т. д. При этом автор не просто характеризует течения этих болезней и их диагностику. Специальный раздел он отводит «Определению наступле-

ния кризиса болезни». Описывая заразные болезни, Ибн Сина впервые совершенно правильно различает чуму от холеры. Он требует обязательной изоляции в лечебницах больных инфекционными болезнями. Ибн Сина объясняет этот акт стремлением не только своевременно погасить распространение опасного заболевания, но и создать врачу условия для нормального изучения процесса болезни и поисков наиболее рациональных путей борьбы с ней. В этом вопросе Ибн Сина полностью согласен с мнением своего знаменитого предшественника Али ибн Аббаса (ум. 997), который предлагал проверять в больницах не всегда верные описания болезней, имеющиеся в медицинских трудах.

Несмотря на несовершенство методов анатомических и физиологических исследований, на весьма ограниченный арсенал средств для медицинских наблюдений, Ибн Сина часто приводит детальные и хорошо аргументированные характеристики различных болезней, которые могут служить удачными примерами для разработки современной клинической диагностики многих заболеваний. В качестве примера можно сослаться на его описания менингита, язвы желудка, желтухи, плеврита, проказы, сибирской язвы («персидского огня», по терминологии Ибн Сины) и сифилиса. Ибн Сина не только впервые в истории медицины составил подробные характеристики этих заболеваний, но и систематизировал учение о симптомах, дал общую методику установления диагноза.

Большое место в «Каноне» занимают описания различных психических заболеваний. При этом Ибн Сина отвергает вмешательство потусторонних сил в качестве первоисточника душевных болезней. Он утверждает, что душевные болезни по своему происхождению ничем не отличаются от других соматических заболеваний. Ученый указывает на тесную связь психики с состоянием внутренних органов человека. Многие соматические изменения, по его мнению, выясняются и становятся доступными для лечения только при учете определенных психических воздействий, в свою очередь расстройство деятельности тех или иных органов прямо влияет на возникновение душевных болезней.

О значении, которое придает Ибн Сина изучению психических отклонений человека в тот или иной момент заболевания, говорит и история лечения одного из эмиров Исфгани. Заболевший эмир был убежден в том, что его превратили в корову. Он стал подражать животному — ревел и мычал, причем требовал, чтобы его зарезали и употребили в пищу. Больной пе-

Ибн Сина у больного царевича. Персидская миниатюра

рестал питаться и очень ослаб. Врачи не могли помочь ему. Приглашенный к эмиру Ибн Сина попросил известить больного, что он, в качестве мясника, явится и зарежет его. Это сообщение крайне обрадовало больного, и он выказывал всяческое нетерпение в исполнении своего желания. Прибыв в дом больного, Ибн Сина громко сказал: «Где здесь корова, которую нужно зарезать? Выведите ее на двор, я там ее зарежу!» В ответ на эти слова эмир громко замычал, появился на дворе и лег, как бы приготавливаясь для убоя. Ибн Сина склонился над больным, ощупал его бок, как это делают мясники,

и громко сказал: «Эта корова очень худая, и сегодня резать ее нельзя. Давайте ей в течение нескольких недель обильную пищу, чтобы она пожирнела, а потом я приду и зарежу ее». Больной начал есть и благодаря хорошему уходу и правильному питанию выздоровел.

Интерес представляют и мысли Ибн Сины по вопросу сна и бодрствования¹⁹. Изучая этот вопрос, он часто ссылается на наблюдения Галена. Подтверждая его выводы, Ибн Сина вносит много нового в разработку этой проблемы. По мнению Ибн Сины, «к числу достоинства ночного сна относится то, что он бывает завершенным, непрерывным и глубоким. Сон должен начинаться с лежания на правой стороне, а затем происходит поворот на левую. Лежание на животе помогает пищеварению. Сон на спине дурной, он располагает к ночным кошмарам, параличу... Крепкий сон после послабления и рвоты указывает на то, что опорожнение и рвота полностью очистили тело и принесли пользу»...

Пытаясь глубже понять природу человеческого организма, Ибн Сина обращает внимание на деятельность человеческого мозга. В частности, в «Каноне» он предпринимает попытку описать, как «происходило подчинение человеческой природы ментальным представлениям», т. е. связанным с сознанием, деятельностью коры головного мозга. Ибн Сина считает, что «мозг есть начало (восприятия) ощущений... Мозг либо сам, либо после сердца является началом душевных функций по отношению к остальным органам»²⁰. По мнению ученого, произвольные движения органов человеческого тела осуществляются благодаря силе, «истекающей к нам из мозга через посредство нервов»²¹.

В своих поисках Ибн Сина догадывается о всемогущей роли нервной системы в жизнедеятельности человеческого организма. В частности, в «Каноне» описывается случай из врачебной практики Ибн Сины. Однажды правитель Джурджана султан Кабус пригласил Ибн Сину к тяжело заболевшему племяннику. Ибн Сина увидел чрезвычайно истощенного юношу. Тщательно обследовав больного, он неожиданно для всех присутствующих попросил призвать во дворец человека, хорошо знающего расположение улиц города. Нащупав пульс больного, Ибн Сина попросил знатока города вслух перечис-

¹⁹ «Канон», кн. 3, т. I, стр. 107.

²⁰ «Канон», кн. 1, стр. 38—39.

²¹ Там же, стр. 73.

лять названия всех улиц. При упоминании одной из улиц биение пульса юноши заметно изменилось. Тогда Ибн Сина велел перечислять все дома, находящиеся на этой улице. При упоминании одного из домов он снова отметил нарушение ритма пульса больного. Ибн Сина попросил называть имена всех живущих в этом доме и вскоре установил причину тяжелого нервного расстройства юноши. Ею оказалась девушка, живущая в том доме. В нее был безумно влюблен племянник Кабуса. Ибн Сина рассказал о причине болезни юноши и убедил султана соединить молодых людей.

Благодаря своей наблюдательности он смог устранить причину заболевания юноши и тем самым излечить его. «Любовь — заболевание, вроде наваждения, похожее на меланхолию, — пишет Ибн Сина. — Нередко человек навлекает ее на себя, подчиняя свои мысли восхищению образом и чертами, присущими возлюбленной [...] Мы видели одного человека, кому это (лечение) возвратило здоровье, и на костях у него снова появилось мясо, после того как он дошел до полного исхудания, перешел в этом все пределы и подвергся тяжким, длительным заболеваниям и продолжительным лихорадкам из-за ослабления сил от страстной любви. Когда же он почувствовал, что вскоре встретится с возлюбленной после повторных отсрочек, то выздоровел в самое короткое время. И удивились мы этому и сделали вывод, что естество послушно внушениям души»²².

Этот эпизод в какой-то степени свидетельствует также и о том, что в своих представлениях Ибн Сина был близок к пониманию идеи «нервизма», под которой Павлов понимал «физиологическое направление, стремящееся распространить влияние нервной системы на возможно большее количество деятельности организма»²³.

Характерный прием мышления Ибн Сины — его склонность к классификации явлений. Он старается изучить природу душевных способностей человека, разделяя их на четыре категории. К первой он относит органы чувств — узы, которые, по его мнению, связывают человека с окружающим его внешним миром. Ибн Сина считает, что для «каждого [из пяти] чувств имеется отдельный орган, из которого проявляется функция [ощущения]». Ко второй категории он причисляет внутренние умственные способности человека — ощущения,

²² «Канон», кн. 3, т. I, стр. 138—139.

²³ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. I, 1951, стр. 197.

воспринимаемые при помощи органов чувств, понятия, связанные со способностью обобщения и отвлечения и способностью памяти. К третьей категории, по его мнению, относятся движущие силы, к четвертой — способности человека осмыслить поведение.

Ибн Сина стремится определить в мозге местоположение центров, управляющих этими категориями. Передний отдел мозга он связывает с ощущением; в среднем отделе помещает центры, осуществляющие функцию обобщения и отвлечения; задний отдел мозга наделяет функцией памяти. Большая заслуга Ибн Сины — первая попытка связать функцию с ее материальной основой — структурой.

Ибн Сина уделяет много внимания заболеваниям, протекающим со спазмами. В этой связи его особенно интересуют лихорадки. Давая их симптоматику, Ибн Сина напоминает слова Гиппократов: «Появление лихорадки после спазма лучше, чем появление спазма после лихорадки»²⁴. Ибн Сина проверяет этот вывод в процессе наблюдения над многочисленными больными. При этом он выясняет, что если при влажных спазмах наступает лихорадка, то она излечивает спазмы. Кто болен четырехдневной лихорадкой, указывает он, того редко поражают спазмы: лихорадка излечивает от них.

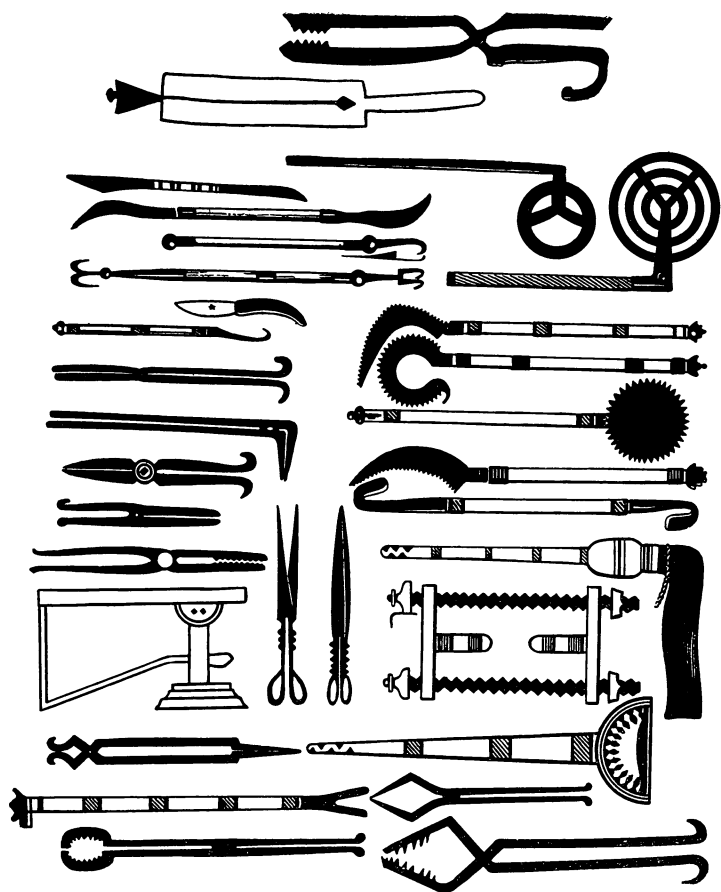
Говоря о методах лечения лихорадки, Ибн Сина прежде всего обращает внимание на важность точной характеристики состояния организма при этом заболевании, в частности сосудов. По его мнению, причиной, вызывающей у больного дрожь, является охлаждение его организма: холод одновременно ослабляет и нервы и пневму. Вместе с тем он поддерживает Гиппократов, считавшего, что дрожь, возникшая у больного при сжигающей лихорадке, устраняется помрачением его сознания.

Ибн Сина принимает классификацию болезней, предложенную Галеном. «Болезни либо являются наружными и узнаются с помощью ощущения, либо внутренними, но легко распознаваемыми, как боли в желудке и в легких, или же трудно распознаваемыми, как повреждение печени, желчных протоков мочеточника»²⁵. В «Каноне» дается описание болезней «по соучастию» — переходящих от одних органов в другие. При этом Ибн Сина считает, что «последние изгоняются и первая болезнь приносит благо»²⁶.

²⁴ «Канон», кн. 3, т. I, стр. 190.

²⁵ Там же, стр. 150.

²⁶ Там же, стр. 151.

Хирургические инструменты арабского врача XI в.

Ибн Сина широко использует опыт Гиппократов при изучении болезней органов дыхания. В частности, он рекомендует при плеврите некоторые лекарства, применявшиеся Гиппократом, например «филиун» — распространенное в то время анестезирующее средство из семян черной белены, белого перца, опиума и шафрана с медом. Ибн Сина отмечает пять признаков, свидетельствующих о заболевании плевритом: лихорадочное состояние, колющие боли, затрудненное дыхание, кашель

и пилообразный перовный пульс. Диагностические признаки плеврита, названные Ибн Синой, не потеряли своего научного звучания и в наши дни.

Ибн Сина полностью соглашается с мнением Гиппократом о том, что появление нарывов и свищей у больных, страдающих воспалением легких, свидетельствует об их спасении и последующем выздоровлении. Характеризуя процесс пневмонии в организме больного, Ибн Сина большое внимание уделяет разбору симптоматики учащенного дыхания. Он пишет: «Ты уже познал различие между частым дыханием, обусловленным потребностью в воздухе, и таким, которое вызвано болью и другими причинами [...] Оно может повлечь за собой опасность вследствие подсыхания легкого и переутомления органов дыхания в целом»²⁷. Об этом предупреждает и Гиппократ.

Ибн Сина тщательно изучает разновидности пульса. В «Каноне» описанию деятельности пульса посвящается специальная глава. «Некоторое время я упускал период сжатия (пульсовой волны), — пишет Ибн Сина, — и повторял в дальнейшем исследования до тех пор, пока не почувствовал его, а затем воспринял вполне его признаки, и после этого предо мной открылись врата познания пульса»²⁸. Он различает особенности пульса ровного и неровного, волнообразного и веретенообразного («газели»), двухударного, долгого, дрожащего («затухающий хвост»), короткого, малого, медленного, муравьиного («мышинный хвост»), мягкого, напряженного, нервного, низкого, пилообразного, полного, пустого. По его наблюдениям, пульс меняется в зависимости от времени года, у женщин — в период беременности, при различных болевых ощущениях. На частоту пульса влияют местность, возраст человека. Ибн Сина отмечает изменение пульса у моющихся в бане, у людей, испытывающих душевные волнения, и т. п. Все эти замечания и указания свидетельствуют о том, что Ибн Сина, основываясь на опыте предшественников и обширных личных наблюдениях, вдумчиво подошел к изучению деятельности пульса и внес большой вклад в развитие этой важной области медицинской науки.

Много ценного и нового внес Ибн Сина и в развитие хирургии. Его хирургическая деятельность, во многом способствовавшая совершенствованию операционных приемов и мето-

²⁷ «Канон», кн. 3, т. I, стр. 437.

²⁸ «Канон», кн. 1, стр. 240.

Врач делает прижигание больному. Турецкая рукопись XV в.

дов, в известной мере подготовила последующие успехи этой важной отрасли медицины.

Неудивительно, что значительное место в «Каноне» уделяется описанию лечения ран. В 4-й книге (часть IV) он обстоятельно описывает раны, лечение их, уход за ранами с опухолями, в частности злокачественными; раны внутренние, открытые и скрытые и пр. Специальные главы в «Каноне» освещают приемы лечения ушибов, «сдавливания, кровотечения из ран». С особой тщательностью разбираются в «Каноне» «разрывы, лечение их, удары в живот и внутренности; контузии, переломы, вывихи». Ибн Сина останавливается на способах извлечения попавших в тело предметов: шипов, стрел, осколков кости и т. п.; описывает эффективные методы лечения ожогов, способы остановки кровотечений и пр. В 3-й и 4-й книгах, где последовательно разбираются различные заболевания человеческого организма, в разделе, посвященном болезням головы, ученый дает указания о хирургическом лечении нарывов, в разделе, освещающем заболевания носа, — о методе удаления полипов и т. д.

Большое место в «Каноне» занимает раздел «О язвах». С присущей ему пунктуальностью Ибн Сина пишет о правилах

лечения разнообразных язв — заразных, загрязненных, глубоких, кавернозных, скрытых и др., о лечении свищей и т. д. Много внимания уделяется и описанию лечения поврежденных нервов. В специальной главе ученый подробно останавливается на лекарствах, которыми надо пользоваться в подобных случаях. Здесь же он предупреждает о «нагноениях, которые случаются при ранениях нервов», пишет «о болезнях костей», о «способе отпиливания костей» и т. д.

Описывая такие частные заболевания, как, например, повреждение мозга с трепанацией черепа, «сакта» — травматический шок, болезни горла и др., Ибн Сина останавливается и на технике хирургической терапии. Так, в трактате «О ранах в органах» ученый сообщает «о лечении ран», «о раскрывании ран», «о руководстве при лечении ран, сопровождающихся нагноением и болью», «о перевязке ран», «о лекарствах, вызывающих образование мяса при ранах и язвах», наконец, «о лечении ран на голове». В другом месте «Канона» имеются весьма интересные замечания относительно способа определения вида ран и основ их лечения. Ибн Сина обращает серьезное внимание на способы лечения мокрых ран и лечение болей от ран.

Интерес представляют страницы, повествующие о симптомах растяжения и разрыва связок и сухожилий. Здесь, в частности, даны советы, как правильно вправлять вывихи, какие средства использовать при лечении растяжения связок.

Специалист может ознакомиться в «Каноне» с характеристиками опухолей, образующихся на связках, а также почерпнуть сведения о костных заболеваниях и способах их лечения.

Как уже отмечалось, Ибн Сина серьезное внимание уделяет характеристике различных ран и методам их лечения. Так, он считает рану свежей в том случае, если в ней нет гноя. Нагноение ткани он сравнивает с закисанием молока или гниением фруктов. Это было довольно смелое для добактериологического периода истории медицины замечание. Ученый на основе своих наблюдений констатирует, что полностью легко восстанавливаются органы, расположенные в мягких частях тела; в костях (кроме скелета новорожденных и детей) такое выздоровление возможно лишь при правильном положении сломанной кости, вправленной врачом. Говоря о переломах, он отмечает: «Если сломанный орган отклоняется кнаружи, это много лучше, чем если он отклоняется кнутри, это потому, что

он встречается внутри больше нервов и причиняет боль»²⁹. Ибн Сина рекомендует для предотвращения отеков смачивать повязку «отвлекающей мазью из масла, незрелых сливок и воска». При этом он подчеркивает, что «Гиппократ считает правильным один день развязывать повязку, другой — нет, это лучше, ибо больной не будет тогда тяготиться повязкой, терзать ее и почесывать орган»³⁰.

Ибн Сина вообще довольно часто руководствуется методами хирургического лечения Гиппократа. Например, говоря о заболевании раком, он пишет: «Зачастую возникает во внутренних скрытый рак, и благо, как говорит Гиппократ, заключается тогда в том, чтобы его не трогать. Если его трогать, это иногда приводит к гибели, а если оставить и лечить, то нередко дело тянется долго»³¹. Вместе с тем Ибн Сина дает классификацию опухолей, различая «холодные опухоли», «шишки», «железистые опухоли», «свинки», «скирр», «рак» и т. д.

При диагностике и терапии ранения Ибн Сина также порой ссылается на мнение Гиппократа. Так, он полностью согласен с Гиппократом в том, что «раненый по возможности должен принять то самое положение, в котором он был, когда его ранили, и это позволит обнаружить стрелу»³².

Ибн Сина обращается к мнению своего великого предшественника и при описании методов лечения смещений и вывихов. Например, он пишет: «Гиппократ учит, что за исключением некоторых случаев вытяжение и вправление следует откладывать до 3-го и 4-го дня, при смещении это необходимо, а потом сустав перевязывают»³³. Останавливаясь на характере вывиха лопатки и отмечая необычайную редкость этого заболевания, Ибн Сина замечает: «Гиппократ и Гален дивятся такому происшествию»³⁴.

При свежем вывихе позвоночника «кпереди от спины» Ибн Сина рекомендует фиксировать больного на доске лицом вниз и производить вытяжение позвоночника способом, предложенным Гиппократом. Говоря о вправлении вывиха головки бедра в тазобедренном суставе, Ибн Сина также советует помещать больного на доске и делать вытяжение бедра.

²⁹ «Канон», кн. 4, стр. 382.

³⁰ Там же, стр. 391.

³¹ Там же, стр. 265.

³² Там же, стр. 251.

³³ Там же, стр. 366.

³⁴ Там же, стр. 371.

Кровопускание. Фрагмент узора на арабской майоликовой чаше XV в.

В латинских изданиях «Канона» приводятся иллюстрации хирургических процедур, из них наибольший интерес представляет рисунок, изображающий приспособление для исправления искривленного позвоночника надавливанием. Автором этого широко известного метода является Ибн Сина.

Во времена Ибн Сины после вытяжения больной конечности часто применяли гипсовую повязку. С ее помощью кость фиксировалась в неподвижном положении. Ибн Сина разрабатывает способ непосредственного вправления плеча при вывихе путем простого давления. Этот способ известен в хирургии под названием «способа Авиценны».

В «Каноне» даются четкие описания методов лечения переломов черепа, челюсти, носа, ключицы, плечевой и грудной костей, ребер и др.

Описывая операции на различных участках головы, Ибн Сина проявляет себя не только мастером черепной хирургии. Ему знаком способ удаления язычка, метод интубации гортани. Больше того, он неоднократно обращается в своей практике к проколу барабанной перепонки, заправлению слезной фистулы, зондированию и т. п. Значительное место в «Каноне» отводится характеристикам и методам лечения глазных бо-

лезней. Особенно четко описаны основные операции на глазах.

Ибн Сина в нужный момент смело прибегает к операционному вмешательству. Он часто оперирует больных водянкой или страдающих воспалением брюшины. В качестве примера приведем его описание операции удаления камней из мочевого пузыря: «Следует приготовить скамеечку, посадить на нее больного и призвать слугу; он подводит руки больному под колени, и затем врач приступает к разрезу. Предварительно падлежит нащупать камень и подвести его к тому месту, где нужно сделать разрез; это осуществляется введением среднего пальца мужчинам и деушкам в задний проход, а женщинам, лишенным невинности, в устье влагалища. Когда ты найдешь камень, прижимай его другой рукой сверху вниз от стенок живота и пупка, чтобы камень спустился поближе к устью мочевого пузыря... Затем рассекай ткани над камнем немного наискось, остерегаясь задеть нервы и стараясь, чтобы разрез пришелся на шейку мочевого пузыря. Бывает, что камень оказывается очень крупным, так что невозможно сделать разрез по его размеру. В таком случае следует захватить его щипцами и мало-помалу разламывать: то, что отламывается, вынимают, ничего не оставляя в пузыре, ибо что остается, снова начнет расти и увеличиваться...»³⁵

Часто применяет Ибн Сина и метод катетеризации, употребляя «мочеотводящий инструмент». Он советует использовать катетеры, изготовленные из самых мягких веществ, способных изгибаться. По его мнению, «таковыми оказывается кожа некоторых морских животных и некоторых наземных животных, если ее несколько выдубить... Иногда изготавливают катетеры из свинца или олова, и они также хороши...»³⁶.

Он рекомендует при операциях применять наркотические средства. Например, в «Каноне» можно встретить указание, что в случае ампутации конечности больному предварительно следует дать целебный напиток, в котором алкоголь смешан с соком мандрагоры. В некоторых случаях при операции мочевого пузыря он считает необходимым приложить к лобку и пахам лекарство, вызывающее онемение³⁷.

³⁵ «Канон», кн. 3, т. II, стр. 309.

³⁶ Там же, стр. 332.

³⁷ Там же, стр. 311.

Подготовка к операции. Старинная персидская миниатюра

Ибн Сина-хирург заботится об общем состоянии больного, его настроении и резервных силах. Ученый считает, что, мобилизуя эти силы, врач способствует более скорому выздоровлению больного после операции. Ибн Сина указывает на ту помощь, которую может оказать врачу сам больной, если станет поддерживать в себе бодрость духа. Поэтому Ибн Сина большое внимание уделяет учению о натуре — «мизаджу». Он кропотливо изучает натуру органов человеческого тела. «Каждому органу присуща натура,— пишет Ибн Сина,— наиболее для него подходящая, и некоторые органы более горячи, другие более холодны, одни более сухи, другие более влажны»³⁸. Эти взгляды ученого тесно связаны с представлениями античных медиков. Однако в отличие от них Ибн Сина старается глубже изучить и понять функцию каждого органа, его деятельность в норме и патологии.

Велики заслуги Ибн Сины и в области лекарствоведения. Вопросам фармакопеи посвящены многие его труды, например «Маколет Фильикдиба» («О свойствах цикория»), «Рисалятрис-секенфребин» («О свойствах уксуса-меда») и др. Во

³⁸ «Канон», кн. 1, стр. 18.

2-й и 5-й книгах «Канона» Ибн Сина подробно рассказывает о многих лекарственных средствах, объясняя их действие на человеческий организм и на животных. Можно смело сказать, что в «Каноне» собраны сведения почти обо всех известных в то время лекарствах. При этом Ибн Сина описывает не только средства народной медицины, но и лекарства, полученные химическим путем, многие из которых он сам ввел в лечебную практику.

В своей фармакопее Ибн Сина пытается объединить в определенную систему собранные им материалы и связать их со своими разносторонними клиническими наблюдениями. Например, описывая во 2-й книге «Канона» «простые целебные средства», ученый внимательно изучает их действие на организм и дает «правила внешнего применения их». В 5-й книге он, характеризуя «сложные лекарства», практически обосновывает необходимость их применения. Здесь же он останавливается на действии различных противоядий. Составляя рецепты и изготовляя микстуры, сиропы и экстракты, мази, пластыри, примочки, пилюли, таблетки и облатки, кашки, Ибн Сина тщательно систематизирует полученные медикаменты. При этом он начисто отвергает фантастическую «медицинскую кухню» алхимиков и астрологов. Как правило, описывая то или иное лекарство, Ибн Сина не пытается засекретить свои знания. Он подробно раскрывает способ его изготовления и употребления. Ибн Сина ставит перед собой задачу познакомить своих учеников с характеристикой тех медикаментов, которые, по его мнению, заслуживают внимания.

Ибн Сина один из первых ввел в медицинскую практику такие широко распространенные теперь медикаменты, как александрийский лист, ревень, камфора. Многие открытия им лечебные средства считались незаменимыми на протяжении нескольких веков, а некоторые из них употребляются и в настоящее время.

Опираясь на результаты химических исследований арабских ученых, Ибн Сина первый стал применять многие химические лекарственные вещества. Например, он пользуется для лечебных целей сахаром в разных смесях. С помощью сахара Ибн Сина успешно консервирует лимоны, цветы розы и фиалки и прописывает эти лечебные сиропы при различных заболеваниях.

Ибн Сина хорошо знаком с арсеналом медикаментов того времени. По его словам, он занимается «познанием натур» простых лекарств путем испытания и сравнения, а также изу-

**Tabula dubioꝝ ac capituloꝝ
Sentilis Fuliginaris sup. Pri-
mo Secūdo ⁊ Quinto ca-
nonis Auicēne.**

Вскрытие. Рисунок из раннего издания «Канона»

чает «познание сил» простых лекарств, их общие действия на организм — согревание, охлаждение и т. д. — и действия частные — «полезность лекарства при раке, полезность при почечуе — геморрое, желтухе» и т. д. Ученый пытается выявить наибольшую эффективность того или иного лекарства. Он испытывает их в различных условиях — после «варки, сжигания огнем, промывания, остуживания» и т. д. При этом он заключает, что «есть лекарства, которые изменяют свои свойства, смешиваясь с другими лекарствами», другие же совершенно теряют свое действие от растирания. По мнению Ибн Сины, благодаря соседству «лекарства приобретают посторонние качества и их действия даже изменяются...» Врач должен «знать об этом свойстве лекарств и избегать соседства различных родов их между собой. Относительно действия смешения можно сказать, что вследствие смешения силы лекарств иногда увеличиваются, а иногда эти силы после смешения пропадают.

Иногда же свойства лекарства от смешения улучшаются и вредность их исчезает»³⁹.

Ибн Сина предостерегает от неразумного пользования лекарствами. По его мнению, очень важно правильно дозировать лекарство. При этом он приводит любопытный пример: «Если десять человек переносят за один день ношу на расстояние в один фарсах, из этого не следует, что пять человек могут перенести ее на какое-либо расстояние, а тем более на расстояние в полфарсаха. Из этого не следует также и того, что половину этой ноши можно разделить, чтобы эти пятеро, получив ее отдельно, могли ее нести. Наоборот, возможно, что то, что надо перенести, совсем не подчинится воздействию половины силы, ибо эта ноша есть нечто целое и половина ее не поддается воздействию половины силы в той мере, в какой поддалась бы, если бы существовала отдельно, так как она связана с другой половиной ноши и не способна двигаться в отдельности. Поэтому не всякий раз, как уменьшается масса лекарства и убавляется его сила, ты видишь, что его воздействие во столько же раз становится меньше. Отнюдь не обязательно также, чтобы само это лекарство оказывало действие, соответствующее его малой величине, на то, что поддается воздействию большого количества лекарства»⁴⁰.

Все свои положения и выводы Ибн Сина иллюстрирует многочисленными примерами и советами. В частности, останавливаясь на правилах и приемах заготовки лекарственных растений, он на конкретном материале определяет само понятие «лекарственные травы». По словам Ибн Сины, к целебным растениям «принадлежат листья, семена, корни, стебли, цветки, плоды, смолы и цельные растения, как они есть. Листья надо срывать после того, как они полностью приобретут свойственные им объем и форму и останутся в таком виде некоторое время, но прежде, чем они изменят окраску и сломаются, и во всяком случае раньше, чем они начнут опадать и осыпаться. Семена следует собирать после того, как тело их окрепнет и когда их покинет незрелость и водянистость, а что касается до корней, то их следует брать до того, как начнется листопад.

Цветки следует собирать после полного раскрытия, но до увядания и осыпания.

³⁹ «Канон», кн. 2, стр. 38.

⁴⁰ Там же, стр. 36.

Стебли полагается собирать, когда они достигли зрелости и не начали вянуть и морщиться.

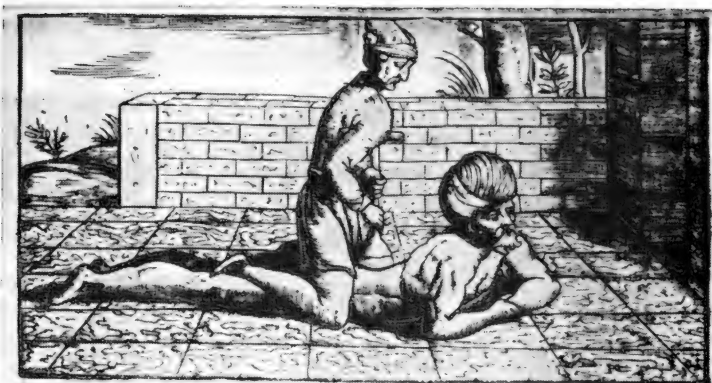
Что же касается плодов, то их срывают после того, как они вполне поспевают, но прежде, нежели они будут готовы упасть. Растения же, которые берут целиком, надо собирать, пока они в полном соку и прежде, чем в них созреют семена. Чем меньше сморщились корни и завяли стебли, чем жирнее и полнее семена, чем плотнее и тяжелее плоды — тем лучше. Большая величина не поможет, если плод вялый и тощий, но если он при этом полновесный, это очень хорошо. Плоды, сорванные в хорошую погоду, лучше тех, которые собираются при плохой, сырой погоде и вскоре после дождя. Все дикie плоды тверже садовых, хотя они большей частью меньше по величине; плоды горных растений тверже равнинных, а те, которые собираются близ мест, овеваемых ветрами, и близ возвышенностей, тверже других. Плоды, сорванные в подходящую пору, тверже тех, при сборе коих время было выбрано неправильно. Все это относится к тому, что бывает в большинстве случаев и наичаще. Чем цвет плодов насыщенней, вкус отчетливей, а запах резче, тем они сильнее в своем роде.

Трава через два-три года слабеет, кроме небольшого числа лекарств. Что же касается смол, то их надо собирать после того, как они застынут, но до высыхания, которое потребует растирания. Свойство большинства из них не сохранится более трех лет.

Если нет под рукой свежего, сильного лекарства, то старое, слабое лекарство едва ли может заменить его во всех отношениях. Лекарства животного происхождения следует брать от молодых особей весенней порой. При этом надлежит выбирать самых здоровых животных, обладающих всеми членами, и отнимать у них то, что отнимают, заколов и убив их. Не следует пользоваться тем, что взято у животных, павших от случающихся у них болезней»⁴¹.

Ибн Сина всегда старается обосновать необходимость применения того или иного сложного лекарства. «Иногда, — пишет он, — для каждого заболевания, особенно для сложного, мы не находим какого-либо простого лекарства, которое противоборствовало бы ему, но если бы даже мы нашли таковое, то не отдали бы ему предпочтения. Часто мы не можем найти даже сложного лекарства, противостоящего сложному заболеванию, или находим такое лекарство, но нам необходимо,

⁴¹ «Канон», кн. 2, стр. 41.

Лечение позвоночника. Рисунки из старинного издания «Канона»

Атлас лекарственных растений. Из древней арабской рукописи

чтобы одна из его составных частей обладала большей силой, и вынуждены прибавлять к нему какое-либо средство, увеличивающее силу лекарства. Например, в ромашке лекарственной растворяющая сила больше, а вяжущая сила меньше, и ее вяжущую силу усиливают, добавляя к ней какое-нибудь простое вяжущее средство [...]

Иногда нужно нам лекарство бывает превосходным в том действии, которое нам требовалось, но вредным в другом отношении, так что мы вынуждены смешать его с таким, которое уничтожило бы его вредную силу. Порой лекарство бывает противно натуре и желудку, больные питают к нему отвращение, извергают его, тогда приходится добавлять того, что делает его приятным [...] Нередко мы хотим, чтобы лекарство проходило несколько медленнее, дабы оказать в нужном месте самое значительное действие, лекарство же проникает быстро; тогда мы сочетаем его с каким-либо сдерживающим средством [...]

О каждом сложном лекарстве имеется суждение по его простым составным частям и суждение по их совокупности. Неиспытанное лекарство может принести пользу, если судить лишь только по его простым составным частям, а мы не знаем, что обязательно вызовет их смешение, станут ли они сильнее в своем качестве или слабее. В испытанном же лекарстве оба эти вопроса уже исследованы. Зачастую польза от средств, когда они находятся в сочетании, бывает большая, чем это ожидается от их простых составных частей по отдельности. Знай, что у тебя могут возникнуть четыре потребности, и ты не найдешь для них природного лекарства, а только искусственное... Знай также, что в сложные лекарства входят средства, которые являются главной простой составной частью и основой, и если изъять ее из состава, то полезность сложного лекарства пропадает... Знай, что многие составы приводят к расстройству действия лекарств, а многие — к исключительно хорошему действию. Многие составы приготавливаются из лекарств простых и сложных... Иногда лекарства состояются (только) из сложных лекарств»⁴².

Большое внимание Ибн Сина уделяет определению точного времени хранения лекарства. Он справедливо считает, что длительность хранения снижает эффективность лечебного средства. В качестве примера он указывает на сроки хранения терьяка. «У терьяка есть младенчество, отрочество, юность,

⁴² «Канон», кн. 5, стр. 10, 13—15.

старость и смерть. Он становится ребенком по прошествии шести месяцев или одного года. Затем он начинает расти и увеличиваться, пока не остановится, что происходит через десять лет в жарких странах и через двадцать лет в холодных странах. Затем он стоит на месте десять или двадцать лет, потом после двадцати или сорока лет сила его начинает слабеть, и, наконец, через тридцать или шестьдесят лет свойства исчезают, и он становится лекарственной кашкой, лишенной действия терьяка»⁴³. В состав терьяка входило до 50 лекарственных веществ, основным из которых был опий. Терьяк часто применялся в качестве противоядия при лечении змеиных укусов (при этом в его состав добавлялось мясо гадюки, тем самым появлялась возможность иммунизации организма пострадавшего). Терьяк употреблялся и при расстройствах желудочно-кишечного пищеварения.

Ученый подчеркивает важность применения различных средств, разжижающих соки организма, а в первую очередь — настоя иссопа, тимьяна и др. При этом он дает чисто практические советы: как и когда принимать слабительное, в каких случаях следует, чтобы больного стошнило, и т. д. Среди многих слабительных средств, описанных Ибн Синой, необходимо отметить так называемые нежные слабительные, впервые введенные им в медицинскую практику. Большое значение придает ученый лечению минеральными водами, содержащими соли золота и серебра и других металлов.

Ибн Сина рекомендует использовать слабительные средства в виде отваров, механических смесей и пилюль. Для их приготовления он пользуется морским луком, китайским ревнем, колоквинтом, агариком, сабуром и др. Лекарства, предназначенные для детей, ученый изготавливает в жидком виде, чтобы в случае необходимости прямо влить в рот ребенку. Некоторые лекарства такого рода, приготовленные Ибн Синой, дети могли просто лизать.

Ибн Сина, как уже отмечалось, выступает за применение лекарственных сиропов, а также различных плодовых соков, особенно из айвы и мака с добавлением сока полыни. Наряду с рецептами изготовления лекарственных отваров из трав в «Каноне» говорится о лекарственных маслах, которые можно получить методом перегонки из соков растений. Ибн Сина пишет, что из некоторых растений, например полыни, масло можно получить путем нагревания на солнце. Испытывая и

⁴³ «Канон», кн. 5, стр. 20.

получая новые лекарства, Ибн Сина широко пользуется некоторыми лекарственными средствами, рекомендуемыми Гиппократом.

Как и в наши дни, в эпоху Ибн Сины сердечно-сосудистые заболевания являлись актуальной проблемой медицины. Неудивительно, что в «Каноне» приводятся сведения относительно лекарств, применяемых при болезни сердца. Вместе с тем Ибн Сина пишет в «Каноне»: «Относительно сердечных лекарств у нас есть отдельная статья, и если человек объединит знание врачебного искусства со знанием основ более общих, нежели врачебное искусство, он получит от этого пользу»⁴⁴. Очевидно, речь идет о знаменитом трактате Ибн Сины «Китаб-ал-Адвийа-ал-Калбийя» («Книга о лекарствах при сердечных болезнях»), написанном раньше «Канона». Трактат изложен также на классическом арабском языке. Его первый перевод на латинский язык относится к XII в.

В «Книге о лекарствах при сердечных болезнях» Ибн Сина пытается проникнуть в сущность различных сердечных недугов и впервые в медицине дает полную характеристику известных тогда лекарственных средств, используемых при лечении сердца. Трактат состоит из 19 глав. Даже беглое перечисление затронутых в книге вопросов свидетельствует об огромном значении, которое придавал автор изучению деятельности сердца и методов борьбы с сердечными заболеваниями. В начале книги дается характеристика пневмы — «телесной материи, возникшей от смешения соков». Затем Ибн Сина описывает душевные состояния человека — «радость, печаль, страх и гнев», ибо, по его словам, они «зависят от состояния пневмы, которая находится в сердце»... В книге говорится и о причинах, порождающих у человека радости и печали, а также характеризуются особенности различных состояний сердца. Автор останавливается на качественных изменениях крови в связи с душевным состоянием человека, отмечает «влияние затаенной злобы» на сердечную деятельность, показывает действие на организм возбуждающих, в частности веселящих, средств.

Большое место занимают описания лечебных свойств душистых и сладких лекарств, являющихся, по мнению Ибн Сины, наилучшими средствами при лечении сердечных заболеваний. При этом он приводит обстоятельную характеристику свойств и качеств рекомендуемых лекарств. В частности,

⁴⁴ «Канон», кн. 3, т. I, стр. 534.

Ибн Сина предлагает 65 простых лекарств для лечения сердца — миробаланы беллерические, лаванда, одуванчик обыкновенный (молочайный), касатик светло-голубой и т. д. и 10 сложных, положительное действие которых он наблюдал сам. Вместе с тем Ибн Сина дает описание десяти сложных лекарств, составленных и введенных в практику лечения сердца им самим. В книге говорится и о сложном лекарстве, составленном им из 37 простых лекарств. Он рекомендует его страдающим меланхолией. В заключение Ибн Сина описывает методы предварительного оздоровления — очищения организма (в целом или одного из основных органов) перед лечением собственно сердечного заболевания, вызванного, по его мнению, расстройством соков в человеческом организме.

Большой интерес для нас представляют страницы «Канона», освещающие вопросы токсикологии. Надо сказать, что познания Ибн Сины о ядах и вызываемых ими отравлениях были столь обширны, что до конца XVII в. он считался одним из ведущих авторитетов в этой области. В «Каноне» можно встретить описания более 90 разновидностей ядов, причем не только растительного и животного происхождения, но и минеральных. Наиболее токсичными он считает аконит, можжевельниковые ягоды, спорынью. При этом он подчеркивает особую опасность отравления натошак.

В «Каноне» хорошо освещаются лечебные мероприятия при различных случаях отравления. Ибн Сина советует придерживаться основного правила — как можно скорее вывести яд из организма путем промывания желудка теплой водой. Пострадавший должен выпить большое количество теплой воды, чтобы его стошнило. В то же время он указывает на потогонные средства, лечение теплыми ваннами, грелками, обволакивающей терапией, маслом, молоком. В «Каноне» говорится об использовании в случае отравления слабительных средств, кровопускании и т. п. В случае нарушения или упадка сердечной деятельности у подвергшегося отравлению Ибн Сина считает необходимым применение возбуждающих средств. Отравленных металлическими солями он советует лечить молоком, маслом, сливками. Ибн Сина учит, как лечить от укусов ядовитых животных: змей, скорпионов и др., предупреждая, что последние особенно ядовиты в начале лета. Первое, что необходимо сделать, — это быстро удалить (высосать, отжать) из раны яд. По его мнению, пострадавшему хорошо дать что-нибудь из потогонных, болеутоляющих или возбуждающих лекарств.

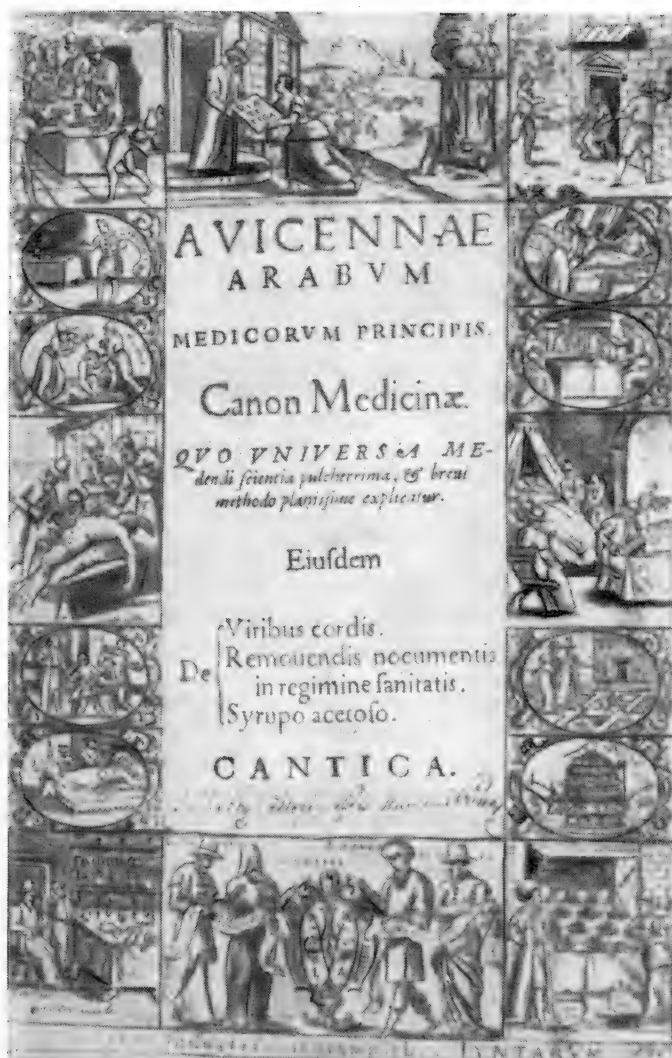
Как уже отмечалось, Ибн Сина был сторонником применения наркотических и обезболивающих средств. Чтобы больной быстро лишился чувствительности, надо в вино добавить приятно пахнущего меда или сабур. Если нужно добиться глубокого бесчувствия, чтобы облегчить перенесение боли во время операции, необходимо подмешать в вино плевел. Он считает, что можно использовать опиум, белену (по полдрахмы каждого), мускатный орех или сырую древесину алоэ, смешав с вином и дав больному определенную дозировку. Больше того, Ибн Сина использует в своей практике и антисептические свойства алкоголя. Например, он употребляет вино при перевязке ран.

Ибн Сина считает, что врач всегда должен знать, почему он прописывает больному то или иное лекарство. При этом чрезвычайно важное значение он придает и определению точной дозировки приема больным лекарства, ибо при неверной дозировке лекарство может оказать на организм отрицательное действие. Ученый выступает против поспешного применения новых препаратов. Действие нового лекарства следует первоначально проверить на животных. Особенно он предостерегает от поспешного широкого использования новых средств, «о которых древние не имели понятия». Вместе с тем Ибн Сина уверен, что окончательное заключение о ценности того или иного лекарства можно делать лишь после массового опробования его на больных. В целях объективности оценки качества нового медикамента Ибн Сина советует испытывать его одновременно на нескольких больных.

Почти тысяча лет отделяет нас от времени написания «Канона врачебной науки». Но даже краткое знакомство с его основными положениями позволяет говорить о его «молодости», о его неразрывной связи с медициной последующих эпох. Определив многие направления в развитии медицинской науки, «Канон» сделал имя его создателя бессмертным.

«Урджуза» и рубаи Ибн Сины

Ибн Сина был не только замечательным ученым-медиком, но и талантливым популяризатором науки, выдающимся мастером поэтического слова. Об этом свидетельствуют его поэма «Урджуза» («Манзума Фи-тибб») и его немногочисленные рубаи.

Титульный лист издания «Канона» и «Урджузы»
Венеция, 1608 г.

Урджужой в арабской и персидской поэзии называется всякое стихотворение, написанное размером раджаз, т. е. построенное по принципу долготы и краткости слогов. В отличие от русского стихосложения, которому присуще строгое чередование ударных и безударных слогов, в арабских и персидских стихах слоговые ударения в стопах не совпадают. При чтении вслух арабские стихи обычно не скандируются, а произносятся нараспев. Раджаз бывает четырех- и трехстопный, причем каждый имеет немало разновидностей в слоговом составе стоп. При переводе на русский язык сохранить точную форму арабских и персидских стихов, за очень редкими исключениями, не удастся. Поэтому «Урджужа» Ибн Сины переведена прозой.

Точная дата создания поэмы неизвестна. После «Канона врачебной науки» — это наиболее значительное произведение Ибн Сины, посвященное медицине. «Урджужа» содержит 1322 двустишия и написана на арабском языке трехстопным раджазом. Ибн Сина так определил цель поэмы: «Было обычаем для философов и ученых людей древности служить царям, эмирам, халифам, визирям, судьям и юристам, писать для них в прозе и стихах книги, посвященные искусствам и наукам, и специально медицинские поэмы. Что касается врачей, они часто пишут поэмы и собирают их, позволяя нам отличать красноречивых людей от некрасноречивых, искусного сочинителя от непросвещенного. Так властители знакомятся с советами медиков и взглядами философов.

Я видел, что в некоторых странах искусство врачевания не способствовало объединению врачей, но порождало полемику между ними в госпиталях и в школах. Я видел людей, не способных обогатить свое научное сообщество: госпиталь, школу — и не имеющих представления о его законах, людей, лишенных какой-либо этической основы, занятых медицинской догмой и не изучивших ее в должной мере, людей, которые без основательных знаний продвигались вперед и считали себя учителями. Я предполагаю идти по следам античных врачей и философов и служу людям этой поэмой, которая охватывает все части медицинской науки.

Я разделил эту поэму должным образом. Я одел ее в совершенное одеяние и радовался ей, облаченной в мантию красоты.

Она составлена в простом изложении, понятными стихами, так, чтобы было нетрудно ее читать. Когда наш властелин посмотрит на нее своим пронизательным взглядом и умом и она займет место среди его книг в малом формате, он будет

الأخوة في اللطائف

للشيخ الزين بن عبد السلام

أعني بنشر نصها العربي ونص ترجمتها
اللاتينية وقام بقلب إلى اللغة الفرنسية
الدكتور جان جاني والشيخ عبد القادر نور الدين
الأستاذان بجامعة الجزائر
باريس

١٣٧٥ - ١٩٥٦

Титульный лист арабского издания «Урджузы»

пользоваться ею, чтобы постигнуть эту великолепную науку. Тогда он будет знать, как отличать настоящего врача-практика от презренного плебея науки, новичка от искусного ученого и просвещенного от неуча»⁴⁵.

Стихотворная форма показалась ученому наиболее подходящей для популяризации основ медицины. В дальнейшем многие ученые успешно использовали подобную форму для популяризации своих основных трудов. Например, Андрей Везалий изложил свою обширную (семь книг) «Анатомию человеческого тела» в небольшой книге «Эпитоме» («Извлечения»).

В XII в. Герард Кремонский (1114—1187) перевел «Урджuzu» на латинский язык, озаглавив перевод «Cantica de Medicina». К XII в. относится и первый комментарий к этой поэме, который сделал арабский ученый Аверроэс (Ибн Рошд). Латинский перевод этого комментария был издан в Венеции Арменго де Блезом.

Интерес для исследователей представляет латинский перевод поэмы, сделанный в 1522 г. в Лионе Пьером Антуаном Рустикусом. В его издании комментарии отсутствовали, но многочисленные ошибки, допущенные в предыдущих переводах, были исправлены. Впервые перевод поэмы Ибн Сины был снабжен списком употребляемых в ней арабских медицинских терминов. Через пять лет новый перевод «Урджuzu» выпустил Андрей Альпагус из Беллуны. Он также не включил в него комментарии Аверроэса. В вышедшем в 1562 г. переводе Бенедиктуса Риниуса из Венеции имелись маргиналии, разъясняющие отдельные места поэмы. В 1608 г. Иоанн Костус и Иоанн Поуло Монгиус внесли в свое издание поэмы указатель и алфавитный словарь.

Единственный перевод поэмы в стихах осуществил в XVI в. Джен Фошер. Этот перевод вышел в свет лишь в 1630 г. (издание «Nimes»). В переводе Фошера встречаются значительные отклонения от текста Альпагуса.

Необходимо отметить, что все переводы «Урджuzu» вообще страдают великим множеством ошибок. Пунктуальные переписчики арабских текстов слепо копировали неразборчиво написанные слова и целые фразы, тем самым навсегда уничтожая их истинное значение и смысл. Что касается переводчиков, то и они нередко допускали вольные литературные отступления при переводе непонятных им терминов, или же про-

⁴⁵ Haven C. Krueger. Avicenna's poem on Medicine. Kansas, 1963, p. 13—14.

сто писали их фонетическую транскрипцию (без всякого смысла), или же обращались при переводе к эллинистическим источникам, не имеющим почти ничего общего с арабским текстом поэмы.

В 1649 г. в Гронингене (Нидерланды) вышло последнее латинское издание поэмы «Урджуза». На этот раз перевод сделал Антониус Деузингиус. В распоряжении переводчика имелись все предыдущие переводы поэмы Ибн Сины. Деузингиус постарался исправить многочисленные ошибки переводчиков и копиистов арабского текста. По мнению большинства исследователей, Деузингиусу больше, чем кому-либо, удалось приблизить перевод к арабскому тексту.

На протяжении многих веков дидактическая поэма «Урджуза» была предметом многочисленных дискуссий ученых, разбиравших и обсуждавших каждую ее строку. Миру известны имена пяти исследователей, первыми произведших тщательную обработку поэмы. К их числу относится ученый XII в. Ибн Рошд (1126—1198), известный на Западе под именем Аверроэс. В начале XV в. над анализом поэмы работали Ибн Тумулус, Ибн Мухаммад, Ибн ал-Муханна, ал-Сакалли. В дальнейшем «Урджуза» привлекла внимание многих исследователей. И все же поэма, особенно ее литературная форма, до сих пор еще недостаточно проанализирована учеными.

«Урджуза» — своего рода *«Va de mesum»*⁴⁶ всей среднековой медицины. Переведенная на латинский, французский, немецкий, английский и румынский языки, она выдержала испытание временем. Основные принципы медицинской науки, выраженные в поэме, делали ее весьма ценной и полезной для студентов-медиков.

Поэма использовалась в медицинских школах Востока и Запада на протяжении 600 лет. И в наше время она представляет громадный исторический интерес.

Трудно передать в переводе поэтические красоты «Урджузы». Они не вполне доступны и современным арабам. В первую очередь это вызвано эволюцией языка, происшедшей за тысячу лет, и особенностями оборотов в языке поэмы. Но чтобы у читателя сложилось представление о мастерстве Ибн Сины — популяризатора науки и художника слова, приведем отрывки из поэмы, переведенные нами. Прозаический перевод сделан с английского издания поэмы:

⁴⁶ *Va de mesum* — справочник, путеводитель. В буквальном переводе — «иди со мной».

«Поэты — принцы вселенной; врачи руководят телом. Красноречие упомянутых выше радует душу; преданность последних исцеляет болезни.

Эта поэма содержит всю теоретическую и практическую медицину. И я в ней излагаю в стихах все мои знания этой науки.

Определение слова «медицина»

Медицина — это охрана здоровья и лечение болезней, возникающих от причин, пребывающих внутри тела.

Подразделение медицины

Основной раздел: теория и практика. Теория сама по себе разделена на три части. В ней есть семь природных составных частей и шесть жизненных причинных явлений. Конечно, их можно найти в книгах. Это болезни, симптомы и причины. Практика включает два действия: одно производится руками, другое — медициной и диетическим режимом [...]

Классификация вещей в процессе роста

Мы будем разделять все вещи на минеральные, растительные и животные. Лекарства побеждают болезни тела; пища дает телу рост. Первое из упомянутых обладает натурой; последняя познается на вкус; это мнение точно и верно. Сладкое, соленое и горькое — качества сухости; очистительное — тепло, все кислое, прокисшее и наделенное привкусом усиливает сухость и холод. Все, что водянисто и безвкусно, — неопределенно; все, что жирно, — тепло и влажно; холод и влажность — безвкусны и неприятны.

О натурах, связанных с возрастом

У каждого живого существа меняется натура в связи с его возрастом; но мы будем говорить специально о человеке. Натура детей и юношей тепла и очень сходна, у последних она суше. Зрелый человек холоден, так же как более старший, и т. д.

Мужские и женские натуры

У мужчин — тепло и сухость; у женщин — холод и влажность. Процветающее и плотное тело — холодно и влажно. Люди тощие и стройные внешне — сухи. Все те, чьи вены

видны,— теплы и холодны, те, у которых обратное расположение вен, неустойчивы.

Признаки натуры, заключающиеся в цвете и прежде всего в окраске кожи

Не делай вывода или предположения об окраске кожи, если она зависит от местности. У индейцев жаркий климат изменил цвет тела, так что их кожа покрылась темнотой. Славяне стали такими светлыми, что кожа их блещет белизной. Если вы определите семь климатов, вы узнаете разные натуры этих климатов. Четвертый климат неустойчив; цвет кожи населяющих его людей зависит от их натуры. Желтый цвет лица у желчных; темно-коричневый у меланхоликов; краснота зависит от большого количества крови; цвет слоновой кости характеризует флегматиков. Белый цвет лица с румянцем представляет хорошо уравновешенную натуру.

О цвете волос

Тот, у кого белые волосы, обладает холодной натурой; волосы у обладателя теплой натуры — черные; тот, кто менее холоден, имеет рыжие волосы; тот, у кого уравновешенная натура, имеет волосы темно-рыжие.

О цвете глаз

Когда линза хрусталика и водянистая влага небольшой массы светла и прозрачна — глаз имеет голубой цвет; при противоположных условиях — глаз черный. Если глаз умеренно светлый, зрение человека менее остро; если масса линзы и влаги обильна, человек имеет острое зрение [...]

Влияние красок на зрение

Лучшие краски для зрения черная и зеленая. Белая и ярко-желтая нехорошие для глаз, так как они ослепляют [...]

Пища и питье

Знай, что пища должна быть причиной роста. Для взрослых она непрерывно заменяет то, что, будучи растворенным в теле, убывает. Наиболее рекомендуемая пища — это та, которая, видоизменяясь, образует чистую кровь, например хороший каравай из манной, мясо молодых цыплят. Рекомендуются также овощи, больным людям полезна свекла. Из предметов пищи некоторые плотны (густы), например манна и мясо

двухлетних ягнят. Рыба, пойманная в горных водах,— плотная пища, она полезна людям, которые должны выполнять тяжелую работу. Среди пищи есть такая, которая сама по себе неприятна на вкус, но употребляется как приправа; таковы горчица, лук и чеснок. Они порождают желтую желчь, иногда употребляются как лекарства. Некоторые продукты производят черную желчь и могут сделать некоторых людей больными, например мясо старых козлов, старых быков, хлеб, сделанный из неочищенной пшеницы. Есть также такие предметы питания, которые создают флегму, например крупная рыба и молоко.

Правила, касающиеся питья воды и других жидкостей

Свежие речные воды сохраняют подлинную влажность. Они освобождены от осадков и полезны. Лучшая — это дождевая вода, так как она не содержит ничего вредного. Некоторые воды утратили свои первоначальные качества и приобрели вещества, которые растворились в них.

Вина

Старое вино питает тело. Есть некоторые вина, которые придают свою натуру телу, например «оксимель» в момент усваивания.

Сон

Сон — это отдых сил тела. Он согревает внутренности, отсюда — более полное переваривание пищи. Однако, если сон продолжителен, нездоровые соки наполняют внутренность головы. Он делает влажным тело, расслабляет и уменьшает тепло, одушевляющее [тело]. Состояние уравновешенного бодрствования приводит чувства к действию; оно делает их активными; оно дает телу энергию действия [...] Но если бодрствование продолжительно, наступает усталость, которая порождает страдание и мрачность; оно расслабляет душу и тело, изменяет телосложение, делает глаза ослабленными, мешает перевариванию, понижает рассудительность и изнуряет.

Движение и отдых

Среди физических упражнений есть умеренные, ими должен заниматься каждый. Они уравнивают тело, изгоняя осадки и нечистоты и являются факторами хорошего питания для взрослых и счастливого роста для молодых. Неумеренные

упражнения, перегрузка изменяют силы души, приводят к усталости, истребляют природное тепло, отнимают у тела его влажность, пробуждают сильную боль в нервах и делают тело преждевременно старым. Нет сомнений по поводу продолжительного отдыха, нет пользы в его чрезмерности: он наполняет тело вредными соками и не обеспечивает телу пользу от питания»⁴⁷.

Как уже отмечалось, Ибн Сина большое внимание уделял науке о пульсе. В частности, в «Урджузе» он обращает внимание читателя на разные качества пульса, отмечая прежде всего характер его амплитуды. «Есть десять качеств пульса,— пишет в поэме Ибн Сина,— перечисленных только для искусных медиков: первый — полного наполнения, он полнотой амплитуды указывает на уравновешенность. Это дает понятие о силе деятельности сердца.

Слабый пульс, наоборот, выражается в форме длинного и короткого, сжатого и связанного, поверхностного и глубокого.

Пульс находится в зависимости от возраста, натуры, общего состояния больного, его пола и комплекции. Пульс также зависит от времени года и от географического положения страны.

Врачу надо учитывать все это. В тепле пульс бывает быстрым, так же выглядит он у активных по натуре молодых мужчин. Таков он у людей южных стран, во время болезней, беременности и летом. У жителей холодных стран пульс замедленного ритма. Таков же он у стариков и у людей в зимнюю пору, а также у тучных людей со слабым телом. Наличие влажности делает пульс мягким. Таков же пульс и у натур уравновешенных, а также в весеннее время года.

У людей в странах с устойчивым климатом пульс переменчив.

Пульс ребенка — мягкий и частый, у взрослого — медленный и устойчивый. Пульс тех, чье тело перегружено соками, — полный, после же опорожнения органов пульс делается менее напряженным и более замедленным»⁴⁸.

В «Урджузе» Ибн Сина показывает, как можно прогнозировать возникновение, процесс течения, а также время окончания болезни. В частности, он определяет признаки, предупреждающие о смерти больного или указывающие на его выздоровление. Ориентируясь по таким признакам, врач сможет вовремя предупредить больного о грозящей его здоровью опас-

⁴⁷ Haven C. Krueger. Avicenna's poem on Medicine, p. 1—53.

⁴⁸ Ibid., p. 9—11, 15—25.

ности, точнее наметить пути лечения, определеннее заключить о возможности полного излечения больного и т. п.

Ибн Сина вновь подчеркивает, что врач должен хорошо знать характер всех стадий болезни, предусмотреть возможность возникновения осложнений, а также точно определить период продолжения болезни и сроки ее окончания. При этом главное, по мнению Ибн Сины, — своевременно предвидеть наступление кризиса болезни.

Медико-философские установки, которые Ибн Сина в доступной форме раскрывает в поэме, позволяют лишний раз убедиться в широте взглядов и огромной эрудиции этого ученого. Творческий гений Ибн Сины, пребывающий на вершине тогдашнего уровня медицинской мысли, бережно относится ко всякой рабочей гипотезе. Ученый мастерски раскрывает природу процессов, протекающих в сложном организме человека.

Ибн Сина часто обращается к поэтическим произведениям на медицинскую тему, созданным другими авторами. Он известен и как хороший переводчик такого рода произведений. В частности, он перевел на арабский язык известную поэму «О гигиене» узбекского врача Тайазука⁴⁹. Эта поэма хранится в рукописном фонде Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР.

Ибн Сина знал и любил поэзию. Он был известным поэтом своего времени, и его по праву можно считать классиком: идеи и образы произведений ученого созвучны последующим эпохам. Ярким доказательством этого служат стихи Ибн Сины, написанные в форме четверостиший — рубай, являющихся одним из распространенных и излюбленных на Востоке стихотворных размеров.

Пока не обнаружено ни одного автографа рубай Ибн Сины. В распоряжении востоковедов имеются лишь поздние по времени списки отдельных его стихотворений. Рубай, приписываемых Ибн Сине, множество. И порой очень нелегко установить, принадлежат ли они действительно перу Ибн Сины. В своих поисках специалисты в первую очередь опираются на принципы, лежащие в основе мировоззрения Ибн Сины, верившего в человека, в науку и торжество разума. Подлинно авиценновских рубай немного. И поэтому они особенно дороги человечеству.

Рубай Ибн Сины характеризуют его мировоззрение, чуж-

⁴⁹ А. Ш м и д т. Рукописи произведений Авиценны. — «Труды II сессии Ассоциации арабистов». М., Изд-во АН СССР, 1941.

дое религиозным догмам. В чеканную форму четырех строк он закладывает глубокое по смыслу суждение, затрагивающее многие стороны жизни тогдашнего общества.

Мусульманское духовенство обвиняло Ибн Сину в атеизме. Его называли нечестивцем, вероотступником. В ответ на эти выпады поэт писал: «Неверие такое, как мое,— нелегкая и не пустая вещь», считая, что нет веры тверже его, веры, основанной на материалистическом мировоззрении. «В мой век есть лишь один такой, как я, и тот неверный, так значит, в этот век нет вовсе мусульман»,— замечает далее Ибн Сина⁵⁰. Ученый не боится угроз своих идейных противников. Он смело обличает их в невежестве и тупости, обрушивая на них в стихах каскады сарказма и иронии: «С двумя-тремя глупцами, которые по глупости считают себя за самых умных в мире, ты притворись ослом,— ведь всякого, кто не осел, они сочтут неверным»⁵¹.

Ибн Сина часто воспевает вино, запрещенное Кораном. Ученый считает, что человек, употребляя вино, в какой-то степени восстает против догм ислама, своеобразно протестует против гнета религиозной морали. Он пишет:

*Вино — враг пьяницы — оно же друг умеренного.
Чуть-чуть его — противоядие, а много — яд.
Оно горько, как совет отца,— и как совет отца,
полезно.*

*Оно дозволено всем умным и запрещено дуракам*⁵².

*Бесспорно, чистое вино питает дух.
Смотри, как цвет его затмил цвет розы...
Повинно ли вино, что пьет его дурак
И, как слепец, потом бредет во тьме,
А нас оно подымлет к богу...
Оно же по закону веры дозволено для мудреца,
Оно же по закону разума запретно для ослов.
Пей с разуменьем чистое вино, как пил бы Бу-Али,
И если верно, что есть бог,—
То сам ты станешь богом*⁵³.

⁵⁰ М. З а н д. Поэтическое творчество Ибн Сины.— «Литературный Таджикистан», 1953, № 5, стр. 120.

⁵¹ Там же, стр. 118.

⁵² Там же, стр. 114.

⁵³ Е. Э. Б е р т е л ь с. Авиценна и персидская литература.— «Изв. АН СССР». М.— Л., 1938, № 1, стр. 86.

В то же время вино для Ибн Сины-врача это прежде всего целебное средство. Он советует принимать его в строго ограниченных количествах. В одной из своих работ он пишет: «И поистине я сознаюсь в признании греховности вина и свидетельствую о наказании за него в соответствии с различием степеней пьющих. И поистине было причиной того, что я советовал пить воздержанно, то, что, хотя приговор твой (Магомета.— *В. Т.*) властен надо мной и решение твое должно быть исполнено мной, характер природных свойств человеческих позволяет душе моей искать поддержку в вине. И питье вина оправдано двумя причинами: первое — оно лекарство во вредных условиях природы в странах с нездоровым климатом. Второе — ради исполнения предписания, о котором говорит твоя славная книга (Коран.— *В. Т.*). В нем кладезь пользы для людей, и признание этого слова «польза» звучит во множественном числе, клянусь богом, вероятно, для показанья самым большим того, что находит в нем здоровье человеческое тело, а получает в нем здоровье человеческое тело для повиновенья тебе в соответствии со словами того, над кем да будет мир (пророка.— *В. Т.*).

«Тот, кто здоров натурой своей, здоров и религией своей». И если я погружаюсь в потребление вина... то ты имеешь право на прощенье прегрешения моего»⁵⁴.

Ибн Сина часто сам прибегает к вину для поддержания сил и бодрости духа. «И я приходил вечером домой,— пишет он,— и ставил перед собой светильник, и занимался чтением и писаньем. А коль скоро побеждал меня сон или я чувствовал слабость, то выпивал кубок вина, пока не возвращалась ко мне сила. Затем я обращался к чтению»⁵⁵.

Ибн Сина предупреждает: «Вино должны пить шах, мудрец и бродяга, а если ты не из числа тех трех, не пей, а иначе исполнишь желание врагов»...⁵⁶

В заключительном двустии одной из своих газел он говорит: «Подобно Бу-Али, если ты будешь мудро пить чистое вино, клянусь божественной истиной, существо твое обретет указанье верного пути к божественной истине»⁵⁷.

⁵⁴ С. А й н и. Шайхурраис Абу али Сино. Сталинабад, Изд-во АН ТадССР, 1939, стр. 24, 124.

⁵⁵ М. З а н д. Поэтическое творчество Ибн Сины, «Литературный Таджикистан», 1953, № 5, стр. 117.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Е. Э. Б е р т е л ь с. Авиценна и персидская литература, М., 1960, стр. 87.

В своих стихах Ибн Сина зовет людей к знанию, считая, что, обладая знанием, человек может по-настоящему почувствовать свою силу: «Улучшай душу науками, чтобы двигаться вперед, и оставь все, ибо душа — всему дом. Поистине душа — как сосуд, а наука — светоч, и человеческая мудрость — оливковое масло»⁵⁸. «Скрыта от невежд дорога правильного пути, подобно тому как слепой не видит солнца»⁵⁹, — утверждает ученый.

Сам он вынужден скрывать от мстительных невежд сокровенные мысли и планы. Однако Ибн Сина всегда готов поделиться ими со своими учениками — преданными науке последователями его дела:

«О брат! Истинно в этих указаниях я сбил для тебя масло истины и дал тебе в тонкостях изречений то из мудрых наставлений, чем угощают, оказывая почет. Храни же это от тех, кто не наделен сверкающим разумом, и опытом, и навыком в науке»⁶⁰.

Он обращается к своим ученикам с призывом: «Оберегай тайну от всех расспрашивающих и будь осторожен: ведь благоразумие — это нечто другое, нежели осторожность. Пленница твоя — твоя тайна, если ты сберег ее; и ты пленник ее, если она обнаружилась»⁶¹.

Ибн Сина учит их внимательнее разбираться в людях. Сам ученый в своих странствиях встречался со многими людьми. Он наблюдал и изучал их характеры. В одном из своих произведений он пишет: «Поистине я достаточно странствовал повсюду и устремлял свой взгляд сквозь внешние свойства людей, и я не встречал никого, кроме кладущего смущенно руку на бороду свою или скрипящего зубами от раскаянья»⁶².

С горечью пишет он о своей судьбе изгнанника, о тяжелых условиях, в которых ему приходится работать, о жизненной неустроенности:

Хоть и возвеличился я, но не обширны мои владенья.

*Хоть и дорога цена моя, но нет на меня покупателя*⁶³.

⁵⁸ На ма й и - Д а н и ш в а р а н. Книга мудрецов, т. I. Тегеран, 1879, стр. 80.

⁵⁹ М. З а н д. Поэтическое творчество Ибн Сины, стр. 118.

⁶⁰ Там же, стр. 120.

⁶¹ Там же, стр. 118.

⁶² И б н Х а л л и к а н. Книга кончин знаменитостей и известий о сынах времени. Геттинген, 1836, стр. 134.

⁶³ Е. Э. Б е р т е л ь с. История персидско-таджикской литературы, стр. 116.

Это единственное дошедшее до нас двустишие из знаменитой «Касыды», которую Ибн Сина писал в Джурджане. Эти строки он процитировал в «Автобиографии».

Ученому тяжело жить в окружении властолюбцев, завистников и глупцов. Он не понимает этих людей, их поступков и мыслей: «Достойны удивления люди, завидующие моим прекрасным качествам: В мое отсутствие, чтобы наказать меня, они бранят мое превосходство, порицают мою мудрость и становятся дикарями из-за своих недостатков и моего превосходства. Поистине я подобен высокой горе, а они с их кознями и упреками подобны диким козлам, выражающим пренебрежение к этой горе ударами рогов» ⁶⁴.

Религиозные фанатики преследовали Ибн Сину в молодости. Но уже тогда ученый с великим достоинством отвечал на их злобные выпады: «И когда юноша познает верный путь для себя, ничтожны для него упреки невежд» ⁶⁵.

В дальнейшем ученый пытается найти причины, побуждающие реакционеров к его травле. Их много, и главная — это страх перед знаниями, боязнь просвещения.

*И если б у невежд страх в сердце не таился,
Они бы не порочили меня и не искали бы прощенья,
мне грехов,*

*Так, как копают рвы, бояся львов,
Травя от страха их остриплой сворой псов,
Так мне они косые взгляды дарят.
Ведь ночью я тружусь, к познанию стремясь.
Они же крепко спят, в невежестве томясь* ⁶⁶.

Среди таких людей, не понимающих и не знающих жажды творчества, бесконечной любви к науке, которой Ибн Сина отдает все свои дни и ночи, он чувствует себя особенно чужим и одиноким.

*Оком враждебным взирают они на меня,
Но если б оно дружелюбно встречало меня,
То прекрасным увидели б то,
Что казалось им, злобным,— плотим* ⁶⁷.

⁶⁴ И б н А б и - У с а й б и а. Источники известий о разрядах врачей. Египет, изд. А. Мюллера, ч. II, 1882, стр. 15.

⁶⁵ М. З а н д. Поэтическое творчество Ибн Сины, стр. 121.

⁶⁶ Там же, стр. 119.

⁶⁷ Там же, стр. 122.

В своих стихах Ибн Сина нередко предается философским раздумьям. Он часто рассуждает над вечной проблемой жизни и смерти. В одном из своих четверостиший он трактует это следующим образом:

*От преисподней до зенита Сатурна
Разрешил я все трудности Вселенной,
Высвободился от оков всякого коварства и обмана,
Все узлы я развязал, кроме лишь одного — узла смерти*⁶⁸.

Эти строчки очень близки по содержанию и по интерпретации рубаи, написанной славным последователем Ибн Сины Омаром бен Ибрагимом Нишапури Хайямом:

*Я побывал на дне глубоких ям,
В кольцо Сатурна лазил к небесам,
Разгрыз я сети всех тысячелетий,
Но узел смерти мне не по зубам*⁶⁹.

Он говорит о вечности истин. Здесь особенно ярко проявляется характер Ибн Сины-ученого, его неуклонное стремление к истине:

*В хранилище времен сохранны формы тел,
Которых ныне нет, их миновал удел.
Когда же снова станет таким же небосвод,
Их небытье пройдет и снова истина их к жизни призовет*⁷⁰.

Ибн Сина твердо убежден, что ничто и никто не могут помешать человеку бороться за правое дело. Он призывает своих учеников до конца исполнять свой долг, честно трудиться на благо народа. В своих творениях ученый проповедует высокие моральные принципы:

*Прежде чем ты уйдешь из мира,
лучше всего не терзаться раскаяньем:
Делай сегодня дело, пока можешь,
Что ты будешь делать завтра,
Когда уже не сможешь сделать ничего?*⁷¹

⁶⁸ «Украинский рабочий», 1937, № 3, стр. 75.

⁶⁹ Омар Хайям. Сборник стихотворений, перев. И. Тхоржевского. Париж, 1928, стр. 24.

⁷⁰ Мубадшах. Школа религиозных направлений. Лакхнау, 1881, стр. 6.

⁷¹ Государственная публичная библиотека им. Фирдоуси, рукопись № 937, стр. 185.

Люди всегда должны стремиться к добру. По мнению Ибн Сины, делать доброе дело — это величайшее счастье. И горе недоброму человеку. Его ждет всеобщее презрение:

*О не делавший добро, но творивший дурные дела
и просящий о своем всепрощении,
Не надейся на милость забвенья,
Ибо несодеянное подобно содеянному,
А содеянное подобно несодеянному...⁷²*

Очень плохо, когда человек творит зло. Но еще хуже, если недоброе дело задумал и осуществил твой друг. Ибн Сина предостерегает от выбора таких друзей. Вряд ли что может быть страшнее предательства и лживости друга.

*Так как с врагом моим много общался мой друг,
Мне не следует видиться с другом:
Сахара бойся, к которому яд примешали.
Муху гони от себя, что сидела на страшной змее...⁷³*

Благородство Ибн Сины считает одной из лучших черт человеческого характера. Он пишет:

*Десять вещей заповедны душе благородной.
Ей не присущи лишь шесть унижительных свойств:
Зависть, низость и ложь,
Любованье нуждой, слабостью и болью.
Если богат ты, то руку подай друзьям.
Помоги им дающим и пищей,
Когда ж ты нуждою стеснен,
Тайну свою береги, хоть лицо твое желто от боли⁷⁴.*

Он требует от своих учеников неустанного повышения знаний, упорной работы над собой. Ибн Сина и сам постоянно учится, совершенствует свое мастерство. Он не удовлетворяется достигнутым и вечно жаждет познания нового. В одном из своих стихотворений он замечает:

*Я желаю достичь совершенства предельного качества,
Все ступени пройдя...*

⁷² К. Г а н и. Ибн Сина. Тегеран, стр. 104.

⁷³ М. З а н д. Поэтическое творчество Ибн Сины, стр. 125.

⁷⁴ Там же, стр. 126.

Философские воззрения Ибн Сины

Ибн Сина сыграл большую роль в развитии философии. Его по праву называли «вторым учителем», вторым после Аристотеля, который в те времена считался непогрешимым авторитетом в вопросах науки и философии. Почти для всех медицинских трудов Ибн Сины характерна неразрывная связь медицины с философией. Знание философских законов способствовало его широкому и углубленному подходу к объекту изучения. Ибн Сина написал около трехсот трудов, из которых, по данным иранского академика Саида Нафиси, 182 посвящены философии. Многие из его философских работ не дошли до нас. Так, потерян его обширный (20 книг) энциклопедический трактат «Справедливость» (сохранились лишь отдельные отрывки из предисловия); почти полностью (остались небольшие фрагменты) погибла его большая работа «Восточная философия» и т. д. Эти произведения выражали кредо философских воззрений Ибн Сины и были весьма неуютны ортодоксальным представителям ислама.

Из дошедших до нас философских работ Ибн Сины наибольшей известностью пользуется «Книга исцеления» («Китаб аш-Шифа»). В 18 томах излагаются взгляды Ибн Сины по вопросам логики, физики, метафизики, астрономии, математики и музыки. К сожалению, это капитальное произведение ученого до сих пор полностью не переведено ни на один европейский язык, и широкие круги читателей могут судить о нем лишь по небольшим фрагментам.

В 1593 г. в Риме была переведена на латинский язык и напечатана в качестве приложения к «Канону врачебной науки» философская работа Ибн Сины «Книга спасенья» («Китаб ан-Наджат»). В ней великий ученый вновь останавливался на проблемах логики, физики и метафизики. В 1951 г. известный французский востоковед А. М. Гуашен перевела «Книгу спасенья» на французский язык. При этом она снабдила свой перевод обстоятельными комментариями.

Среди других более или менее полностью дошедших до нас философских работ Ибн Сины наибольший интерес представляют 20-томный трактат «Получаемое и достигаемое», работа «О разделении наук», в которой ученый дает оригинальную классификацию научных дисциплин, сочинение «Добро и зло», посвященное вопросам этики, и др. Философские вопросы Ибн Сина затрагивает в работах «О душе», «Афоризм о душе», «Тезисы», «Хайя ибн Якзан» и многих других.

DE STATVA
ARISTOTELIS EXPRESSA IMA-
GO. Quid autem ars à Natura differe?

Ἦ' ΕΚ ΤΟΥ ΑΤΧΑΜΑΤΟΣ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΟ-
ΤΕΛΟΥΣ ΕΙΚΟΝ. ΤΙ ΔΕ ἢ ΤΕΧΝΗ
ΤΗΣ ΦΥΣΕΩΣ ΔΙΑΦΕΡΕΙ
AGNOSCE EFFIGIEM, NATVRÆ MAX-
MVS HIC EST CONDVS OPVM, AT-
QVE IDEM PRIMVS ARISTO-
TELES ROMA.
ANNO. D. M. LIII. 18

Аристотель

Дошедшее до нас философское наследие великого медика пока еще изучено далеко не полностью. Многие вопросы, затронутые им в философских работах, подлежат строгому научному анализу. В частности, ученым еще предстоит сказать многое о связи философии Ибн Сины с воззрениями античных философов (Аристотеля, Платона и др.), о том, как относился ученый к работам своих предшественников, что ценного внес он в разработку их философских воззрений. Особенно важно точно определить характер и значение связи философских воззрений Ибн Сины с мировоззрениями видных среднеазиат-

ских ученых и мыслителей, например Рази, Фараби, Бируни и др. Только тщательное исследование творческого наследия Ибн Сины позволит создать объективную характеристику его взглядов.

Дошедшие до нас фрагменты обширного трактата его знаменитой «Восточной философии» дают возможность судить о его взглядах на философию Аристотеля. В частности, он отмечает: «Нет сомнения, что Аристотель, как первый человек, который начал исследовать запутанные проблемы и различать правильное от ложного, сделал огромное дело, выходящее за пределы обычных человеческих возможностей, и тому, кто пришел после него, нужно было исправить его ошибки. Но его последователи этого не делали, они не могли выйти из-под его сильного влияния, а потратили всю жизнь на стремление понять верные моменты его учения и фактически защищали нелепые и неверные его взгляды»⁷⁹. Ибн Сина потратил много труда на то, чтобы «очистить» логическое учение Аристотеля от тех схоластических дополнений и извращений, которым оно было подвергнуто в средние века.

Ибн Сине были знакомы и философские взгляды известного ученого, выходца из Басры — Абу Якуба ибн Исаака ал-Кинди (ум. ок. 873). Ал-Кинди являлся автором оригинальных работ по математике, космографии, психологии, медицине и музыке. Апологет естествознания, знаток античной философии, Ал-Кинди вел большую работу по изучению текстов Корана. Ученый подвергал резкой критике многие стороны учения ислама, указывая на вопиющие противоречия в Коране. За это мусульманское духовенство преследовало Ал-Кинди, сжигало его труды и т. д.

Много внимания уделял Ибн Сина трудам среднеазиатского ученого из Фараба — Абу Насра Фараби. Это был известный в те времена философ, математик и физик, отличный комментатор аристотелевского «Органона». Ученый-энциклопедист, он создал знаменитую «Классификацию наук», охватывающую естествознание, математику, логику, языковедение и политику.

Ибн Сина изучал труды ученого IX в. Мухаммада ибн Мусы Хорезми, и в первую очередь его великолепные работы по истории, географии, астрономии и математике. Хорезми известен миру как создатель алгебры. В своих наблюдениях он ши-

⁷⁹ Цит. по: С. Н. Григорян. Философия Средней Азии и Ирана с VII по XII в. М., Изд-во АН СССР, 1966, стр. 90.

роко использовал астрономическую аппаратуру, угломерные приборы, астролябию, о применении которой писал в своих работах. Деятельность Мухаммада Хорезми была особенно близка Ибн Сине. Как известно, последний сам увлекался астрономией, и в частности много работал над уточнением астрономических приборов.

Миру известно имя Абу Райхан ал-Бируни — автора замечательных открытий и идей в области минералогии и географии, создателя интереснейшего историко-этнографического исследования «Индия» — книги, не имевшей себе равных в ту эпоху. Выдающийся исследователь и знаток природы Бируни был другом Ибн Сины. До нас дошла их переписка, в которой великие ученые обменивались мнениями по многим вопросам науки. Ниже приводятся отрывки из этой переписки, проливающие свет на различные стороны философских взглядов Ибн Сины.

Обращаясь к Бируни, Ибн Сина пишет: «Твоими посланками — дай аллах тебе счастья! — ты избавил меня от труда доказывать, что небесная сфера не легка и не тяжела. В них ты признал, что ввиду сцепления ее частиц над сферой нет такого места, к которому бы она стремилась, и, что также невозможно, чтобы она направлялась вниз. Я говорю: невозможно не только, чтобы она двигалась вниз, но невозможно также, чтобы под нею было естественное место, к которому она бы стремилась. Я буду на этом стоять до дня воскресения мертвых.

Мы установили в согласии, что такое предположение ведет к смещению всех элементов с их естественных мест, а это нами не допускается ни в метафизическом, ни в физическом мире; физика не допускает также и утверждения, что в физическом мире существует пустота.

Таким образом, ни ниже, ни выше небесной сферы не существует места, к которому она бы по природе стремилась актуально и конкретно, а не предположительно и в возможности, так как это приводит к порочным абсурдам, о которых мы упомянули, а именно к смещению всех элементов с их естественных мест или к наличию пустоты. Нет же ничего более сложного, чем вещи, которые нельзя установить актуально, ни предположительно или в возможности.

Таким образом, на основании вышеизложенного я признаю, что ни выше небесной сферы, ни ниже ее нет места, которое было бы для нее естественным, а каждое физическое тело должно обладать естественным местом. Мы, следовательно-

но, можем прибавить к этой посылке малую посылку и сказать, что так как небесная сфера есть тело, что следует из первого модуса первой фигуры [силлогизма], то значит — она обладает и естественным местом. Но если перенести заключение на условный разделительный силлогизм и сказать, что естественное место небесной сферы должно находиться или наверху, или внизу, или в том самом месте, которое она занимает, то, так как мы исключили возможность существования ее естественного места наверху или внизу, мы придем к выводу, что оно должно находиться там, где недвижно пребывает сама небесная сфера.

А все то, что находится на своем естественном месте, не является актуально ни легким, ни тяжелым. Небесная сфера находится на своем естественном месте. Следовательно, она не обладает актуально ни легкостью, ни тяжестью.

Доказательством того, что вещь, находящаяся на своем [естественном] месте, не является ни легкой, ни тяжелой, служит то, что все легкое движется вверх и что его естественное место находится выше. То, что находится на своем естественном месте, не может быть легким, ибо из этого следовало бы, как я только что заметил, что то, что находится на своем естественном месте, одновременно не находилось бы на своем естественном месте, а это составляет противоречие.

То же самое можно сказать и в отношении тяжелого. Тяжелое есть то, что движется по природе вниз, и его естественное место находится ниже. Ибо все, что движется по природе, движется к своему естественному месту.

Исходя из первого рассуждения, мы можем сказать, что то, что находится на своем естественном месте, не является актуально тяжелым. Объединив заключения обеих посылок, мы выведем общее заключение, что вещь, находящаяся на своем естественном месте, не обладает актуально ни тяжестью, ни легкостью. И точно установлено, что вторая малая посылка, которая гласит, что небесная сфера находится на своем естественном месте, верна, и что весь ряд умозаключений вытекает из этого, и что конечное заключение, то есть то, что сфера не легка и не тяжела ни актуально, ни потенциально, ни в возможности, — соответствует истине.

Доказательством этого служит то, что потенциально легкое и потенциально тяжелое является таковым либо в своей целостности, как это видно на примере частиц элементов, недвижно пребывающих на своих естественных местах; если эти частицы актуально не легки и не тяжелы, они должны быть

легки или тяжелы потенциально и в возможности, так как они могут сдвинуться со своих естественных мест [только] в результате насильственного движения и возвратиться на свои естественные места [лишь] в силу движения естественного, поднимаясь вверх или опускаясь вниз; либо [потенциально легкое и потенциально тяжелое] является таковым в своих частях, а не в целостности, как, например, мы это можем видеть на совокупностях элементов, которые не легки, не тяжелы, ибо, если какие-нибудь совокупности элементов движутся вверх, необходимо, чтобы другая их половина опустилась вниз ввиду того, что эти совокупности обладают шарообразной формой и еще по многим причинам, в частности ввиду наличия легкости или тяжести в [отдельных частицах].

Итак, если небесная сфера легка или тяжела в потенции, это относится к ее целостности. С другой стороны, мы твердо установили, что движение по природе вверх или вниз не свойственно небесной сфере в ее целом, для чего мы придерживались своих же собственных посылок, а для нас стало несомненным, что небесная сфера в целостности не легка и не тяжела. Скажу еще: она потенциально не тяжела и потенциально не легка также и в отношении своих частиц потому, что ее частицы должны быть или легкими или тяжелыми. Ибо легкость или тяжесть (легких или тяжелых частиц) выявляется благодаря их движению по природе к их естественным местам. А частицы,двигающиеся к своим естественным местам, могут быть сдвинуты со своих мест либо насильственно, и тогда они возвращаются на свои места по природе, либо движение к своим естественным местам является для них природным. Так, частица огня, рожденная от маслянистого вещества, стремится вверх.

Ни одна частица небесной сферы не может сдвинуться со своего естественного места насильственно, ибо для этого требуется, чтобы она это сделала не сама по себе, а под влиянием некоего внешнего двигателя, который может быть телом или не телом.

Двигатели, которые не являются телами, как, например, то, что философы называют Природой, или Активным интеллектом, или Первопричиной, не могут быть причиной насильственного движения. В отношении природы это совершенно ясно. Доказательство же невозможности этого для [Активного] интеллекта и для Первопричины возлагается на метафизику.

Что касается причины телесной, то она должна по возможности или явиться одним из элементов, или быть составленной

из них, ибо нет никаких других, кроме этих пяти простых тел и сочетаний из четырех из них. Каждое же тело, которое движется или действует само по себе, а не акцидентально, входит в соприкосновение с двигателем и подвергается его воздействию. Объяснение этого [явления] смотри в первом трактате «Книги Возникновения и Уничтожения».

Ни одно тело не может привести в движение какую-либо частицу небесной сферы как насильственно, так и по природе, не соприкоснувшись с ней в процессе движения.

Насильственное движение исходит от внешнего двигателя, соприкасающегося с движимой вещью той стороной, которая естественно с ним граничит, и он является первым двигателем по отношению ко всем остальным. Если двигателем является Природа, то это будет либо простой огонь, либо сложный, в котором преобладают огненные частицы. Что касается простого огня, то он не действует на небесную сферу, потому что, если бы он ее касался со всех сторон, а действие тел на тела производится [как известно] касанием, то хотя бы одна частица небесного свода должна была бы быть более пригодной к восприятию действия, чем какая-либо другая, и чтобы некоторые частицы оказались более слабыми и сильнее поддались воздействию. Слабость же субстанции не бывает сама по себе, а происходит от [стороннего] влияния. Вопрос, таким образом, возвращается к исходной точке.

Что касается сложного огня, в котором преобладают огненные частицы, то он не успевает войти в соприкосновение с телом небесной сферы, ибо, достигнув области эфира, тотчас обращается в огонь пламенный и вспыхивает и сгорает в тех местах, подобно тому, что мы можем наблюдать на ярких звездах. Даже если превращение огня задержится, он все же коснется небесной сферы, ибо в нем имеются среди других тяжелые землистые частицы. Соприкосновение же с телом небесного свода по природе возможно только для огня пламенного, хотя сопредельность с областями трех [остальных] элементов возможна как для пламенного, так и для непламенного огня. Сложный огонь не есть огонь пламенный, и, следовательно, для него возможна смежность с областями трех остальных элементов и невозможно соприкосновение с небесной сферой по природе.

Другие же элементы в своей целостности не могут соприкоснуться с небесной сферой, ибо их совокупность не сдвигается со своих естественных мест; что же касается сложных элементов или частиц элементов, то небесная сфера не может

подвергнуться их воздействию, так как они не в состоянии соприкоснуться с ней, ибо сгорают в эфире и превращаются в огонь. А огонь, как мы это установили, не действует на небесную сферу.

Эфир только изменяет и рассеивает все то, что достигает его, потому что он является актуально горячим. А термин «актуально горячее» прилагается к тому, что входит в смешение с однородным телом и отделяется от неоднородного тела, [иными словами] разлагает разнородные тела и соединяет тела однородные. Когда действие огня на тело, подвергающееся воздействию, усиливается, то, если это тело сложное, он его разлагает на составные части и переводит в природу огня. То же, что огонь не является однородным с субстанцией этого тела, не мешает ему вступить с ним в смешение.

Природа холодного не такова. Нет сомнения, что горячее действует сильнее всего и оказывает наибольшее влияние и что какое-либо вещество, взятое в своей целостности и находящееся на своем естественном месте, усилится в отношении всего рода данного вещества, ибо целое сильнее части. Неужели же ты думаешь, что горячее, находящееся на своем месте и взятое в своей целокупности, позволит чему-либо частично войти в его среду без того, чтобы не подействовать на него, то есть обратить его в себя или разложить его на составные части в случае, если оно является сложным.

Из этих посылок явствует невозможность того, чтобы части элементов или их сочетания достигли небесной сферы. А что ее не достигнет, то и не коснется. А что не коснется, не будет иметь действия на нее.

Итак, нет ни среди частиц тел, ни среди сочетаний этих частиц таких, которые были бы способны действовать на частицы небесной сферы. Если же невозможно, чтобы какие-либо тела в их целостности или их частицы, простые или сложные, оказывали действие на небесную сферу, то невозможно также, чтобы они подвергались воздействию и насильственному движению сами по себе.

Предыдущее утверждение, которое мы удерживаем, а именно: слова, что невозможно, чтобы на небесную сферу действовало что-либо иное,— верно. Следовательно, наше заключение, то есть слова, что невозможно, чтобы что-либо воспринимало действие и движение по принуждению, есть несомненная истина.

Итак, небесная сфера потенциально не легка и не тяжела ни в своей целокупности, ни в своих частицах, и мы установи-

ли, что она не такова также и актуально. Таким образом, небесная сфера не легка и не тяжела в абсолютном смысле, а это то, что мы хотели доказать.

Однако ты имеешь право называть небесную сферу легкой по одной причине, а именно: потому, что люди называют более легким тело, которое по природе всплывает над другим. По этой причине небесная сфера может быть названа легкой из вещей.

Что же касается твоего утверждения, что круговое движение сферы не присуще ей по природе, и слов «а если скажут, что движение сферы по кругу не является акцидентальным» и т. д. до конца раздела, то ни один из тех, кто ошибочно доказывал, что небесной сфере присуще по природе круговое движение, этого не доказал.

Те возражения, которые ты привел, обращаются против тебя же самого и даже по многим причинам. И если бы я не боялся затянуть [спор] и не опасался вопроса: «Почему ты выделил эти слова в особую проблему», — то я бы объяснил эти причины.

Что же касается твоих утверждений, что движения небесных сфер и светил противоположны, то это не так: они всего лишь различны, ибо противоположные движения зависят от противостояния сторон и концов, и если бы верх не противопоставлялся низу, то мы бы не называли центробежное движение противоположным центростремительному. Вопрос этот объясняется в пятой книге «Физики». Стороны этих двух круговых движений и их концы являются, как мы изложили, не естественными, а условными. Ибо круговые движения небесной сфере по природе не имеют концов и, таким образом, не могут быть противоположными. Таким образом, два различных круговых движения не суть противоположны.

И это то, что мы хотели доказать [...].»

Вопрос Бирруни:

«Если взять круглый, чистый и прозрачный стеклянный сосуд и наполнить его чистой водой, то им можно пользоваться вместо хрустальной лупы для зажигания. Если же этот сосуд вместо чистой воды будет наполнен воздухом, то он не будет ни зажигать, ни собирать лучи. Почему вода производит такое действие и почему бывает зажигание и собирание лучей только в случае [ее присутствия]?»

Ответ Ибн Сины:

«Вода есть тело плотное и гладкое, бесцветное по природе, а все, чему присущи такие качества, отражает свет. Поэтому

свет отражается и от стеклянного сосуда, наполненного водой. Из отражения, которое сосредоточивает силы [лучей], возникает зажигание.

Что же касается воздуха, то от него нет отражения, потому что он в действительности прозрачен. Если в стеклянном сосуде будет находиться воздух, отражения сил лучей не произойдет».

Вопрос Бируни:

«Кто из двух прав, тот ли, кто утверждает, что вода и земля движутся к центру [Вселенной], а воздух и огонь от центра, или тот, кто говорит, что все [эти элементы] стремятся к центру, но что более тяжелые из них опережают легкие?»

Ответ Ибн Сины:

«Слова второго оппонента ложны, ибо если элементы движутся к центру, то они в своем движении либо достигают его, либо никогда не достигают. Если элементы никогда не достигают центра, то значит, что они к нему никогда и не стремятся. Наоборот, если они движутся по направлению к центру и достигают его, то это еще более ложно, ибо никто не видел огня, направляющегося вниз, кроме как по принуждению, как, например, огонь падающих молний и подобных явлений.

Движение огня снизу вверх [о котором он говорит] можно рассматривать как движение по природе или как движение по принуждению. Если он станет утверждать, что огонь движется насильственно, необходимо, чтобы другое тело двигалось по природе в том же направлении и принудило его к движению, как мы это уже показали. Но он сказал сам, что нет тела, движущегося по природе вверх. Таким образом, его же слова, утверждающие движение тела по природе вверх и отрицание в то же время возможности такого движения, составляют абсурдное противоречие.

Потому что тот, кто отрицает, что какой-либо из четырех элементов движется вверх, а небо не движется ни в совокупности, ни частично, как это мы твердо установили, — должен будет сказать, что нет [вообще] тела,двигающегося вверх, ибо если оно будет двигаться вверх по принуждению, то необходимо наличие [другого] тела,двигающегося в том же направлении по природе, а эти слова [также] заключают противоречие.

Но если первое суждение ложно, то остается признать верным второе суждение, а именно: что огонь по природе движется вверх, а это то, что требовалось доказать».

Вопрос Бируни:

«Каким образом и почему можно видеть то, что находится под водой, когда поверхность воды гладкая, а зрительные лучи отражаются от гладких тел?»

Ответ Ибн Сины:

«Зрение, по Аристотелю, не состоит в исхождении лучей из глаз. Эти слова принадлежат не ему, а благородному Платону. Однако при изучении данного вопроса расхождений между ними нет. Дело в том, что Платон высказал мысль в самом общем, не философском смысле, что доказал шейх Абу Наср ал-Фараби в сочинении «О согласии взглядов двух мудрецов».

Аристотель же учит, что зрение есть восприятие льдистой влаги, которая касается прозрачной поверхности глаза и меняет окраску в зависимости от цвета тела, находящегося перед ней и передающего ей свой цвет.

А так как льдистая влага прозрачна, то она способна менять окраску и подвергаться воздействию цвета. Но раз эта влага способна изменяться, то значит, что она и является органом, при помощи которого действует зрительная сила. Влага эта воспринимает все образы, которые перед ней возникают, а это и есть зрение. Объяснение этого явления находится в комментариях во второй книге трактата философа «О душе».

Но раз это так, то значит, что вода и воздух, которые являются прозрачными телами, способны передавать качества цветов чувству зрения. Так снимается твое сомнение».

Вопрос Бируни:

«Если мы твердо установили, что нет пустоты ни внутри Вселенной, ни вне ее, то почему если пососать [горлышко] стеклянного сосуда и затем перевернуть его в воду, то вода будет в него входить, постепенно поднимаясь?»

Ответ Ибн Сины:

«Причиной этого не является пустота, а следующий процесс: когда потянут воздух, заключенный в сосуде, то, так как он не может выйти наружу ввиду невозможности образования пустоты вообще, высасывание приводит его в движение и вызывает в нем последовательные насильственные движения, которые [в свою очередь] порождают теплоту и жар, а жар порождает расширение воздуха. Когда же воздух в сосуде расширится, то он потребует для себя больше места и, по необходимости, часть воздуха выйдет наружу, а другая часть останется внутри сосуда. Но как только холодность воздуха ока-

жет свое действие на воздух, заключенный в сосуде, то он постепенно уплотнится, сожмется и займет меньше места. А так как пустота не может образовываться внутри сосуда, то вода начнет в него входить по мере того, как сжимается воздух от соприкосновения с холодным телом. Не заметил ли ты, что если не сосать [горлышко] сосуда, а подвергнуть его противоположному действию, то есть вдуванию, и непрерывно, последовательно дуть в него, пока движения не нагреют воздух, содержащий в нем, а затем опрокинуть его в воду, то произойдет то же явление? И это проверено опытом. Так же, если нагреть сосуд, произойдет то же самое.

И этого достаточно для ответа».

Вопрос Бируни:

«Если тела расширяются от жара и сжимаются от холода и, вследствие первой причины, лопаются и разбиваются сосуды, вода в которых замерзла?»

Ответ Ибн Сины:

«Суть твоего вопроса заключает и ответ на него. Если тело расширяется под влиянием нагрева и требует больше места, отчего лопается флакон, то так же и тело, которое сожмется под действием холода, займет меньше места, почти осуществляя пустоту в сосуде. Это изменение вызывает разрыв сосуда и заставляет его лопаться. В природе имеются еще и другие причины этого явления, но приведенный мною факт встречается чаще всего.

Таким образом, в наших словах содержится достаточный ответ».

Вопрос Бируни:

«Почему лед всплывает над водой, когда [по своей сущности] он ближе к земляной субстанции, сочетая [качество] холода и [форму] камней?»

Ответ Ибн Сины:

«Это оттого, что когда замерзает вода, то в ней застывают воздушные частицы, которые не позволяют льду идти ко дну»⁸⁰.

Ибн Сина считает философию наукой о бытии как таковом. Он указывает, что ее предмет — это не те или иные частные проявления бытия, а бытие в целом. По мнению ученого, в

⁸⁰ «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане». Ташкент, Изд-во АН УЗССР, 1957, стр. 130—136, 154—156, 161—166.

основе мира лежат «те состояния бытия, которые происходят из самого бытия и неотъемлемо присущи ему»⁸¹.

Материя с ее бесконечностью, несотворимостью и вечностью для Ибн Сины — неоспоримый факт. Одно из важнейших ее свойств — движение тел, вне тел нет движения. «Каждая форма, — подчеркивает Ибн Сина, — будучи единственной причиной существования материи, в случае исчезновения привела бы к тому, что материя не существовала бы. Не может быть также, чтобы формы не были бы действительными и не участвовали бы в приведении материи в состояние действительности, в противном случае материя могла бы существовать без формы»⁸². Существование материи без формы и наоборот — немислимое и абсурдное понятие. Таков вывод, к которому приходит ученый, считающий материю предшественницей всего, что существует во времени. «Материя всегда предшествует существованию самой возможной вещи, нуждающейся в материи, из которой она состоит», — пишет он⁸³.

По мысли Ибн Сины, философия «представляет результат деятельного напряжения ума, с помощью которого человек старается определить в своем сознании основу всего существующего и в то же время осознать то, что необходимо для развития его нравственной ответственности. Все это ради усовершенствования и облагораживания своего духа, развития его для осознания мира реальных представлений и подготовки к высшему блаженству познания его, насколько это доступно человеческим способностям»⁸⁴. Он разделяет философию на три части: физику (учение о природе), логику (учение о путях познания природы и человека) и метафизику (учение о познании бытия в целом).

Философия природы, по мысли Ибн Сины, включает восемь подразделений: 1) Основу естественных наук (Китаб иль-Кийян); 2) Учение о телах, образующих основу вселенной, о небесных сферах (Китаб уссемайиваль алям); 3) Учение о сохранении видов и уничтожении индивидов (Китаб уль-Кавн Маль Фезад); 4) Учение о четырех элементах и общей метеорологии (Китаб уль-атзар ель алавиах); 5) Изучение минералогии (Китаб аль-маадин); 6) Изучение растений (Китаб уль-Небат); 7) Изучение истории животных и их при-

⁸¹ «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане», стр. 166.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Цит. по: С. Н. Григорян. Философия Средней Азии, стр. 88.

роды (Китаб Таба уль-Хауван); 8) Изучение душевных явлений — о чувстве и чувственном (Китаб уль-Нафс вальхиз вальмаксус).

Великий ученый-естествоиспытатель и врач Ибн Сина признает объективное существование природы. В своих трудах по естествознанию он исходит из фактов, эксперимента. При этом в своих рассуждениях он часто оставляет позиции идеализма и религии, твердо становясь на точку зрения материализма.

В качестве примера можно сослаться на его геолого-минералогические работы. Например, Ибн Сина описывает эрозионные действия воды и ветра как важный фактор образования ущелий и горных плато. Ученый изучает происхождение землетрясений, связывая их с глубинными геологическими перемещениями. В своем трактате, переведенном на латинский язык и именуемом «*Conglutinatione Lapidum*», он пишет: «Современные населенные области в прошлом были необитаемы и были погребены под морем... Более вероятно, что наличие окаменелостей происходит после того, как суша и глина ее, будучи вязкой, оказалась способной к окаменению. По этой причине во многих каменных породах их размельчения находят части водяных животных, как раковины и другие [...]

В большинстве случаев чистая земля не подвергается окаменению, так как преобладание сухости на земле не содействует ее уплотнению, а, наоборот, приводит к распылению.

Образование камней в большинстве случаев происходит двумя путями.

Один из них — в результате высыхания глины, а второй — в результате отвердевания [воды]. Многие камни образовались из субстанции, в которой преобладает элемент земли. Многие же — из субстанции, в которой преобладает элемент воды.

Многие глины, высыхая, превращаются сперва в нечто среднее между глиной и камнем. Это мягкий камень. Затем он превращается в камень твердый. Для этого наиболее подходят те из глин, которые обладают вязкостью.

Если же глина не вязкая, то она чаще рассыпается, прежде чем окаменеет [...]

Из текучей воды камень образуется двумя способами. Один из них — когда вода отвердевает по мере того, как падает капля за каплей или стекает непрерывной струей. Второй — когда из нее [воды] в протоке оседает то, на что воздействует поверхность его русла, и затем камнеет.

Так, имеются свидетельства о текучей воде, часть которой, падая каплями на определенное место, окаменеет [в виде

сплошной массы] или превращается в отдельные камни разного цвета [...]

Горы образуются вследствие одной из причин образования камней. И в большинстве случаев они образуются из вязкой глины, которая высыхает в течение длительного времени и превращается в камень. Это происходит в течение целых эпох, длительности которых мы не знаем.

И кажется, что современные населенные области в прошлом были необитаемыми, погребенными под морем. И окаменение произошло или после того, как они освободились от воды постепенно в течение эпох, даты которых не поддаются определению, или же под водой, в результате действия громадной силы подземного жара. Более вероятно, что это [окаменение] произошло после того, как [суша] поднялась и глина ее, будучи вязкой, оказалась способной к окаменению. По этой причине во многих каменных породах после их размельчения находят части водяных животных, как раковины и другие. И недалеко от истины, что минерализующая сила была порождена там [в каменеющей глине] и способствовала этим процессам. Тогда же мог происходить и процесс превращения воды в камень.

Следует предположить, что начало образования гор происходит [именно] указанным выше путем. Обилие камней в горах обязано обилию в морях глины, которая впоследствии обнажилась. А [само] появление [буквально — «поднятие»] высот произошло вследствие прокапывающей деятельности потоков и ветров между ними [высотами]. И если ты поразмыслишь над большинством гор, то ты увидишь, что углубления, их разделяющие, произошли от потоков. Но этот процесс, если он закончился, то совершался в течение долгого времени [...]

Что касается образования массивов камней, то оно происходит или сразу [мгновенно] под воздействием сильного жара, который сплавляет много вязкой глины, или же в течение долгого времени, если он [жар] невелик.

Что касается возвышенностей [гор], то их образование происходит в результате [различных] причин. Одна внутренняя причина обнаруживается во время сильных землетрясений, когда благодаря ветру, вызывающему землетрясения, поднимаются большие массы земли и, таким образом, сразу же появляется высота. Другая — случайная причина [заключается в следующем]: на одних участках земли появляются углубления, не затрагивающие другие участки. Это происходит в резуль-

тате разрушительного действия воды и ветра, уносящих одни части [поверхности] земли и оставляющих на месте другие. Там, где проходит [поток], образуется углубление; местность, где поток не проходит, остается в виде возвышенности. Затем потоки продолжают непрерывно углублять первоначальные русла, пока они не образуют глубокие ущелья, а местность [по сторонам] превращается в высокие горы.

Этот [взгляд] на образование гор и того, что между ними, как-то: долин, ущелий,— как будто истинный. Но часто вода и ветер были бы бессильны, если бы отдельные участки земли не отличались один от другого. Одни из них рыхлые, а другие каменистые. Мягкая, рыхлая земля размывается, а каменистая остается в виде возвышенности. Затем продолженное русло непрерывно, с течением времени, углубляется и расширяется, а поднятые части остаются неизменными. И по мере того как углубляется первый участок, соседний становится все более высоким [...].

Возможно также, что суша поднялась из моря и после этого глина ее затвердела. Так, можно видеть, что некоторые горы как будто сложены из [разных] слоев. И, вероятно, это произошло вследствие того, что в свое время их глина отлагалась слоями. Сперва образовался один слой, а затем, в течение другого периода времени, поднялся другой слой, перекрывший [первый]. Над каждым слоем отложилось нечто [вещество], отличное по своей природе от этого слоя. И оно [вещество] оказалось промежуточным между этим и следующим слоем [...].

И мы скажем, что минеральные тела могут быть разделены приблизительно на четыре категории: камни, плавящиеся вещества [металлы], серные [вещества] и соли [...]

Что касается претензий алхимиков, то необходимо знать, что в их руках нет средств изменить виды [веществ] истинным изменением. Они в состоянии лишь производить красивые подобию [имитации]. Так, они умеют окрасить красного цвета вещество настолько глубокой белой краской, что оно делается сильно похожим на серебро. Они [умеют] окрашивать его желтой краской, делающей его крайне похожим на золото. Они окрашивают белое вещество любой краской, которой они пожелают, так что оно становится сильно сходным с золотом и медью. Они в состоянии освободить олово от большей части его пороков и недостатков. Однако субстанция их [веществ] остается неизменной. Правда, [случается], что в них [искусственных веществах] получают преобладание полезные качества

и в отношении их можно легко ошибиться. Так, люди могут принять [искусственные] соль, кальканд, нашатырь и др. [за естественные продукты], и я не возражаю против того, что они [алхимики] могут достигнуть тонкости изготовления такой степени, чтобы совершенно скрыть это. Но что касается устранения или скрытия [существенных] различий между отдельными видами веществ, то возможность этого для меня неясна. Больше того, я полагаю это невозможным, поскольку нет пути к превращению одной смеси в другую. Что касается свойств, воспринимаемых чувствами, то кажется, что они относятся к тем отличиям, которые характеризуют эти тела как виды. Они важнейшие и случайные. Существенные различия неизвестны. Если же что-либо неизвестно, то как можно ставить цели создания или же уничтожения?

Что касается уничтожения окрасок и других внешних признаков, как-то: запаха или веса — или [наоборот] придания их, то они принадлежат к тем фактам, которые не заслуживают того, чтобы на них упорно настаивали, дабы тем не уронить достоинства науки. Однако явных доказательств их невозможности нельзя выставить.

И кажется, что отношение, которое существует между элементами в составе каждого из перечисленных веществ, различное. И если это так, то нельзя превратить один металл в другой без того, чтобы его сперва не разложить, а затем соединить в желаемый состав. Но это невозможно сделать с помощью одного плавления, которое не нарушает единство [буквально «связь»], а лишь примешивает к нему инородные тела или инородную силу. Мы имеем многое что сказать по этому поводу. Если бы пожелали, то сказали бы. Но пользы в этом мало»⁸⁵.

Ибн Сина-философ высоко ценит логику. В известном трактате «Даниш-намэ» он, в частности, пишет: «И логика, подобная весам науки, а другие науки — науки о пользе и ущербе. Спасение людей связано с чистотой духа, а чистота духа связана с постижением форм бытия и отделением от осквернений природы; путь же к этому через знание, а всякое знание, которое не взвешено на весах, не является достоверным, и, следовательно, оно и не есть истинное знание, а пото-

⁸⁵ Геолого-минералогический трактат Ибн Сины. Перев. А. М. Беле-ницкого. — «Изв. АН ТадССР, отд. общ. наук», 1953, № 4, стр. 46, 49—51, 54.

му логику приходится изучать»⁸⁶. В своем учении о логике Ибн Сина в основном придерживается взглядов Аристотеля. При этом законы и формы логического мышления Ибн Сина пытается вывести из особенностей самого бытия. Он пытается разрешить спор между номинализмом и реализмом, доказывая, что понятия о вещах предшествовали самим вещам и вместе с тем эти понятия находятся в человеческом разуме благодаря восприятию вещей.

В его учении о познании бытия в целом (метафизике) центральное место отводится теории эманации. Ибн Сина считает, что мир не создан богом, а возник из него естественным путем, путем эманации, т. е. не непосредственно, а через ряд порождаемых им «умов», или «умных небесных сфер». По его рассуждению, если вечен бог, то вечен и мир — причина и следствие всегда связаны друг с другом (если есть причина, то должно быть и следствие). В какой-то степени теории эманации Ибн Сины присущи мистицизм, религиозно-богословская оболочка. Однако она подрывала основу господствующей тогда религиозно-мистической идеологии. Идея о вечности материального мира, проповедываемая Ибн Синой, противоречила догмам религии.

Говоря о философских воззрениях Ибн Сины, нельзя не остановиться на основных этических принципах, затронутых в его произведениях.

Так, ученый считает, что добродетель, свойственная человеческой душе, пребывает всегда между двумя крайностями. Например, умеренность существует между избытком удовольствий и ослаблением чувств — бесчувственностью, справедливость — между порывами к ее осуществлению и душевными колебаниями в направлении зла. Своим началом добродетель, по мысли Ибн Сины, имеет естественное и враждебное расположение, основанное на единстве тела и духа, развивается в виде усвоенной привычки и только впоследствии становится сущностью характера человека.

Магометанские догматы учат, что все человеческие деяния заранее предопределены. Ибн Сина не согласен с этим положением. Только сам человек может управлять своими «плохими или хорошими наклонностями» и таким образом формировать свой характер. Склонность к добру, к повторению добрых деяний улучшает характер, в то время как плохие наклонности

⁸⁶ Ибн Сина. Даниш-намэ. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957, стр. 72.

делают его дурным. Чтобы помочь человеку усвоить хорошие навыки в любом ремесле, ему необходимо подобрать искусного наставника. Под руководством невежды начинающий может сбиться с пути. Точно так же, как разумная государственная политика воспитывает хороших граждан, а тупая тирания портит их, развращает их нравы. Ведь если человек и его дела нарушают «справедливую закономерность в сторону недостаточности или излишества», то это наносит вред самому человеку, ограничивает развитие в его характере хороших качеств. Ибн Сина считает, что, пока еще характер человека не сформировался, любые добрые поступки закаляют его положительные стороны, «служат к утверждению в благе», в то время как колебания между выбором добра или зла будут портить характер. Во всяком случае, по мнению Ибн Сины, характер, получивший при воспитании ложное направление, иногда может исправиться под действием добрых примеров (аналогично тому, как выправляется согнутая палка при сгибании ее в обратном направлении). Но «справедливая середина» между избытком и недостатком положительных качеств не определена, поэтому результат влияния положительным примером зависит от нравственных качеств индивидуума, совершенно так же как лекарство, способное согреть больного, страдающего лихорадочным ознобом, непригодно тому, кто поражен приступом лихорадки без озноба. Ибн Сина твердо уверен, что влияние каждого фактора на характер индивидуума зависит от самого индивидуума, а также от места, времени и действия «всех обстоятельств этого рода».

По мнению Ибн Сины, расточительный человек может выработать в себе черты скупости. «Справедливая середина», ведущая к добродетели, у людей с неустойчивым характером приобретается путем выбора действия, противоположного дурной склонности. Развитие духовных сил обусловлено не только приобретением познаний. Оно нуждается в действиях, пребывающих на некотором среднем уровне между избытком и недостатком положительных качеств (когда силы духа находятся в равновесии с силами тела и служат благоприятной почвой к развитию нормального характера у человека) и его нравственной ответственностью перед обществом. В противном случае перевес получают силы тела, которые губительно нарушат равновесие в развитии характера. Ибн Сина считает, что так называемое наивысшее блаженство духа выражено в гармоничности сочетания разума со здоровым телом («в здоровом теле — здоровый дух»). В этом он видел залог развития

добродетели, которую считал необходимым условием благополучного существования человека. Однако, сохраняя постоянное стремление к развитию духовных сил и умеряя излишнее превосходство телесных сил, нельзя преуменьшать влияние на воспитание характера чувственных восприятий.

Подобающий человеку характер, по мысли Ибн Сины, определяется серединой «между господством чувственного тела и властью интеллектуальной души». Человек может побороть в себе животные инстинкты, воздержанием и умеренностью регулировать половую жизнь, аппетит и т. д. «Так как сознание удовлетворенности,— отмечает Ибн Сина,— блаженство человека, завершается только надлежащим развитием его способностей в жизни, он может их достигнуть, лишь подчиняя свои животные наклонности благородному и прирожденному свойству души. Этим он достигает равновесия и правильно осознанной середины, которые делают его дух способным освободиться от излишнего господства тела и приближаться к состоянию радости вступления в чистый и духовный мир».

Философ выделяет четыре основных вида добродетели, которые человек воспитывает в себе благодаря старанию и умению достичь справедливой «удовлетворяющей сознание» середины и выработать известную «внутреннюю приспособленность» к трудностям жизни: воздержанность, силу духа, благоразумие (мудрость) и справедливость. В основе воздержания лежит умение подавлять в себе животные инстинкты, например похоть; основа силы духа заключается в умении сдерживать раздражительность и гнев; за основу благоразумия (мудрости) он принимает способность различать и размышлять; справедливость, по мысли Ибн Сины, базируется на равновесии всех этих гармонически сочетающихся состояний духа. Все остальные многообразные человеческие добродетели — частные виды этих четырех основных добродетелей.

В своем учении «О природе зла» Ибн Сина не считает зло абсолютным контрастом добру. По его мнению, зло — это несовершенство или препятствие, имеющие лишь преходящее влияние и служащее своей зависимостью завершающему торжеству блага. Излагая свои взгляды на сущность определения разума, Ибн Сина использует новый в те времена литературный жанр — повесть-аллегоррию. В трактате «Nâu ben Jagzân» («Живущий сын бодрствующего») он создает аллегорический образ Хайи ибн Якзана. По мнению Е. Э. Бертельса, это произведение Ибн Сины, повествующее «Об отношении человеческой ответственности к судьбе» и рисующее структуру физи-

ческих и духовных миров, можно считать прообразом основного мотива «Божественной комедии» Данте: «обязанности» Вергилия в повести Ибн Сины «выполняет» Хайя, который объясняет своему ученику смысл и трудности жизненного пути.

Из всех маленьких трактатов Ибн Сины, позволяющих лучше уяснить мировоззрение великого представителя восточной философии, повесть-аллегория «*Nâu ben Jagzân*» явилась предметом наибольших споров среди ученых. Название этого произведения известно человечеству благодаря арабскому философу Ибн Туфейлю (ум. 1185), создавшему знаменитый роман-трактат, в котором он попытался проанализировать возможности умственного развития человека, попавшего в пустыню и лишенного всякого общения с цивилизованным миром. Трактат увидел свет в известном латинском издании Росок'а «*Epistola Abi Jaafar Ebñ Thofeil de Hai b. Jokdan 1700*»; в дальнейшем с него были сделаны многочисленные переводы на большинство европейских языков.

Ибн Сина использовал такое же аллегорическое имя задолго до романа Ибн Туфейля в своем трактате, написанном в темнице крепости Фереджан. И хотя Ибн Туфейль в предисловии к своему произведению указывал, что он заимствовал у Авиценны только имена героев своего романа, содержание обоих трактатов постоянно путали или ставили в зависимость друг от друга. Например, в одном из изданий романа Ибн Туфейля, вышедшем в конце XIX в., имеется следующее заглавие: «Трактат „*Nâu ben Jagzân*’a“» о восточной философии, который Имам Абу Джафар б. Туфейль извлек из драгоценных трудов великого учителя Абу Али Ибн Сина», а на последнем листе дается примечание: «Ибн Халликан упоминает этот трактат под именем Ибн Сины, как ему принадлежащий, может быть, он написал его по-персидски; тогда мы имели бы арабский перевод, сделанный Ибн Туфейлем».

Вместе с тем у Мерена имеется копия оригинального трактата, сделанного с Лейденской рукописи, о которой упоминает Джуджани, ученик Ибн Сины. Этот маленький трактат, состоящий всего из трех листов in quarto сжатого письма, содержит аллегорическое повествование «О действительном интеллекте». Его содержание отличается от романа Ибн Туфейля, и вообще, кроме названия, у этих произведений нет ничего общего. Трактат Ибн Сины составлен в риторическом стиле, что сильно затрудняет работу над его переводом. Трудна и терминология; ее истинный смысл, пожалуй, даже не удалось бы

уяснить и воспринять, если бы в распоряжении переводчиков не было замечательных комментариев Ибн Зеила.

Трактат о Хайе ибн Якзане — это мудрый рассказ о внутренней борьбе (положительных и отрицательных начал), исходящей в человеке. При этом Ибн Сина лишний раз подчеркивает, что любому человеку вместе с хорошими качествами присущи и дурные. И только трезвый разум — надежная опора против невежества и отрицательных соблазнов. Ниже приводятся несколько отрывков из этого оригинального произведения.

«Во время пребывания в моей стране я почувствовал потребность предпринять со своими друзьями маленькую развлекательную прогулку по окрестностям и, гуляя, встретил старика, который, несмотря на свой очень преклонный возраст, был полон юношеского жара. Он не был ни согбенным, ни убеленным сединами. Охваченный непреодолимым желанием погрузиться в беседу с ним, я со своими спутниками после приветствий завязал с ним разговор, прося посвятить меня в его знания, профессию и познакомить с его семьей и страной. «Что касается моего имени и моей семьи, — ответил он, — мое имя Хайя ибн Якзан и мой родной город Иерусалим; что касается занятий моих, они состоят в скитании по всем странам, в чем я слеую указаниям отца, который мне вверил ключи от всех наук и направил меня по тропам всех стран мира, пока не удалось достичь самых отдаленных пределов вселенной». Мы продолжали задавать ему вопросы о различных науках и старались испытывать его в глубинах знаний, пока не стали обсуждать науку, именуемую «физиогномией», тут я нашел его обладателем удивительных по точности знаний, и с этого мы начали свою речь. Ободренный сходством наших натур, я осмелился войти с ним в беседу и подчинить мои внутренние чувства его божественной мудрости, исходящей из его существа. Поощренный его предупредительностью и расположенный принять его мудрость, я начал испытывать его высшую природу, свободную от всякой материальности и, однако, в известном смысле связанную с материальным миром и его свойствами. Так как жизнь содержит два необходимых условия: интеллектуальное развитие и чувство движения, он сам себя называет *Nâu*, то есть «живущий», и, добавляя *ben Jagzân*, то есть «сын бодрствующего», он указывает, что ведет происхождение от существа высшего, чем он, всегда бодрствующего, которое не имеет нужды в покое. Его родной город — святой город Иерусалим, очищенный от обычных скверн мира, и

занятие мудреца — обозревать области наивысшего разума, дабы проникать в существо своего небесного отца, который ему вверил знание всего сущего и открыл тайну познания. Так с помощью его умозаключений мы достигли метафизики и логики — наук, которыми достигают верных и очевидных заключений в познании того, что отдаленно и сокрыто: вот почему он это обозначает названием «физиогномии», которая судит о скрытом внутреннем по внешним признакам.

После этого вступления, которое мы передали почти буквально, мы продолжим изложение. «Логика — знание, — продолжал наш старец, — доход с которого оплачивается счетом на серебро; она открывает все то, что скрыто и сможет тебе доставить радость или разочарование; она указывает тебе точное расположение естества и освобождение от всего, что примыкает к миру чувственных склонностей. Если ее спасительная рука тебя касается, она тебя очищает, но если твоя слабость вводит тебя в колебание, ты будешь обречен гибели, окруженный всегда в этом своем состоянии дурными сотоварищами, от коих ты будешь тщетно стараться освободиться.

Что касается твоего ближайшего спутника (т. е. воображения), оно приносит тебе сведения, где истина смешана с ложью, а истина — это необходимый спутник и просветитель. Очень часто оно тебе передает вести, мало подобающие твоему достоинству и твоему положению, и ты будешь силиться отделить в них истинное от ложного и точное от ошибочного; но несмотря на все это оно тебе необходимо и было бы тебе очень спасительно, если бы тебя не подавляла неясность мысли и ложные свидетельства не вовлекали в заблуждение.

Но вот твой спутник справа — раздражительность. Он еще более назойлив, и его приступы могут быть лишь с трудом отражены разумом или удалены ловкостью мысли. Он похож на пылающий огонь, на заливающий водопад, на бешеного жеребца или львицу, у которой отняли ее львят. То же относится к соседу твоему слева — это плотская похоть; его зло происходит от ненасытной прожорливости и чувственности; он похож в этом отношении на голодного борова, пущенного на пастбище. Таковы твои спутники, бедный смертный, к которым ты прикован и от которых ничто не может тебя освободить, разве только уход в те страны, где такие спутники неизвестны. Но поскольку это путешествие не дозволено тебе и тебе невозможно бежать от этих спутников, пусть по крайней мере рука твоя их покоряет и сила твоя ими правит! Бойся ослабить им узду и остаться в их воле; если ты держишься

крепко, они будут покорены и ты их подчинишь. Наконец, как военной хитростью, ты можешь пользоваться злым великаном — раздражительностью против ненасытной похоти и, напротив, можешь отразить приступы первого, гибкостью того вкрадчивого и изнеженного, имя которому — похоть. Но в особенности бодрствуй против твоего первого спутника, лживого и капризного (т. е. воображения), не веряйся ему, если только он не принесет тебе верной гарантии, в этом случае он принесет тебе истину и не надо будет отвергать его помощи; но если его советы и смешаны с ошибками, ты все же можешь еще извлечь из них нечто истинное и постоянное». Выслушав это описание своих спутников, я начал познавать справедливость, находя его советы совершенно согласными с истиной: я с ними обходился то кротко, то властно, то брал верх над ними, то не имел в этом успеха. Но постоянно зывал о помощи божества разума в моих сомнениях, пока по воле его я не был освобожден от них. В ожидании я готовился к путешествию, которое я весьма горячо желал выполнить в сопровождении старца, и последний добавил еще следующее последнее указание: «Ты и тебе подобные все время принуждены останавливаться в пути потому, что человек не может возвыситься до познания внезапной интуиции, но он достигает познания постепенно и с промежутками, довольствуясь охватывать его частями, пользуясь развитием своего разума, и дорога эта будет для вас очень трудной. Когда ты отдаешься путешествию от всего сердца, ты преуспеешь и влияние твоих спутников уничтожится...»⁸⁷

В таком аллегорическом стиле написан весь трактат, пользовавшийся большой известностью среди философов Востока. Они не только черпали в нем «богатую пищу» для своих размышлений, но и видели замечательный пример формы воплощения философского вдохновения.

Исследователи творческого наследия Ибн Сины не могут пройти мимо его небольшого философского рассуждения «Птицы» («Рисалат ат-Тайр»). Пожалуй, по трудности прочтения эта работа ученого приближается к его повести-аллегии о Хайе ибн Якзане. В «Птицах» Ибн Сина призывает людей быть скромными, преданными дружбе, верными любви. Герои этого произведения — птицы. Прельстившись обильным кормом, часть их попадает в сети охотника. Пленники просят оставшихся на свободе избавить их от сетей. Друзья

⁸⁷ Mehren. Hây ben Jagzân.— «Museum», Luven, 1882, p. 397.

горячо берутся за дело, и вскоре высвобождают из сетей крылья и головы неосторожных товарищей. Однако несмотря на все усилия, они не могут освободить их лапок. Не в состоянии этого сделать и властелин, к которому птицы обращаются за помощью. Свободу пленникам может дать только тот, кто расставил сети. Обо всем этом читатель узнает из рассказа птицы, находящейся в этой стае.

Аллегорический трактат Ибн Сины «Птицы» имеет, если можно так сказать, автобиографический смысл. В трагической судьбе птиц воплощена судьба самого автора, преследуемого «злым ловцом» — султаном Махмудом Газнави. Под бессильным правителем, к которому, преодолевая долины и горы, летят за помощью друзья плененных птиц, подразумевается вассал Махмуда — хорезмшах. Трудные пути — это пути скитаний Ибн Сины. Плененные птицы символизируют ученых и поэтов, находящихся «в сетях» у Махмуда. Бельгийский востоковед А. Мерен, тщательно изучавший философские произведения Ибн Сины, отмечает, что «Птицы» — это отражение умонастроений автора в тревожной обстановке его борьбы с мракобесием и реакцией, с консервативными богословами, на которых опирался Махмуд Газнави. Аллегорическая форма сюжета маскирует свободолюбивые идеи «Птиц» и сохраняет трактат от преследований.

Ибн Сину можно смело назвать одним из пионеров материалистического течения в философской мысли Востока. В своих работах он утверждает, что растения, так же как животные и человек, — это живые организмы: растения питаются, размножаются и растут. Эта смелая мысль никак не укладывается в рамки ортодоксальных взглядов ислама. Однако Ибн Сина, идя дальше, различает разные категории сложности и совершенства жизни организмов, ставя их в зависимость от сложности и совершенства их строения, которому ученый придает большое значение. По мысли Ибн Сины, растения пребывают на низшем уровне развития, животные — на среднем, а человек — на самом высоком уровне. Жизнь растений включает в себя явления роста, питания, размножения и защиты от вредоносных влияний окружающей среды. Животным, по его словам, свойственна «животная сила» — способность к произвольным движениям и чувствительности.

Ибн Сина учит, что тела построены из материи и формы: «душа есть форма, форма же является энтелехией тела, то есть его внутренней целью, так как она совершенствует сущность предметов». Он считает, что человеку присуще наличие

не только человеческой (разумной), но животной и растительной души. У животных имеется две души: растительная и животная, — а у растений — только одна растительная душа. Разумная душа человека управляет его разумом, животная душа — его движениями и познанием опыта, растительная — его растительной жизнью.

По мнению Ибн Сины, у животного двигательная сила является господствующей, которой подчиняются остальные силы. Рассматривая процесс эволюции «понятия силы», ученый отмечает: «У человека при его рождении возникает питающая сила, с помощью которой он питается. После этого у него появляется осязательная сила, посредством чего он ощущает тепло, холод и т. п. Потом возникает сила, с помощью которой он ощущает вкусы, потом возникает та сила, посредством которой он ощущает запах, после этого появляется сила, посредством которой он ощущает цвет, свет и все видимое. Вместе с возникновением чувствительных сил возникает у него и та сила, которая влечет его к тому, что он ощущает, или удаляет его от него, и благодаря этому у него появляется симпатия или антипатия к ощущаемым вещам. После этого у него появляется другая сила, посредством которой он сохраняет образы ощущаемых им вещей — уже тогда, когда эти вещи ушли с поля деятельности чувств. Это есть сила воображения, и она выполняет функцию сочетания воспринятых образов различными сопоставлениями и разъединениями. Часть этих комбинаций бывает правдивая, а часть ложная. Эти воображаемые комбинации привлекают человека к тому, что он воображает. После этого у него возникает разумная сила, посредством которой он разумно мыслит и абстрактно (аль-макулят) различает прекрасное от плохого, приобретая знания, творит искусство и науку и увлекается тем, что он осознает»⁸⁸.

Ибн Сина квалифицирует разум как синоним человеческой души, ее высшую силу. Характеризуя понятие души, ученый утверждает: «Душа воздействует на тело различным способом, например при возникновении в душе ощущения успеха или гнева согревается темперамент (состав стихий в организме) и лицо становится красным. При возникновении в душе образа, возбуждающего похоть, в канале спермы появляется теплота, производящая спарение, и вследствие этого происходят в половых органах изменения и движения».

⁸⁸ «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока». М., 1961, стр. 174.

Ибн Сина считает, что всевозможные болезненные и ненормальные душевные явления — результат различных расстройств в теле больного. Он признает, наряду с воздействием души на тело, влияние тела на душу. Душевные силы, управляющие телом, локализованы в мозгу и зависят от него. У Ибн Сины складываются своеобразные представления о локализации душевных сил в мозгу и в органах чувств. Он разделяет мозг на три доли: переднюю, среднюю и заднюю — и связывает их с определенными функциями в теле. При этом мышление, воображение он связывает не с одним центром в коре мозговых полушарий, а со всем мозгом, хотя отдельные участки коры полушарий, по его мнению, имеют связь с определенными функциями организма. Ибн Сина признает, что вне человека, в объективном мире, существуют материальные предметы, они воздействуют на его органы чувств, вызывая ощущения. Эти ощущения являются образами объективных качеств воздействующих на человека предметов. По представлениям Ибн Сины, «общее чувство» регулирует, объединяет и согласовывает результаты усилий внешних чувств. Важная функция «общего чувства» — объединение представлений, например падающая капля воды по форме напоминает нам вытянутую линию, круговращающаяся огненная точка — огненный круг и т. д.

По мнению ученого, память берет начало от восприятия образа. Таким образом, восприятие образует начало памяти, не входя в состав ее. «Вода способна для приема образа, — пишет Ибн Сина, — но она лишена возможности его сохранять, так же общее чувство способно воспринять образ, сохранить же его может изображающее чувство»⁸⁹.

Ибн Сина считает, что воображение может быть подчинено разумной силе, т. е. мышлению, и обозначается как «мыслительная сила» (мутафаккира). Разбирая свойства воображения и мышления, он отождествляет эти понятия. При этом ученый указывает, что основными силами, побуждающими животное и человека к движению, являются два доминирующих в их жизни чувства — гнев и похоть. По его мнению, источник радости полезен живому организму, огорчения — мучительны, вредны и нередко просто губельны для него.

Один и тот же раздражающий фактор люди могут воспринимать по-разному. Так, отвратительного вкуса лекарство яв-

⁸⁹ С. Н. Григорян. Философия Средней Азии, стр. 86.

ляется для больного источником огорчения и страдания; но если он уверен в целебном действии лекарства, то оно будет служить для него уже источником радости. Состояние чувства, его качество зависит от человека. Больные, страдающие извращением вкуса, стремятся употреблять в пищу горькие и неприятные вещи, получая от них удовлетворение, и, наоборот, отвергают вкусную и полезную пищу как отвратительную. Ибн Сина квалифицирует чувство удовольствия, подразделяя его на внутреннее и внешнее: «Так как наслаждения внутренние являются более высокими и сильными, чем внешне чувствительные удовольствия, то очевидно, что разумные наслаждения являются еще более превосходными, высокими и сильными наслаждениями». Как видим, Ибн Сина придает большое значение интеллекту.

В известном трактате «Ал-Ишарат ва ат-танбихат» Ибн Сина пишет: «Если даже мы вообразим человека, лишённого чувства и органов чувств, таким образом лишённого всякой связи с внешним миром, то и этот человек будет познавать свое существование»⁹⁰. Сам факт способности познания и осмысливание человеком своего бытия, по мысли ученого, — явление специфичное для свойств человеческого интеллекта, позволяющее изучать характер «разумной души» человека. Разумная душа, проявляясь при посредстве чувств, в дальнейшем «способна подниматься» к абстрактным понятиям. Ибн Сина уверен, что познавать действительность можно не только путем мышления, но и путем интуиции. Он классифицирует категории «понимания сущности» разума. При этом действующий разум человека он связывает с животными силами организма. Для получения абстрактных знаний существует теоретический разум. Задача практического разума — волевое регулирование поведения человека.

Ибн Сина делает попытку дать определение понятию мышления. По мысли ученого, «мышление есть движение человеческого рассудка к общим принципам, чтобы, исходя от них, достичь разрешения исследуемых задач»⁹¹.

Передовые философские и естественнонаучные взгляды Ибн Сины построены на реалистической основе. Ученый убежден, что человеческий разум призван отыскать ключ к познанию всех «загадок бытия». Вместе с тем он не может окончательно оторваться в своих философских воззрениях от при-

⁹⁰ Там же, стр. 88.

⁹¹ Там же.

гычных форм научной мысли своей эпохи. Поэтому, преодолевая традиции старых, сковывающих живую мысль понятий, ученый вынужден облекать свои суждения в иносказательную форму, лавировать между Сциллой мусульманской религиозной догмы, неизблемой в понятии суровых ортодоксов ислама, и Харибдой условностей своего времени, которые тяготели над всеми искателями истины и ревниво следили за их недопустимым вольнодумством.

Философия Ибн Сины сыграла большую роль в борьбе против религиозно-мистической философии ислама. В этом смысле она оказала огромное влияние на дальнейшее развитие науки и философии как на Востоке, так и на Западе.

Ибн Сина — педагог

Поучительны и интересны взгляды Ибн Сины на воспитание и образование молодого поколения. Они весьма прогрессивны и довольно близки современным педагогическим взглядам.

Ибн Сина одним из первых ученых Востока дает стройную систему и описание приемов воспитания. Этим вопросам посвящены многие его работы. Так, в трактате «Тад бир ул-Мансил» («Tad bir ul Manzil») имеется глава об образовании; в первой книге «Канона врачебной науки» четыре главы освещают проблему здоровья и физического воспитания детей; глава о различных методах воспитания детей имеется и в его философском труде «Аш-Шифа» и др.

Ибн Сина как врач-педиатр, подчеркивает, что воспитание ребенка должно начинаться с его младенческого возраста. В частности, в «Каноне» он пишет: «К числу необходимых для младенцев полезных средств для укрепления натуры относятся: во-первых, легкое покачивание и, во-вторых, музыка и песня, напеваемая обычно при убаюкивании. По степени восприятия этих двух вещей ребенком устанавливают его предрасположение к физическим упражнениям и музыке. Первое относится к телу, второе — к душе»⁹².

Глубоко и продуманно формирует он основные цели и задачи педагогического воспитания. По его убеждению, все внимание воспитателя должно быть обращено «на улучшение характера ребенка, на надлежащую направленность ухода, на

⁹² «Канон», кн. 1, стр. 300.

то, чтобы всегда было налицо то, что он желает и к чему он стремится, и не допускалось бы в его присутствии ничего такого, чего он не любит. Всем этим достигается двоякая польза: одна, состоящая в том, чтобы с самого раннего детства душа ребенка знала одни только хорошие движения и чтобы у него вырабатывался твердый и неизменный характер, другая — чтобы такое развитие характера положительно влияло на физическое развитие ребенка. Ведь гнев сильно возбуждает, угрюмость сушит, а лень уменьшает жизненные силы и ведет к выработке флегматика, следовательно, от воспитания зависит как его нравственное, так и физическое здоровье»⁹³.

По мнению ученого, очень важно правильно следить за поведением ребенка и прививать ему добрые привычки. Необходимо своевременно начать приобщать его к грамоте, знакомить с основами ремесел, с искусством.

Ученый обращает внимание на следующие принципы домашнего воспитания. Прежде всего, по его мнению, отец должен назвать ребенка хорошим именем и подыскать ему кормилицу и няню, здоровых физически и морально. Когда младенец минует грудной возраст, отец обязан заботиться о нем, охранять его от дурных влияний и т. д. В шестилетнем возрасте ребенка можно учить выполнять несложные задания. Но делать это, по совету Ибн Сины, надо очень осторожно, не перегружая ребенка чрезмерно, следить за тем, чтобы он относился к выполнению задания с интересом. Ибн Сина считает, что у таких детей будет развиваться нормальный характер и они вырастут здоровыми и бодрыми. В семьях, где не придерживаются такого способа воспитания, дети чаще всего растут раздражительными и даже озлобленными, трусливыми, слабыми, так как, по мнению Ибн Сины, «тело и дух неотделимы друг от друга».

Большое внимание он уделяет постановке правильного школьного воспитания. В школе, где ребенок воспитывается до 14 лет, должны преподавать только хорошие учителя. По мнению Ибн Сины, учитель должен быть мужественным, честным и сердечным человеком, хорошо знающим методы воспитания ребенка, а также правила морали. Ученый убежден, что нельзя допускать, чтобы ребенок учился в одиночку — это сделает его несчастным. Дети должны общаться друг с другом, заимствовать друг у друга хорошие манеры.

⁹³ Там же, стр. 311.

За восемь лет обучения в школе ученик обязан познакомиться с богословскими науками, изучить Коран, родной язык, а также научиться разбирать поэмы этического и морального содержания. В школе его знакомят и с основами ремесел и искусства (в зависимости от склонностей ребенка).

Свободное от занятий время дети, по мнению Ибн Сины, обязаны посвящать отдыху — физкультуре и занятиям своими делами. Говоря о значении спорта в правильном воспитании, Ибн Сина, в частности, останавливается на описании его видов, широко распространенных и в наши дни, а именно: всевозможные игры в мяч, прыжки, бег, ходьба, метание копья, верховая езда, бег на коньках и т. д. Как врач Ибн Сина советует учителям допускать учеников к занятиям физкультурой в такое время, когда желудок ребенка уже переварил пищу, но еще не опустел. В этом случае физические упражнения пойдут детям на пользу.

Учитель, по мнению Ибн Сины, обязан знать следующее правило: охранять ученика от дурных привычек и следить за тем, чтобы его окружали добропорядочные товарищи. Учитель должен уметь своевременно поощрять хорошие поступки ребенка, а в случае необходимости проявлять строгость. В то же время чрезмерная строгость очень вредна. Ребенок может замкнуться в себе, перестать советоваться с учителем и консультироваться с ним по учебным вопросам. Ибн Сина предостерегает и от излишнего либерализма учителя по отношению к ученику. По его мнению, это делает ребенка непослушным. Он начинает пропускать занятия, игнорировать замечания преподавателя.

Учитель должен изучить натуру ученика, разобраться в складе его ума. Он обязан своевременно раскрыть и развивать его способности, причем Ибн Сина подчеркивает, что один ребенок может тяготеть к умственному труду, другой — к занятиям ремеслами и т. п. Только зная это, учитель сможет правильно оценить задатки ученика и помочь ему выбрать будущую профессию.

Юноша, изучив ремесло, обязан, по мнению Ибн Сины, сам зарабатывать себе на жизнь. Увидев, что его сын окреп, возмужал и уже может самостоятельно работать и жить, отец должен женить его и предоставить новой молодой семье отдельное жилье.

Такова вкратце суть взглядов Ибн Сины на воспитание. Они во многом отличаются от педагогических взглядов античных философов, и главным образом своей оригиналь-

Ибн Сина беседует с учениками. Старофранцузская миниатюра

ностью. Например, Аристотель и Платон считали основной задачей воспитания сделать ребенка полезным прежде всего государству. Ибн Сина подчеркивает, что независимо от общественных и государственных выгод ребенок в первую очередь должен получить хорошее нравственное и умственное воспитание в семье и что каждый отец ответствен за это.

Аристотель и Платон признавали образование только лишь для привилегированного правящего класса. Ибн Сина не делает различия ни для каких классов, считая, что любой ребенок должен учиться. Аристотель указывал на бессмысленность обучения ремеслам и искусствам аристократической части общества, назначение которой, по его мнению, состояло в управлении государством. Больше того, античный философ видел практический вред такого обучения, предполагая, что оно отвлечет ребенка от его основных интересов и помешает гармоническому развитию его организма. Обучение ремеслам он оставлял детям простых людей и рабов. Ибн Сина, наоборот, был твердо уверен, в том, что обучение ремеслам, так же как наукам и искусству, необходимо для каждого будущего члена общества, какую бы профессию он в жизни ни избрал и к какому бы классу ни принадлежал.

Ибн Сина — один из основоположников науки о здоровье ребенка. Его труды легли в основу последующих многочисленных исследований по педиатрии. Многие суждения, высказанные Ибн Синой в различных работах, поражают глубиной, гуманностью, правильным подходом к решению ряда вопросов воспитания. При этом ученый не только правильно определяет режим воспитания здорового ребенка. Он обращает серьезное внимание на личность воспитателя, участвующего в формировании характера будущего гражданина. Ибн Сина уверен, что от надлежащего воспитания зависит как нравственное, так и физическое здоровье ребенка. Предложения Ибн Сины-педагога не могли быть осуществлены в условиях его времени. Они с успехом реализуются в наши дни во многих странах мира.

Рукописи Ибн Сины

Ученые располагают весьма ограниченным количеством автографов Ибн Сины. К тому же подлинность имеющихся рукописей нередко ставится многими востоковедами под сомнение. В основном богатое рукописное наследство Ибн

Сины дошло до нас в виде сделанных переписчиками многочисленных копий. При этом и профессионалы-переписчики книг и просто любители невольно вносили в тексты ошибки, а иногда, при неясном написании слов или фраз, даже искажения.

Поэтому наиболее ценны для нас те рукописи, которые ближе всего по времени стоят к подлинникам, пока не найденным, но, может быть, имеющимся где-нибудь в богатейших хранилищах рукописей разных стран. Примером может служить рукопись XII в., хранящаяся в Институте востоковедения Академии наук СССР (Ленинград), положенная в основу перевода текста советского издания «Канона врачебной науки». Как известно, Ибн Сина создал «Канон» в XI в., и, вероятно, «ленинградский вариант» — одна из первых копий подлинника, содержащая наименьшее количество ошибок и искажений текста.

Богатое собрание восточных рукописей, хранящихся в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР, с 1952 г. стало систематически описываться в сборниках «Собрания восточных рукописей». В первом томе «Собрания», изданном под редакцией академика А. А. Семенова, имеется описание рукописи «Канона», содержащей его третью, четвертую и пятую книги. Рукопись превосходно оформлена, каждая часть имеет художественно выполненный «урван», украшенный золотом и красками «с цветным орнаментом на темно-синем и золотом фоне». Текст обрамлен рамкой из золотых и цветных полос и линий. Рукопись написана четким «наском» (разновидностью письма, славившего кувический стиль XII в.) на лощенной желтоватой бумаге. Ее создание относится к 1601 г.

В первый том «Собрания» включена и рукопись «Комментарий к трудным местам «Канона». К сожалению, имени ее автора не сохранилось. В предисловии сказано, что «он (автор.— В. Т.) отправился к Фахруддину ар-Рази, умершему в 1209 году, под руководством которого он изучал «Канон» Ибн Сины... и решил написать книгу, в которой хотел собрать все те тонкие, не всем даже достойным ученым понятные мысли «Канона», над усвоением которых он работал... ибо не видел науки более превосходной, чем медицина»⁹⁴. Помимо Ибн Сины автор ссылается в своем

⁹⁴ «Собрания восточных рукописей АН УзССР», т. I. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952, стр. 245.

труде и на других корифеев медицинской науки — Клавдия Галена, Абу-Бекр Мухаммеда б., Закарийя ар-Рази, Абу Насра Саид ал-Масихи. Рукопись написана почерком «сульс». Это подтверждает дату ее создания — XIII в.

В этом же томе дается описание рукописи «Маленький канон». Она представляет собой извлечения из «Канона» Ибн Сины, сделанные Махмудом б. Мухаммедом б. Омаром ал-Джагмини в 1344 г. Извлечения состоят из десяти глав, в которых рассказывается о человеческой природе, об анатомии, о различных состояниях человеческого организма, о пульсации артерий, о гигиене и диете здоровых людей, о болезнях головы, о болезни отдельных членов тела, о болезнях почек и других органов, о болезнях, поражающих весь организм, о силах, присущих твердой пище и напиткам.

Из рукописей, представленных во втором томе «Собрания», для исследователей творчества Ибн Сины интересна его «Касыда о душе», написанная на арабском языке. Рукопись этого стихотворения Ибн Сины переписана Мухаммедом ал-Бакиром б. Фахруddином ар-Руми в 1453 г.

В третьем томе «Собрания» приводится описание рукописи «Исследование о душе», называемое также «Десять аргументов». Автором ее считают Ибн Сину. В этой работе он ссылается на Аристотеля и считает, что для познания души человека необходимо исследование его душевных сил, их свойства, происхождения и т. д. При этом дает характеристику функций душевных сил. Исследование предназначено в дар Нуху II б. Мансуру (976—997). Рукопись переписана «насталиком» в 1664 г.

Интересно описание «Трактата об укусно-медовом сиропе», помещенное в пятом томе «Собрания». Этот довольно редко встречающийся труд Ибн Сины переписан четким «насталиком» в XVIII в.

Пятый том знакомит нас с копией переписки Абу Али ибн Сины с мусульманским философом медиком Шейхом Абу Саидом б. Абул-Хайром (ум. 1049). Рукопись содержит 10 писем Шейха Абу Саида, в которых он просит Ибн Сину разъяснить некоторые научные вопросы, и столько же писем-ответов Ибн Сины. В первом письме сообщается о выводе по аналогии; второе письмо трактует о характере и степени связанности души с телом; третье — о сущем и возможном; четвертое — о значении молитв за умерших; пятое — о том, как разделяется представление о конкретном теле, когда тело делится на части; шестое — о том, как пос-

тигается, что в каждом животном или растительном организме есть нечто стойкое — тело и что в теле есть части более стойкие; седьмое — о значении выражения «тот, кто познал тайну предопределения, тем самым впадает в ересь»; восьмое — дополнительные разъяснения по этому же вопросу; девятое — о различии между предопределением и судьбой, с одной стороны, и божественной волей и желанием — с другой; десятое — об аллахе, подателе хлеба насущного. Копия датируется 1664 г. и написана мелким «насталиком».

В пятом томе «Собрания» имеется и копия трактата Ибн Сины, озаглавленного «Философия озарения». В нем ученый затрагивает вопрос «о представлениях». Рукопись также переписана «насталиком» в 1664 г. Здесь же приводится описание копии знаменитого «Трактата по этике». Имеющаяся в «Собрании» копия этого труда Ибн Сины написана «насталиком» и датируется 1664 г.

В пятом томе сообщается и о копии любопытного трактата — послания ко дню науруза о «буквах алфавита». Она также написана «насталиком» и относится к 1664 г. Пятый том включает и «Трактат о благих дарах». Ибн Сина, основываясь на установленных им фактах влияния одних тел на другие, предметов телесного мира на душу, одной души или разума на другую душу, духовного мира на мир телесный, постепенно переходит от описания конкретного влияния одних видов материи на другие к описанию телепатии, вещей снов, видений наяву, откровений и т. д. Копия датируется 1664 г.

К 1664 г. относится и библиографический список сочинений Ибн Сины. Он написан «насталиком». Имя составителя неизвестно. Рукопись опубликована в пятом томе «Собрания».

В периодической печати встречаются сообщения о том, что время от времени обнаруживаются новые ценные сочинения Ибн Сины. Рукописи эти различной давности. В 1956 г. рукописный фонд Академии наук Азербайджанской ССР обогатился ценной рукописью 1142 г. — второй книгой «Канона врачебной науки». Она была переписана спустя 110 лет после смерти ученого старым «насхом». В конце книги даются некоторые названия лекарств, взятые из греческого и других языков, а также указаны меры веса, употреблявшиеся в XII в. В рукописном фонде Академии имеются и первая книга «Канона», переписанная в конце XIII в., комментарий к «Кано-

ну» ширазского медика Гутбеддина и рукопись «Книги исцеления». В республиканском музее истории материальной культуры и искусства Узбекской ССР (Самарканд) с 1960 г. хранится первая книга «Канона», рукопись которой датирована 1670 г.

В декабре 1962 г. Хранилище древних рукописей Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР (Ташкент) обогатилось рукописью пяти книг «Канона». В Институте хранятся и малоизвестные произведения Ибн Сины: «Повесть о Саламане и Ибсале» («Кисат Саламанва Ибсал») и «Повесть о Юсуфе» («Киссат Юсуф»).

Саламан и Ибсал — имена народных героев, опозитизированных на Востоке. Ибн Сина оригинально и самобытно рассказывает о двух глубоко преданных друг другу братьях, честных и достойных людях. Ибсал — младший брат, и он пользуется покровительством старшего, Саламана. Ибсал красив, умен и храбр. Жена Саламана полюбила его. Почувствовав это, Ибсал покидает дом брата. Но жена Саламана просит мужа вернуть Ибсала в их дом в качестве воспитателя детей. Спустя некоторое время она открыто говорит Ибсалу о своих чувствах. Но он осуждает ее. И тогда хитрая женщина оправдывается тем, что просто хотела испытать Ибсала.

Стремясь крепче привязать его к своей семье, она хочет женить Ибсала на своей сестре. Саламан просит об этом брата, и тот соглашается. Между тем коварная женщина заявляет Ибсалу, что ее сестра очень застенчива и, дескать, поэтому он в течение месяца не должен ночью видеть ее лица. Когда после свадебного пира Ибсал заходит в брачную комнату, жена порывисто заключает его в объятия. Он сразу же заподозривает что-то неладное. В этот момент молния освещает стоящую перед ним жену брата. Ибсал немедленно покидает комнату.

Вскоре он просит брата отправить его в поход. Саламан посылает его во главе войска к границе своих владений, где ожидается нападение врага. Жена Саламана, горя желанием отомстить, убеждает преданных ей вождей убить Ибсала на поле сражения. Войско Ибсала разбито, а сам он без сознания долгое время лежит на поле боя, а затем, придя в чувство, добирается до дому. Жена Саламана, опасаясь, что ее черные замыслы могут быть разоблачены, приказывает двум поварам отравить Ибсала. Саламан, узнав о смерти брата и его убийцах, предает их и свою жену казни, отравляя их так же, как они отравили Ибсала.

Рисуя привлекательный образ Ибсала, автор стремится воплотить в нем свой идеал героя, достойный подражания. В сво-

их поступках Ибсал следует только велению разума. Именно так, по мысли Ибн Сины, должен поступать в жизни всякий, кто хочет заслужить высокое звание человека. Ибн Сина в «Китаб ал-Ишарат фи-ал Мантик ва ал-Хикмат» пишет: «Если среди того, что приходилось слышать, понравилась тебе повесть «Саламан и Ибсал», то знай, что Саламан — подобие тебя самого, а Ибсал — подобие, сообразное твоему уровню в духовном познании, если ты из числа тех, кто им обладает. А затем, если можешь, раскрой этот символ»⁹⁵.

В другой своей повести ученый рассказывает о том, как Юсуф, сын пророка Якуба, любит Зулейху. Говоря об их любви, Ибн Сина приводит цитату из Корана: «И у нее было влечение к нему, и у него было бы влечение к ней, если бы Юсуф не видел предостережения от господа своего»⁹⁶. Однако Юсуф, боясь кары аллаха, отвергает Зулейху. «Но надо иметь в виду, — замечает при этом Ибн Сина, — что никто не может вести себя так, как вел себя Ибсал той ночью, когда в темноте, под черной тучей, увидел жену своего брата»⁹⁷.

Сопоставляя характеры двух своих героев, Ибн Сина считает, что достоинства и высокая моральная чистота Ибсала выше положительных качеств Юсуфа. Ясный ум, честность, высокое чувство моральной ответственности не позволили Ибсалу поддаться соблазнительному искушению; Юсуф устоял против искушения лишь потому, что был сыном пророка и боялся божьей кары.

Эти повести великого ученого великолепным образом характеризуют его высокий моральный облик. В них Ибн Сина вложил свое понимание этических принципов, которых сам он твердо придерживался всю жизнь.

Как уже говорилось, рукописное наследие Ибн Сины изучено далеко не полностью. Часть его трудов утеряна и, быть может, навсегда. Многие рукописи книг Ибн Сины находятся в книгохранилищах разных стран. Работа по их изучению возможна лишь при тесном содружестве ученых этих стран. И хочется верить, что человечество познакомится с новыми страницами творческого наследия великого гуманиста прошлого.

⁹⁵ А. И р и с о в. Повесть Абу Али ибн Сины «Саламан и Ибсал». Автореф. дисс., Ташкент, 1961, стр. 14.

⁹⁶ Коран, сура XII, стих 24.

⁹⁷ А. И р и с о в, там же.

Через тысячу лет

После того как в 1952 г. Всемирный Совет Мира постановил торжественно отметить во всем мире тысячелетие со дня рождения Ибн Сины, возрос интерес к трудам и личности великого ученого прошлого. Об этом, в частности, свидетельствует Международный конгресс, посвященный этой знаменательной дате, состоявшийся в Иране в 1954 г.

17 апреля 1954 г. в большой иранский порт Пехлеви вошел советский пароход «Пионер». На его борту находилась делегация советских ученых, прибывших на празднование юбилея Ибн Сины. В состав делегации входили: глава делегации известный иранист Е. Э. Бертельс, профессор-иранист В. Н. Заходер, директор Института востоковедения Академии наук УзССР С. А. Азимджанова, советский поэт Мирзо Турсун-заде, иранист У. И. Каримов, действительный член Академии медицинских наук СССР В. Н. Терновский и член-корреспондент Академии наук ТадССР Я. А. Рахимов.

Отдохнув от плавания в отеле «Пехлеви», осмотрев порт и город, делегаты выехали в Тегеран, где должен был состояться конгресс.

Тегеран, уже в XII в. известный арабским географам как крупный торговый центр, стал столицей персидской монархии в 1788 г. по воле основателя Каджарской династии шахов — Ага Мохаммед шаха. С этого момента город начал быстро расти, застраиваться новыми домами.

В наши дни Тегеран в значительной мере утратил свой экзотический восточный колорит. Так, его центральная часть напоминает современный европейский город. Красоту городу придают и светлые проспекты, и просторная народная пло-

щадь «Сепах», и площадь меджлиса — Бахаристан, и широкая главная улица Лалезар — с множеством больших нарядных магазинов, среди которых попадаются маленькие лавочки, и 12 ворот, некоторые из которых сохранили колорит монументальных памятников восточной архитектуры.

Для прибывших из Советского Союза Тегеран представляет особый интерес и потому, что является своего рода «роковой гробницей» А. С. Грибоедова. В городе имеется небольшой бронзовый памятник, установленный в саду нашего посольства, — Грибоедов, задумавшись, сидит в кресле. Однако памятник находится не на «грибоедовской земле». Местоположение старой русской миссии, где разыгралась трагедия убийства русского посла, затеряно — разрушены и снесены до основания старые здания миссии, перепланированы и перестроены улицы, изменился весь характер этого района.

Все участники конгресса были размещены в живописной дачной резиденции шахиншаха — Дербенте (по-русски — «крепостная твердыня»). Хорошо оборудованный обширный

Руководитель советской делегации Е. Э. Бертельс преподносит шахиншаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви памятный подарок

дворцовый корпус современной архитектуры с обособленными зданиями типа коттеджей расположен на возделанном террасами горном склоне отрогов Эльбруса, у подножья которого журчит полноводный ручей. Весь ансамбль загородной виллы украшен хорошо распланированными газонами, цветниками. Особенно выделяются многочисленные ароматные туи, щедро посаженные между деревьями дворцового сада, и ковровые цветники, разбросанные в виде узорных гирлянд по склонам ярко-зеленых газонов. Картину дополняют многочисленные фонтаны и скульптурные изображения львов и грифонов. Площадки соединены изящными лестничными переходами, окаймленными мраморной изгородью с амурами, вазами и урнами; на одной из площадок имеется небольшой бассейн. Коттеджи и главное здание украшены многочисленными колоннами.

21 апреля в помещении Тегеранского университета начал свою работу Международный конгресс, посвященный тысячелетию со дня рождения Ибн Сины. Перед входом в главное здание университета развевались флаги 26 стран — участниц конгресса. В зале над столом президиума — большая картина, изображающая стоящего Ибн Сину.

Здания Тегеранского университета имеют своеобразные кулуары — террасы под легкой крышей, окруженные цветниками и фонтанами. Террасы выходят в парк. Они обставлены удобной мебелью дачного типа. В перерывах участники могли хорошо отдохнуть, обменяться мнениями в непринужденной обстановке, полюбоваться видом на парк.

Конгресс открыл министр просвещения Ирана. Затем перед собравшимися выступили председатель Ассоциации покровительства национально-историческим памятникам М. Ала, ректор Тегеранского университета Д. Ч. Сиасси и главы делегаций. Конгресс приветствовали известные ученые-востоковеды, деятели науки и культуры: д-р Ибрагим Байнони Мадкур, д-р Тара Ханд, д-р Маулави Мохаммад Шафи, д-р Казим Измаил Гуркан, проф. Люи Массиньон, д-р Георг Камерон, д-р Генри Лаугнер и др. От имени советских ученых со словами приветствия к участникам конгресса обратился член-корреспондент АН СССР проф. Е. Э. Бертельс. Свою речь он произнес на персидском языке. Президентом конгресса был избран д-р Хикмед.

За время работы конгресса было заслушано много интересных докладов. Виднейшие востоковеды мира, историки и ученые-медики рассказали о своих работах, посвященных

Хамадан. Мавзолей Эсфири

изучению жизни и деятельности Ибн Сины, его обширного литературного наследства¹.

Участники конгресса посетили книгохранилища и музеи Ирана. Особый интерес у гостей вызвали выставки книг и древних рукописей, устроенные в библиотеке меджлиса — парламента, а также при старинной соборной мечети Сапех-саяр. На этих выставках демонстрировались рукописи, которые считают автографами Ибн Сины. Выставка книг была организована и в национальной библиотеке, где собрана богатая коллекция литературных памятников и книг как на персидском, так и на многих других языках Востока и Европы. Рукописный фонд национальной библиотеки насчитывает более пяти тысяч рукописей на персидском и арабском языках, среди которых имеется собрание рукописей, приписываемых Ибн Сине.

С большим интересом участники конгресса осмотрели музей Гулистанского дворца — своего рода тегеранскую Оружейную палату. Здесь собраны все исторические реликвии Ирана, в частности коллекция тронов шахиншахов: трон Фет Али шаха (1797—1834), при котором было безнаказанно совершено предательское убийство А. С. Грибоедова; трон шаха Насреддина; трон его сына — шаха Музафар ед Дина. В музее Гулистанского дворца собраны образцы доспехов и оружия XVII—XIX вв., скульптурные и живописные произведения на тему истории Ирана. Богатая экспозиция музея производит хорошее впечатление, правда, экспонаты размещены несколько хаотично.

Поражает богатство экспонатов археологического музея в Тегеране. Раскопки, проведенные на территории Ирана, позволили собрать отличные образцы древнего искусства. Например, в Луристане была найдена бронзовая скульптура воина-вождя, у него клиновидная бородка, за поясом — меч, на голове — корона в виде гофрированной шапочки, гороховидный позумент — по шву кафтана, на подоле кафтана — надпись, сделанная клинописью. Дата изготовления скульптуры — X в. В музее можно увидеть и более раннее и более совершенное произведение из бронзы (II в. до н. э.): шейный бюст Шами с усами и небольшой бородой, выразительное лицо мужчины с большой шевелюрой с тугой повязкой на лбу, с ожерельем, с большим овальным камнем на цепочке. Посетители подолгу

¹ Наиболее интересные доклады и сообщения упомянуты в «Приложениях» к данной книге.

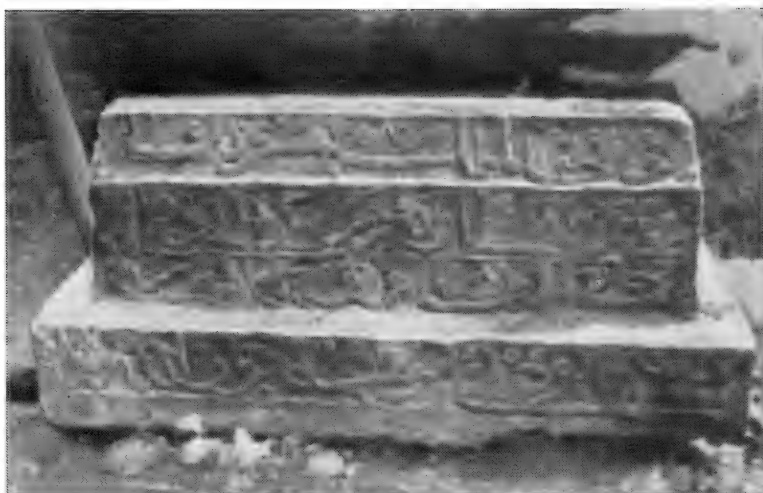

Хамадан. Новый мавзолей над гробницей Ибн Сины

задерживаются около древнего ритона, изображающего голову козла с большими рогами и поджатыми в прыжке ногами, любуются великолепной золотой вазой с ручками в виде двух львиц и гравированным орнаментом по краю. Ваза найдена в Мазандаране и изготовлена в X в.

Все экспонаты Тегеранского археологического музея, относящиеся к разным эпохам, свидетельствуют о самобытном творчестве художников, создававших иранское искусство. Многие из этих историко-культурных сокровищ либо предшествовали времени Ибн Сины, либо были современны ему, либо явились наследием культуры, которая создавалась народом после Ибн Сины, но в эволюции которой заключена большая доля творческого богатства, созданного замечательным ученым прошлого.

Как уже говорилось, Ибн Сина умер в Хамадане. Этот древний город, насчитывающий в наше время 90 тыс. жителей, расположен в долине у подножья высокого Эльвенда. Он стоит на развалинах Экбатаны — главного города великой Мидии (во времена царствования Дария I). После битвы при

*Надгробие на могиле Ибн Сины. Монгольский стиль XIII в.,
реконструировано в 70-х годах XIX в.*

Арбеллах Экбатану захватили войска Александра Македонского и завладели сокровищами и казной Дария III. Лично Александр провел в Экбатане конец лета и осень 324 г. до н. э. После крушения персидской монархии Экбатана долгое время находилась под властью Селевкидов. В Хамадане сохранились развалины дворца Ахеменидов — династии древнего Ирана. В Экбатане имелся богатый сокровищами храм богини Анахиты. Культ ее был связан с почитанием огня, Анахиту отождествляли с греческой богиней Артемидой. Храм был разрушен Антиохом III в 223—187 гг. до н. э. Описание акрополя Экбатаны встречается у Геродота.

28 апреля 1954 г., через четыре дня после открытия в Тегеране Международного конгресса, в Хамадане состоялись главные юбилейные торжества. На площади Бу-Али в шесть часов вечера в торжественной обстановке был открыт памятник Ибн Сине (автором памятника явился иранский скульптор Абу-л-Хасан Сиддуки). Трехметровая из белого мрамора фигура Авиценны своим обликом скорее напоминает добродушного бухарского купца, чем неутомимого борца, страстного искателя научных истин. На постаменте памятника высечено

четверостишие на персидском языке, приписываемое Ибн Сине:

*Мой ум, хоть странствовал не мало в мире этом,
На волос не проник, а волос рассекал.
Солнц тысяча в уме сияет ярким светом,
Но строя атома я все же не познал².*

К сожалению, эта рубая явно позднейшего происхождения, она приписывается Ибн Сине и противоречит взглядам ученого-рационалиста.

На открытии памятника присутствовало множество народа, представители воинских частей иранской армии. На торжество прибыли шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви с шахиней.

Хамадан, последнее пристанище скитальца Ибн Сины, сохранил человечеству многие памятники, которые были свидетелями пребывания в этом городе замечательного медика прошлого.

В городе имеется интересный памятник эпохи Ксеркса — гробница Эсфири и Мардохея. Мардохей был воспитателем сироты Эсфири, впоследствии любимой жены Ксеркса. Это историческое событие нашло отражение в Библии, в Книге Эсфири.

Еврейские старейшины Хамадана относят время сооружения этого мавзолея к IX в. до н. э. Его внешний вид очень схож с мусульманскими сооружениями подобного рода. Входная дверь мавзолея представляет собой большую каменную плиту с отверстием посредине, которое служит ручкой. Слева от двери небольшой коридор ведет в мавзолей, где находятся два погребения в деревянных саркофагах тонкой резной работы, относящиеся к XV в. Один из саркофагов погиб в XX в. во время пожара, и мастер Хазрат Кули Тусаркани по уцелевшему саркофагу искусно выполнил копию.

В мавзолее Эсфири хранятся два старых свитка Торы хорошей каллиграфической работы. Размер свитка превышает средний человеческий рост.

Другим интереснейшим памятником, относящимся к эпохе династии Аршакидов Парфянского царства II в. до н. э. и ранее, является изваяние каменного вишапа — льва (длина — более 3 м, ширина — 5 м), особенно массивной выглядит его

² «Персидские лирики». Серия «Памятники мировой литературы». М., изд. М. и С. Собашниковых, 1916, стр. 9.

голова. Лицевая часть у льва стерлась, хвост отбит, грива сглажена. Это изваяние украшало львиные ворота в старинной аршакидской стене. В 931 г. буиды, представители новой династии, взявшие Хамадан, сбросили его с постамента, и он тысячелетие пребывал в полном забвении, пока в 1909 г. иранское общество по охране памятников страны не поставило его на особую площадку. В 1912 г. в поисках золота его раскололи злоумышленники, и теперь отреставрированный лев мирно покоится на фоне снеговой короны величественного Эльванда.

На северо-востоке Хамадана, там, где Экбатанский бульвар проходит через толщу холма, видны остатки циклопических стен акрополя древней Экбатаны. Археологи нашли здесь золотые пластинки с именами предков царя Дария — Аршамы и Ариарамны — и многие другие интересные вещи, проливающие свет на прошлое этого древнего уголка земли.

29 апреля участники конгресса и гости осматривали достопримечательности города. Затем в торжественной обстановке был открыт новый мавзолей Ибн Сины.

Новый мавзолей — большое здание, украшенное с фасада четырехметровой колоннадой. По форме оно напоминает плоский, несколько вытянутый в длину четырехугольник, верхняя часть которого представляет собой обширную площадку с воздвигнутой посередине 27-метровой башней. Ее составляют сходящиеся к вершине 12 железобетонных столбов, увенчанных связывающей конической шапочкой. По мысли автора мавзолея иранского зодчего Хушенга Сайхуна, столбы должны символизировать 12 научных дисциплин, над которыми трудился гениальный Ибн Сина. Очертания башни схожи с Гураганской башней Кабуза, но в отличие от нее башня мавзолея Ибн Сины не сплошная, а прорезана во всю длину широкими просветами для защиты от сильных ветров. Своим внешним видом новый мавзолей скорее напоминает сооружение современной западной промышленной архитектуры, чем восточный памятник.

Внутренняя часть мавзолея состоит из трех больших залов. В центре, непосредственно перед входом, — зал, где под куполом расположено надгробие из желтого мрамора с надписями из Корана. По краям надгробия можно прочесть: «Могила пребывающего в райских кущах, живущего в раю султана мудрецов Абу Али ибн Сины, да озарит аллах место упокоения его». Здесь же дата — 1294—1916. Справа у стены сохранено надгробие из прежнего, разрушенного, мавзолея

У могилы Ибн Сины

Ибн Сины, на нем также надпись: «Утверждение истины Абу Али ибн Сины. Пришел в бытие из небытия в «Шим-Джиджид», в «шин-сад-алиф» приобрел он все познания, в «такаф-за» распростился с этим миром». Даты: 373/983-4, 391/1000-01 и 427/1035-6.

В новый мавзолей из старого перенесены останки друга Ибн Сины, который спасал ученого в своем доме от преследователей и у которого на руках Ибн Сина умер. На его могиле на медной доске надпись: «Древнее надгробие Абу Саида Дахдука». По сторонам центрального зала расположены еще два больших зала. Южный предназначен для собраний и приемов, в северном размещается обширное книгохранилище. В день открытия мавзолея в южном зале состоялся прием членов конгресса шахом и шахиней Ирана. Вероятно, в будущем новый мавзолей станет одним из центров изучения научного наследия Ибн Сины.

Знакомясь с жизнью и творчеством великого медика прошлого, невольно испытываешь страстное желание увидеть портрет ученого. В дни празднования тысячелетия со дня рождения Ибн Сины было выпущено множество его портретных изображений. Все они, так же как многочисленная средневековая иконография Ибн Сины, — плоды творческих домыслов художников. Ни одного подлинного портрета Ибн Сины до нас не дошло. Время не сохранило и портрета Ибн Сины, написанного по приказу султана Махмуда Газнави и предназначенного для розыска, опознания и ареста неугодного султану ученого. Правда, можно сомневаться, что этот портрет, о котором упоминают историки, написан с натуры. Скорее всего он был создан художником по памяти, если только вообще существовал. Таким образом, можно понять желание ученых получить подлинное портретное изображение Ибн Сины.

В настоящее время это желание в какой-то мере исполнилось. Дело в том, что коллективу советских ученых в результате кропотливой работы, на основании строгих научных данных удалось воссоздать портрет Ибн Сины. Это пока единственно близкое к действительности изображение выдающегося медика Древнего Востока ³.

³ В 1956 г. в Издательстве АН УзССР под редакцией известного ученого А. К. Ароянда вышла книга «Портрет Ибн Сины». В ней подробно описываются история иконографии Ибн Сины и процесс реконструкции графического портрета великого ученого, сделанный по его черепу. В книге имеются статьи: В. Н. Терновский.

Саид Нефеси и В. Н. Терновский

В основу сложного процесса создания реального портрета Ибн Сины положено описание и изучение черепа ученого. При этом огромную услугу советским специалистам оказал академик Иранской академии наук филолог-востоковед Саид Нефеси.

Во время перенесения праха Ибн Сины из старого мавзолея в новый Саид Нефеси сфотографировал череп великого медика. Затем он опубликовал эту фотографию в книге «Avicenna. His life, works thought and time» (Авиценна. Жизнь, деятельность, мировоззрение и эпоха). Тогда-то нам и пришла в голову мысль о возможности создания по черепу портрета Ибн Сины. Я спросил Саида Нефеси: «Могут ли проделать эту работу иранские ученые?» Нефеси ответил отрицательно.

Описание черепа, извлеченного из могилы Ибн Сины; М. М. Герасимов. Портрет Ибн Сины. Предисловие к книге (в виде очерка по истории иконографии Ибн Сины) написано А. К. Арендсом.

*Скульптурный бюст Ибн Сины работы
Е. Соколовой-Овощниковой*

Тогда я попросил его ознакомить советских специалистов с драгоценными фотодокументами. Саид Нефеси согласился и вскоре прислал свои материалы. Подробно изучив фотографии, я описал особенности строения черепа Ибн Сины и затем предложил проф. М. М. Герасимову сделать по этим материалам реконструкцию портрета ученого ⁴. Скульптор-археолог согласился и после тщательной кропотливой работы создал графическую реконструкцию портрета 57-летнего Ибн Сины.

В подлинности черепа Ибн Сины мы не сомневались. Дело в том, что могила ученого являлась почитаемым местом и тщательно охранялась от грабителей и осквернителей. К тому же погребение было индивидуальным, и чужое тело туда попасть

⁴ Описание морфологических особенностей строения черепа Ибн Сины помещено в «Приложениях» к данной книге.

не могло. Что касается реконструкции портретов по черепам, то в нашей стране это дело было надежно изучено и проверено в криминалистской практике. Поэтому достоверность портретного изображения Ибн Сины также не вызывала сомнений.

Спокойным, сосредоточенным и мудрым предстает перед нами Ибн Сина. В его лице не заметно никаких монголоидных черт. Наоборот, общий характер его структуры близок к лицам европеоидного типа Среднеазиатского Междуречья — лицам типичных арийцев (см. фронтиспис).

В 1966 г. на основе графической реконструкции портрета Ибн Сины, сделанной М. М. Герасимовым, андижанский скульптор Е. Соколова-Овощникова создала скульптуру-бюст Ибн Сины. В своей работе она также творчески использовала анатомическое описание черепа Ибн Сины, сделанное автором этой книги. Оценивая работу скульптора, проф. М. М. Герасимов писал: «Мне очень импонирует созданный вашим коллективом портрет, а если он и отошел от данной мною канвы, в этом я не вижу большой беды. Я рад, что мой труд был вам полезен».

Так постепенно создаются новые портретные изображения среднеазиатского ученого, заменяя обильную графику прошлого, базирующуюся на вымыслах и фантазии художников средневековья и более позднего времени.

Тысячелетие не стерло в памяти человечества деяний вдохновенного ученого, страстного искателя истины Ибн Сины. Люди всегда с благодарностью будут чтить великого ученого, смелого и дальновидного преобразователя науки о здоровье человека.

Заключение

Говоря о жизненном и творческом пути Ибн Сины, хочется привести слова известного русского физиолога И. П. Павлова, обращенные к советской молодежи: «Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если бы у вас было бы две жизни, то их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человечества»¹. Страстный, неутомимый исследователь, блистательный врач, вдохновенный мыслитель — таким предстает Ибн Сина перед современным человечеством. Его имя и дела вечно будут жить в сердцах людей как символы величайшего гуманизма.

В своих многочисленных трудах ученый не только обобщил накопленные до него знания. Он во многом развил их, обогатив результатами кропотливых наблюдений и изысканий, привел их в единую стройную систему. Огромная трудоспособность, умение наблюдать, необычайная память и великолепная эрудиция помогли Ибн Сине стать подлинным ученым-энциклопедистом. Об этом свидетельствуют его многочисленные научные труды, например знаменитая «Книга исцеления», в которой излагаются взгляды ученого по вопросам происхождения мира, астрономии, математики, химии, физики, метеорологии, ботаники и зоологии. По мнению персидских ученых, Ибн Сина «принадлежит к знаменитым философам, величайшим ученым и врачам ислама. Разнообразие наук, коими он обладал, больше того, чем их мог кто-либо перечислить. Он

¹ И. П. Павлов. Письмо к молодежи.— Избранные произведения. Изд-во АН СССР, М., 1949, стр. 20.

первый философ, который в мусульманскую эпоху распростер для народных масс ковер своих благодеяний и приносимой им пользы, а изучающим науки он доставил наслаждение за пиршественными столами философских дисциплин и медицинских знаний»². С этим мнением нельзя не согласиться.

Свои труды Ибн Сина в основном писал на арабском языке, считавшемся в то время на Востоке традиционным языком науки. О прекрасном знании им арабского языка языка свидетельствует, в частности, следующий эпизод, описанный современником. Однажды на диспуте ученых в Исфагани некто Абу Мансур, мнивший себя знатоком арабского языка, упрекнул Ибн Сину в плохом знании последнего. В ответ на этот выпад Ибн Сина подготовил к следующему диспуту специальную работу по арабскому языку, а также написал на этом языке новые касыды, используя при этом редкие и сложные языковые обороты. Зачитав собранию ученых свои касыды, Ибн Сина попросил Абу Мансура растолковать их. Тот не смог этого сделать. Так Ибн Сина доказал незадачливому критику свое превосходство в знании арабского языка.

Однако Ибн Сина при написании своих трудов не всегда пользовался арабским языком. Его великолепные рубаи, а также некоторые научные работы, например «Даниш-намэ», написаны на языке фарси-дари. Прекрасное изложение, легкость стиля его работ производили глубокое впечатление на читателей его таланта. Европейские критики даже сравнивали изящество языка Ибн Сины с мастерством таких великих стилистов, как Цицерон и Боккаччо.

Ибн Сина являлся решительным борцом за прогресс и процветание науки. Но, конечно, при изучении его творчества необходимо четко выделить новое, прогрессивное, что внес ученый в развитие той или иной науки, и указывать на его невольно навеянные условиями эпохи ошибки, ничтожные по сравнению с его вечно живыми истинами.

Человечество всегда с должным вниманием относилось к творческому наследию замечательного среднеазиатского ученого. Вот уже много веков его труды пользуются успехом у представителей различных областей науки. Особенно большую работу по изучению творческого наследия Ибн Сины ведут ученые XX в. и в первую очередь специалисты Советского Союза. Только за последние годы в нашей стране вышло много

² А. А. Семенов. Абу Али ибн Сина (Авиценна), Сталинабад, Таджикгосиздат, 1953, стр. 7.

интересных исследований, посвященных творчеству Ибн Сины (работы С. Айни, Е. Э. Бертельса, Б. Г. Гафурова, Б. Д. Петрова и др.). Огромную роль в изучении творчества Ибн Сины сыграло издание в СССР полного текста «Канона врачебной науки» с комментариями видных ученых. В 1957 г. в нашей стране была выпущена в свет «Даниш-намэ». Перевод этого известного труда Ибн Сины сделан академиком А. М. Богоутдиновым.

Советские ученые активно участвуют в работе международных конгрессов историков медицины (Тегеран — 1954, Рим — 1954, Лондон — 1954, Монпелье — 1956, Барселона — 1958, Афины — 1960, Москва — 1960 и др.). На Международном конгрессе в Афинах наша делегация преподнесла Афинскому университету полное издание «Канона врачебной науки» (сейчас оно хранится в международном книгохранилище на о. Косе). Советское полное издание «Канона» вызывает огромный интерес у востоковедов и медиков многих стран. Узбекская академия наук неоднократно преподносила юбилейное издание в качестве памятного подарка многим иностранным гостям. Для них это был самый желанный дар.

В нашей стране продолжается кропотливая работа по изучению текстов «Канона». На состоявшейся в июне 1957 г. в Ташкенте первой всесоюзной научной конференции востоковедов была образована секция по докладам о «Каноне». На ней был заслушан ряд интересных сообщений, касающихся связи «Канона» с современными медицинскими представлениями. Доклады, в которых анализировался «Канон», были сделаны и на специальной сессии, посвященной жизни и деятельности Ибн Сины. Она была организована Узбекской академией наук и проходила в Бухаре и Афшане в июне 1958 г. В последнее время в Советском Союзе появилось много интересных статей о «Каноне» (проф. Б. Д. Петрова, Н. А. Богоявленского, А. К. Кадырова, М. Н. Холкузиева, Р. Б. Худайбердыева, Р. М. Раджабова и др.), обстоятельная монография В. К. Джумаева «Хирургия Ибн Сины», диссертация Ю. С. Арзуметова «Болезни печени и «Канон» Ибн Сины» и ряд других ценных публикаций, касающихся в той или иной степени анализа этого гениального творения великого медика прошлого.

Как известно, в нашей стране большое внимание уделяется развитию медицины, и в частности педиатрии. Здоровье ребенка — одна из главных забот Коммунистической партии и Советского правительства. Активно проводятся в жизнь мероприятия по охране материнства и младенчества, по развитию

широкой сети детских больниц, яслей, детских садов, санаториев, лесных школ и т. д. И как в этой связи не вспомнить одного из основоположников педиатрической науки, неутомимого борца за здоровье человека Ибн Сину! Многое из того, что сейчас уже сделано в этой области, является творческим воплощением в жизнь его гуманных идей и планов.

Таким же реальным воплощением в жизнь замыслов Ибн Сины является деятельность многочисленных институтов и учреждений, занимающихся изучением проблем физического воспитания трудящихся, роли физкультуры и спорта в предупреждении различных заболеваний и т. п. Ибн Сина считал физические упражнения важным фактором в профилактике и лечении ряда болезней. Многие его указания и выводы на этот счет легли в основу современной науки о физическом воспитании человека.

Деятельность Ибн Сины — важный этап в развитии мировой медицины. Всю свою нелегкую жизнь ученый самоотверженно служил людям. Великую битву за здоровье человека, которую он вел во тьме веков, продолжают медики нашего времени. И в их первых рядах стоят советские врачи, высоко держащие знамя гуманистических идей Ибн Сины.

Медаль, выбитая в честь тысячелетия со дня рождения Ибн Сины. Она вручалась участникам Международного конгресса в Тегеране в 1954 г.

Дни и труды Ибн Сины¹

Исторические события	Биографические события	Годы	Возраст Ибн Сины
Начало царствования Саманида Нуха II ибн Мансура	Переезд из Балха в Бухару отца Ибн Сины	976	
	Рождение Абу Али	980	
		16.VIII, 14.IX	
	Рождение брата Махмуда	985	5
	Переезд всей семьи в Бухару	936	6
	Начальное образование	936—990	6—1
	Окончание изучения Корана	990	10
Временный захват Бухары Караханидами	Занятия с учителями математики, логикой, законоведением	990—992	10—12
	Начало занятий медицинской	992	12
	Занятия логикой и философией	992—994	13
	Занятия метафизикой	994—995	14—1
	Покупка книги Фараби		
Смерть Нуха ибн Мансура	Лечение Нуха ибн Мансура	996—997	16—17
	Посещение Саманидской библиотеки	»	»
	Окончание изучения наук (переписка с Абу-л-Фараджом и с Бируни)	999	19
Взятие Бухары Илекханом, падение Саманидов		993—999	18—19
Бируни оканчивает свою «Хронологию»	Составление сборника для Арузи	1000	20

¹ По материалам Ю. Н. Завадовского.

Исторические события	Биографические события	Годы	Возраст Ибн Сины
	Составление книг для Абу Вакра Бараки		
	Смерть отца	1002	22
	Административная служ- ба у султана	1003—1004	23—24
Гибель сама- нидского пре- тендента Мун- тасира и дина- стии Самалидов	Переезд в Хорезм	1004	24
	Пребывание при дворе хорезмшаха Али ибн Ма- муна	1005	25
	Бегство через Каракумы в Нису, смерть Масихи	1005—1010	25—30
Убийство Кабу- са	Странствия по Харасаву и Табаристану	1011	31
	Поездка в Дихистан, при- езд в Джурджан и встре- ча с Джузджани	1012	32
	Начало повествования Джузджани	1012	32
	Работа в Джурджане	1012—1014	32—34
Убийство Хила- ла ибн Хасан- уайха и обра- щение в бегство багдадских сол- дат	Переезд в Рей и пребы- вание в нем	1014	34
	Переезд в Казвин и в Ха- мадан	1015	35
	Служба у Буида Шамс ад-Даула	1016—1018	36—38
Война Шамс ад- Даула с Анна- Зом, правите- лем Керманша- ха		1018—1019	39
	Служба визирем у Шамс ад-Даула	1019	39
	Пребывание у Абу Саида Дахдука (40 дней)	1020	40
	Начало «Шифа»	1020	40
	Конец первой книги «Ка- нона»		
	Занятия с учениками	1020	40

Исторические события	Биографические события	Годы	Возраст Ибн Сины
Смерть Шамс ад-Даула		1021	41
	Окончание работы над физикой и метафизикой «Шифа» Заключение в крепость Фириджан (Бердан — по Е. Э. Бертельсу) (4 меся- ца)	1022	42
		1022	42
		1023	43
Война Ала ад- Даула с Татж ал-Мульком	Перевод Ибн Сины из крепости в Хамадан	1023	43
	Бегство в Исфагань к Ала ад-Даулу	1023	43
	Работа над «Шифа», «Альмагестом», трудами Евклида	1023—1032	43—52
Год похода Ала ад-Даула на Ша- бур Хаст	Окончание работы над книгами о животных и растениях из «Шифа»	1032	52
	Занятия астрономически- ми вопросами, построй- ка обсерватории в Исфа- гани	1024—1032	44—5
Второй поход Ала ад-Даула на Шабур Хаст	Участие в этом походе		
	Работа при дворе Ала ад- Даула во время его похо- дов	1032—1034	
	Продолжение работы, по- священной астрономиче- ским занятиям.	1032	52
	Составление книги «О справедливости»	1033	53
		1034	54
Война между Абу Сахлом Хам-дауи и Ала ад-Даулом			
	Начало болезни в год, когда Ала ад-Даул сра- жался с Таш Фаррашом у ворот Караджа	1034	54
	Смерть Ибн Сины	1037	57

Легенда об Ибн Сине

Жизнь и деятельность Ибн Сины стали темой многочисленных восточных легенд. И в этом нет ничего удивительного. О большой популярности ученого и горячей любви к нему народов Востока также можно складывать легенды. В XIV в. легенды об Ибн Сине собирал Зайнитдин Васифи. Много ценного в их анализ внесли академик АН ТадССР А. М. Мирзоев, проф. А. Н. Болдырев и другие известные ученые.

Ниже мы приведем одну из многочисленных народных легенд об Абу Али ибн Сине и его брате (в легенде он назван Абульхарисом). Впервые ее записал Зия уддин Сеид Ахья. Она опубликована в книге «Философский клад»².

«В 373-м году Хиджары в Бухарской земле в деревне Шедшиг от одного огца и матери родились два мальчика-двойни, из которых одному дали имя Абу Али Сина, другому — Абульхарис. Когда им было четыре года, их отдали в школу обучаться наукам.

Абульхарис был менее способным, но что касается Абу Али Сины, то его способности были неописуемы: при встречах и беседах он благодаря своему уму, подвижности и прозорливости, как тогда выражались, «умел разделить волосок на сорок частей». Несмотря на его детский возраст, современники сравнивали его с философом Платоном. Передают, что даже дети-школьники много и часто отмечали способности Абу Али Сины. И чтобы испытать его тонкую чувствительность, дети иногда, до прихода его в школу, подкладывали листок бумаги под ковер, на который должен был сесть Абу Али Сина. А он, как только садился, так удивленно оглядывался то на потолок школы, то на пол и говорил: «Не знаю, потолок ли школы немного опустился или пол ее немного поднялся, во всяком случае не то, что было раньше». Он ощущал присутствие под собой одного листа бумаги. При таких способностях и прилежании Абу Али Сина, когда

² «Кюэнджинэин Хикмет». Казань, 1864 (перевод с турецкого).

ему исполнилось двенадцать лет, приобрел много знаний и начал сам учить сверстников различным наукам. Каждый день до обеда он учился сам и успевал учить других. Между тем он все же оставался ребенком и после обеда уходил играть с детьми. Некоторые из его великовозрастных учеников говорили ему: «Ты такой талантливый и умный, знаток наук, неужели тебе приятно и не унижительно играть вместе с малыми и глупыми детьми?»

Абу Али Сина отвечал им: «У всякого возраста свой закон, а закон детства — это игры, и детству должно быть уделено должное внимание».

Наконец, когда Абу Али Сина окончил школу, в Бухаре не стало никого, кто мог бы сравниться знаниями с ним и кто мог бы вступить с ним в полемику. Поэтому он решил для дальнейшего изучения наук путешествовать.

Вместе с братом Абульхарисом пустились они в странствия из одной страны в другую. В каждом городе они знакомились с его учеными. Пройдя много городов и стран, дошли они до самого дальнего города на западе, который находился при самом заходе солнца, и решили пожить в этом городе один-два дня. Оба брата пошли осмотреть город, и дорога привела их на базар, где они слышали, что кто-то громко возглашал: «О, мусульмане! Услышьте и запомните, что завтра открываются ворота в пещеру. Желая посетить ее, пусть будет готов завтра!» Так по улицам кричали глашатаи. Услышав это объявление, Абу Али Сина и Абульхарис заинтересовались, что за пещера и какая цель ее открытия. Желая узнать это, остановили они на базаре одного человека и спросили. Человек сказал: «Говорят, что во времена Давида был один ученый, которого звали Пифагор. Он написал книгу и преподнес ее царю Давиду. Давид одобрил эту книгу и назвал ее «Единобожие Пифагора». Давид возвеличил Пифагора. После Давида царствовал его сын Соломон. Соломон, видя силу и влияние Пифагора, призвал его к себе, желая его всецело подчинить. Но Пифагор не изъявил согласия покориться. Он пришел к Соломону с такими словами: «Моя цель была показать чудесную силу знания и таким образом сблизиться, а вовсе не враждовать с тобой». Соломон, почувствовав силу Пифагора, основанную на знании философии, назначил его своим визирем и оказал ему уважение и почести. И Пифагор остаток своей жизни провел на службе у Соломона. Чтобы не пропало бесследно столько накопленных знаний, все книги Пифагора после его смерти были собраны в одном месте и их сделали малодоступными для народа. Туда поставили стражу и решили только один раз в году открывать вход в эту пещеру. В определенный день на 3 часа оставлялись открытыми двери пещеры. В это время все приезжие и горожане торопились читать

книги и по возможности приобрести знания. Но не разрешалось вынести книги или даже списать хотя бы одну строчку. Стража сейчас же предавала жестокой каре такого ослушника»...

Услышав эти слова, Абу Али Сина задумался и сказал Абульхарису: «Ныне в пещеру не пойдем, так как за три часа мало что увидишь. Останемся до следующего года здесь, запасаемся пищей и войдя в пещеру, пробудем в ней целый год, прочитаем все ее книги и хорошо их изучим».

Они занялись подготовкой к следующему году. Братья до такой степени приучили себя к воздержанию, что довольствовались в течение дня оливковым маслом весом в один дирхем, а воду пили только один раз в месяц. Подсчитав по суточному употреблению, сколько понадобится масла на освещение, приготовили необходимое его количество на год. Кроме того, в пищу они приготовили сердце дикого козла — истолкли его, перемешали с маслом «бадома» (миндаля) и просушили на солнце. Когда масло бадома окончательно пропитало высушенный горошек, смешали его с другим маслом и опять поставили на солнце. Повторив так в течение сорока дней, сделали маленькие лепешки величиной с орех. Проглотив даже одну только лепешку, можно было оставаться в пещере много дней, не чувствуя потребность в пище и питье.

По истечении года глашатаи вновь объявили: «Завтра опять откроется пещера, желающие могут войти». Абу Али Сина с Абульхарисом, взяв все приготовленное, пришли к пещере. Войдя, они запрятались в дальний угол и остались там. После истечения трех часов посетители, толкая друг друга, спеша, вышли из пещеры. Пещера закрылась. Настали тишина и тьма.

Абу Али Сина и Абульхарис, ударив о камень, зажгли огонь, осмотрелись и обошли все вокруг. По обеим сторонам были комнаты, стояли скамейки, в углу пещеры протекал родник, вокруг было заветное собрание рукописей и книг. После обхода всей пещеры они умылись и составили план работы. Братья, взяв книги, приступили к их изучению. Важнейшее они записывали соком луковиц, так как написанное соком луковицы при надобности всегда можно, подержав над огнем, сделать снова видимым. По количеству выгораемого масла они вели подсчет дней, проведенных в пещере. Спали они по очереди, избегая спать в одном месте, и не теряя времени, старались приобрести знания. За год они собрали столько философских знаний, что трудно и описать.

По своим подсчетам они узнали о скором открытии пещеры. Наконец, пещера открылась. А когда ожидавший открытия пещеры народ занялся изучением книг, Абу Али Сина и Абульхарис вышли из пещеры. Неожиданно увидавший их народ испугался, так как в

Ибн Сина. Современная персидская литография

течение года волосы и бороды их выросли и спутались и братья имели страшный вид. Люди, увидевшие Абу Али Сину и Абульхариса, прижали их за колдунов и задержали их. Поднялся шум и крики. Падишах не был мудр, он не мог отличить правду от лжи. А если бы он был просвещен, то мог бы понять, что лица, освещенные мудростью, не походят на лица злых колдунов. Падишах велел заключить их в тюрьму.

И вот после несправедливого решения падишаха невинных, без суда, сопровождая укорами, привели на площадь. Палачи стояли с обнаженными мечами и были готовы казнить несчастных.

Братья сначала бездействовали, но, наконец, Абу Али Сина сказал Абульхарису, что бесцельны приобретенные знания, если не воспользоваться ими и не спастись от беды. При этом он прибег к «эфсу» — внушению, основанному на мудрости, и вырвался из рук палачей. Близ дворца падишаха было озеро, он нырнул в него и скрылся. Когда народ занялся поисками Абу Али Сины, Абульхарис тоже прибег к помощи «эфсуна». И веревки, которыми были связаны его руки и ноги, развязались и протянулись на крышу дворца. Абульхарис, зацепившись за них, также скрылся. Поднялся шум, но Абу Али Сина и Абульхариса уже и след простыл. Весь народ, падишах и придворные крайне удивились этому событию. Но поиски беглецов были тщетны. И пусть они продолжают разыскивать бежавших братьев, а мы приступим к самому рассказу об Абу Али Сине...»

Так заканчивается эта народная легенда о великом ученом, признающая и утверждающая всепобеждающую силу знаний. Навел ли ее тема рассказами о прославленном книгохранилище Саманидов, куда могли проникнуть далеко не все жаждущие знания? Так или иначе, легенда связана с именем Ибн Сины, а значит, в какой-то степени помогает разобраться в сложных вопросах его многогранного творчества. И, конечно, эта легенда не говорит о какой-то роли в творчестве ученого-медика чуждых ему волшебства и фокусничества. Эпизод с «эфсу» лишний раз свидетельствует о безграничной любви простого народа к ученому, о страстном желании творцов легенды видеть великого врача вечно живым и здоровым. Сама же легенда всем своим существом говорит о необыкновенной преданности Ибн Сины наукам, о его вере во всемогущую роль знания в борьбе за лучшую жизнь, вере в торжество разума.

Доклады на конгрессе, посвященном тысячелетию со дня рождения Ибн Сины

- Е. Э. Бертельс* доложил о своих исследованиях, посвященных рубайям Ибн Сины. Он подверг основательному критическому анализу подлинность многих рубай, которые приписываются Ибн Сине, но на деле являются произведениями XVI в. и написаны в подражание Омару Хайяму.
- Брохи* посвятил свой доклад описанию жизни Авиценны; при этом он уточнил некоторые факты из его биографии.
- Мох Шафи* сделал интересное сообщение на тему «Несколько замечаний о жизни Авиценны».
- В. Н. Терновский* рассказал о медицинских трудах Ибн Сины и их изучении в Советском Союзе.
- В. Ф. Минорский* выступил с оригинальным докладом «Авиценна как человек».
- Д-р Сюгель-Унвер* зачитал свое сообщение «Собрание афоризмов Авиценны».
- Д-р Салех Яган-шах* в своем выступлении проследил «Связь „Кано-на“ Авиценны с современной медициной».
- Казем Измаил* подробно проанализировал «Рассуждения Ибн Сины о биологии».
- Аббас Нафиси* дал описание некоторых лекарственных растений, упомянутых во второй книге «Кано́на», и рассказал об их применении в современной терапии.
- У. Каримов*, проанализировав отдельные труды Ибн Сины, установил значительную роль Авиценны в развитии химии.
- Д-р Адиб* рассказал о том, как изучаются сложные понятия в учении Ибн Сины, характеризующие «темпераменты с точки зрения Авиценны в сравнении с новыми открытиями и теориями».
- Д-р Мостафаи* сообщил о собранных им материалах, посвященных теме «Астма в трудах Авиценны». При этом ученый подверг их тщательному рассмотрению и обследованию.
- Д-р Я. Рахимов* говорил о значении Авиценны в истории медицины.
- Д-р Мостафи Джавад* в своем докладе охарактеризовал культуру и социальную жизнь во времена Авиценны.
- Андрс Гадаром* сообщил о «Памятниках, которые мог видеть Авиценна во время своих переездов».
- Бади-о-Заммон Форузанфар* сделал доклад на тему «Ибн Сина и суффизм». В частности, он указал, что философско-теологические течения, например суффизм, представляющий пантеистическую теософию, близкую к буддизму индусов, играли большую роль в развитии общественной мысли эпохи Ибн Сины.
- Юлиан Гукслон* назвал свое выступление «Некоторые размышления о развитии биологии у Авиценны». Эта малоизученная проблема имеет большое значение для истории данной науки.

Люи Горде остановил внимание на важнейшем и ответственном вопросе «Философия Ибн Сины».

Эттинггаузен сделал сообщение об искусстве Ирана во времена Авиценны.

Гарольд Лемб прочитал доклад на тему «Страны мира во времена Авиценны», внеся новое представление в вопрос о характере эпохи Ибн Сины.

А. Зайнчковский сделал обзор «Труды Авиценны в Польше». При этом он подчеркнул, что востоковеды Польши уделяют большое внимание изучению трудов Ибн Сины.

В. Н. Заходер прочитал доклад на тему «Эпоха Авиценны по трудам востоковедов СССР».

Саид Нефеси сообщил об изучении деятельности и трудов Авиценны в Европе. Этот интересный доклад подводил итоги многим исследовательским работам по изучению литературного наследия Ибн Сины.

С. Азимджанова рассказала о том, как ведется изучение медицинских трудов Авиценны в Узбекской Советской Республике.

Р. Леви развил в своем докладе тему «Авиценна как человек», при этом он попытался дать психологическую характеристику шейха ур-Раиса — Ибн Сины.

Забихолла поделился сообщением «Авиценна в иранских легендах и фольклоре». Этот богатый и еще мало изученный материал народного творчества служит хорошим подспорьем ученым при изучении жизни и деятельности великого медика.

Рустом Мазани дал обзор трудов Авиценны, хранящихся в публичных и частных библиотеках Индии. Библиография трудов Ибн Сины — важная и далеко не изученная проблема, представляющая исключительный интерес для востоковедов.

Д-р Мусса Амид сделал доклад на тему «Интеллект по понятиям Авиценны». Это сообщение проливает свет на сложные медико-философские концепции Ибн Сины.

В. В. Иванов проанализировал материал по теме «Авиценна и рукописи измаилитов». Автор — знаток рукописного наследия измаилитов, остановился на отдельных аспектах их философии в свете изучения философских воззрений Ибн Сины.

М. Баркехли сделал сообщение на тему «Музыка Авиценны». По его мнению, слушанию музыки как лечебному, оздоравливающему человека процессу в терапии болезней Ибн Сины уделяется большое внимание. Баркехли говорил и об интересе Ибн Сины к теории музыки.

Д-р Азмадис выступил с докладом «Диагностика и терапия, по Авиценне». Он пришел к выводу, что изучение мегодов определения болезней и их лечения в «Каноне врачебной науки» представляет большой историко-медицинский и практический интерес.

Минутшер сообщил о классификации наук у Авиценны.

Д-р Пархатер назвал свое выступление «Новый труд Авиценны». Ученый подчеркнул, что в хранилищах рукописей Ирана и других восточных, а также западных стран имеется большое количество различных рукописей по авиценниане, еще мало изученных. Это рукописное наследство ждет своих исследователей и сулит неожиданные находки утраченных и неизвестных трудов, принадлежащих перу великого Ибн Сины.

Морфологические особенности строения черепа Ибн Сины

Большой интерес для специалистов представляет описание морфологических особенностей строения черепа Ибн Сины.

Академик Саид Нефеси сделал два снимка с черепа Ибн Сины — в профиль и в позиции «трех четвертей поворота» (видны все кости лицевой части черепа). К сожалению, ученому не удалось сфотографировать специально основание черепа и кальvariю. Он не смог сделать и точный муляж черепа. Присланные из Ирана фотографии уменьшены приблизительно в 2 раза против нормальной величины черепа. Однако можно высчитать длину черепа по горизонтали от назиона до самой выдающейся задней точки, которая в данном случае находится на теменной кости,— она составляет 91 мм.

При внимательном изучении фотоснимков можно заключить о хорошей сохранности всего черепа и отдельных его фрагментов. В то же время в глаза бросаются частичные разрушения носовых косточек, правой скуловой дуги, в частности скулового отростка правовисочной кости. Подвергся разрушению и глазничный отросток скуловой кости левой глазницы, причем левая глазница оказалась открытой с латеральной стороны. Хорошо сохранились альвеолярные отростки, отсутствуют лишь три резца верхней челюсти, выпавшие посмертно. Череп на фотографии имеет хорошо выраженные швы: венечный, ламбдовидный, чешуйчатый, лобно-скуловой, лобно-верхнечелюстной и основно-лобный, основно-височный, основно-теменной и основно-скуловой.

Микрорельеф кальvariи черепа в области теменной кости и чешуи затылочной кости покрыт множественными экзостозами. Величина их различна — от $\frac{1}{2}$ диаметра наружного слухового отверстия до полного челюстного отверстия. Образование экзостозов связано с каким-то патологическим раздражением надкостницы.

Судя по фотографиям, череп Ибн Сины характеризуется хорошо развитыми теменными буграми (это приближает череп к многоугольной пентагональной форме с неровными сторонами), черепной свод со стороны затылка имеет сводчатую форму, выпуклая чешуя

затылочной кости переходит в сводчатую покатость теменной, на теменной части черепа не заметно каких-либо уплощений. Высокая постановка чешуи лобной кости (высокий лоб), умеренное выступание чешуи затылочной кости дополняют эту характеристику.

Говоря об особенностях строения лобной кости черепа Ибн Сины, необходимо отметить приблизительное равенство соотношения ее длины с шириной. Отмечая умеренное развитие лобных бугров, нельзя не сказать о наличии в области правого лобного бугра экзостозов, соответствующих по величине приблизительно диаметру правого нижнечелюстного отверстия.

Надглабеллярная впадина имеет широкие границы и уплощена. Глабелла — слегка переломлена с умеренным выступлением. Носовой отросток лобной кости по отношению к верхнему краю орбиты выступает вперед, за пределы глазничного края. Высота носового отростка по средней линии — более 0,5 см, сбоку — несколько более 0,6 см. Межорбитное расстояние занимает немногим более 1 см.

Почти совершенно отсутствуют надбровные дуги. Что касается надбровий, то они выступают весьма слабо — меньше чем глабелла.

Скуловой отросток лобной кости правой стороны обычного размера. У его основания со стороны височной впадины отмечен экзостоз величиной приблизительно с диаметр нижнечелюстного отверстия. Его соединение со скуловой костью имеет два краевых зубчика, а в середину отростка вклиниваются два зубца лобного отростка скуловой кости.

Форма теменной кости — без каких-либо видимых изменений. Сильно выражен теменной бугор правой теменной кости. Макрорельеф наружной поверхности правой теменной кости богат экзостозами различных размеров (от величины диаметра нижнечелюстного отверстия и меньше). На первый взгляд правый венечный шов переходит в костную щель основного лобного шва. Однако при внимательном рассмотрении замечен его облитерированный след, доходящий до чешуйчатого шва, а отмеченная выше костная щель представляет собой трещину в височном углу лобной кости. Величина, глубина и высота височной впадины, а также выраженность височных гребней и височных линий соответствуют норме.

Правый сосцевидный отросток достаточно выражен, хорошо развит и имеет закругленную вершину. Он заметно выступает в своей нижней части, обращен ввиз и слегка вперед. Рельеф нижней части правого сосцевидного отростка — бугристый.

Затылочная кость черепа Ибн Сины, как уже отмечалось, имеет бугристую чешую и довольно широкий вал перегиба. Линия контура переходит от теменной части к затылочной, имеет небольшое угловидное искривление.

*Фотография черепа Ибн Сины и эскиз работы М. М. Герасимова
над портретом великого медика*

*Фотография черепа Ибн Сины и эскиз работы М. М. Герасимова
над портретом великого медика*

Лицевой скелет (спланхнокраниум) черепа характеризуется широкой лобной частью и несколько суженной нижнечелюстной. Очертание лицевой части черепа напоминает форму треугольника, основание которого представляет черепной свод, а вершиной является выступающая часть подбородка. Таким образом, форма лицевого скелета Иби Сины приближается к треугольному очертанию.

Лицевой скелет его черепа построен по типу относительной симметрии, альвеолярные отростки верхней и нижней челюстей развиты умеренно, хорошо развит подбородок и его выступающая часть.

Высота глазницы (от нижнего края до зубного на вертикали первого коренного зуба) приблизительно равна высоте верхней челюсти. Форма орбиты округлая, открытая, выраженного нависания верхнего края орбиты не заметно, так же как не видно и приподнятости нижнего ее края. Верхнеорбитальный гребень выражен очень слабо. Верхнеглазничная вырезка на правой орбите носит как бы облитерированный характер, на левой — она почти не заметна. Зато довольно сильно углублен раструб слезной кости. Валик, идущий от скулового отростка лобной кости к внутреннему углу глазницы, незаметно переходит в надбровие.

Фронтальная плоскость орбит занимает среднее положение между линией, проведенной по нижнему краю орбит. Высота правой орбиты на $\frac{1}{8}$ меньше ее ширины. В глубине орбит хорошо видны вогнутая поверхность орбитальной части лобной кости, шов слезной кости с латеральным краем носового отростка верхней челюсти, шов слезной кости с бумажной пластинкой решетчатой кости. Глубже заметны часть верхней глазничной щели и отверстие для зрительного нерва, имеющие нормальные очертания. Форма носовых костей нарушена, они представлены в виде очень укороченных фрагментов.

Профиль костного отдела носа — хорошо выраженная горбина. Западание корня носа на лицевом скелете носит умеренный характер.

Форма носового отверстия отдаленно напоминает очертания треугольника. Подносовой край отверстия имеет две ямки полулунной формы. Нижняя носовая раковина расположена на нормальной высоте. Ширина носового отверстия (на уровне нижнего края нижней раковины) приблизительно равна половине его высоты. Носо-лобный отросток правой верхней челюсти по ширине равен примерно половине размера своего основания.

Собачья ямка правой стороны развита умеренно, глубина ее незначительна, а у носового края ее проекции имеется экзостоз, равный по величине двойному диаметру нижнечелюстного отверстия.

Правое подглазничное отверстие расположено на уровне верхней трети шва, соединяющего скуловую кость с верхней челюстью.

Уравная верхняя челюстная вырезка по форме напоминает лунный серп. Она отходит от альвеолярного отростка почти до линии челюстного скулового шва. Альвеолярные отростки верхнечелюстных костей развиты нормально. Альвеолярная часть верхней челюсти относится к мезогнатному типу, ее высота приблизительно равна $\frac{1}{3}$ высоты тела верхней челюсти. Альвеолярные выступы также развиты умеренно.

Постановка зубов — ортогнатного типа, причем челюстной прикус приближается к щипцеобразному типу. Зубы правой и видимой части левой стороны хорошо сохранились. По фотографиям можно заключить об умеренной степени их стертости.

Форма нижней челюсти отличается пропорциональной стройностью и совершенно лишена какой-либо массивности. Высота тела нижней челюсти в области клыков приблизительно равна высоте скуловой кости, размер высоты тела мандибулы несколько уменьшается по направлению к коренным зубам.

Угол профиля подбородка с альвеолярной горизонталью, проходящей у зубного края ячеек, четко вырисовывает выступ подбородного бугра. Альвеолярный край имеет довольно ровную в отношении зубов форму, за исключением углубления от правого клыка и резцов. Восходящая ветвь мандибулы отходит под тупым углом. При этом высота восходящей ветви нижней челюсти приближается по своему размеру к ее широкой проксимальной части, расположенной около нижнечелюстной вырезки. Последняя имеет широкое и несильно углубленное очертание с тонкой широкой шейкой суставного отростка и с обращенным назад венечным отростком. Высоту лицевого черепа можно определить, сложив высоты верхней челюсти альвеолярного отростка и вертикального размера зубов.

Отмеченные выше индивидуальные особенности черепа Ибн Сины позволяют сделать некоторые обобщения.

Мозговой отдел черепа (нейрокраниум) по отношению к лицевому отделу (спланхнокраниуму) представляет собой все особенности прогрессивного характера развития его. Особый интерес представляют: факт полной сохранности всех швов мозгового черепа; широкий вертикально поставленный лоб при умеренном развитии лицевого скелета (верхней и нижней челюстей и скулового отдела лица); умеренное выступание глабеллы, умеренная степень развития надбровных дуг; хорошо выраженное выступание подбородочного бугра и другие характерные морфологические структуры. Именно на эти особенности строения черепа Ибн Сины в первую очередь опирался М. М. Герасимов при работе над созданием портрета великого ученого прошлого.

Библиография

Список трудов Ибн Сины (Авиценны)

1. Ибн Сина. Китаб ал-Канун фи-Тибб. Блэк, 1877.
2. Абуали ибн Сина. Собрание стихов. Состав. М. Занд. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1953.
3. Авиценна. Неизвестные рубаи.—«Известия», 17.VIII 1952.
4. Абуали ибн Сина. Жизнеописание, записанное Джузджани, перев. М. Занд. «Литературный Таджикистан», 1953, № 5.
5. Ибн Сина. Даниш-намэ. Книга знания, перев. А. М. Богоутдинова. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957.
6. Ибн Сина. Канон врачебной науки, т. 1—6. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954—1960. Кн. 1—1954 (544 стр.); кн. 2—1956 (826 стр.); кн. 3, т. I—1958 (793 стр.), т. II—1959 (731 стр.); кн. 4—1960 (767 стр.), кн. 5—1960 (331 стр.).
7. Abu Ali Ibn Sina (Avicenna). Poemul Medicinei Canonul Stiintei Medicale (extrase). Studii introductiv, traducere si note de G. Bratescu. Bucuresti, Ed. med., 1962.
8. A treatise on the Canon of Medicine of Avicenna incorporating a translation of the first book. Tr. Cameron Gruner O. London. Luzac, 1930, 612 p.³

Список работ отечественных ученых, посвященных жизни и деятельности Ибн Сины (Авиценны)

1. Аванесов Г. А. Вопросы диететики в трудах Авиценны.—Клинич. медицина, 1957, № 1.
2. Аляви Л. А. Желудочные заболевания в трудах Ибн Сины (Авиценны).—Клинич. медицина, 1952, № 9.
3. Аляви Л. А. Заболевание толстых кишок (Куланж) в трудах Ибн Сины.—Мед. ж. Узбекистана, 1957, № 3.

³ Камерон за рубежом издал неполную 1-ю книгу «Канона», и издание оборвалось. В Советском Союзе «Канон» издан полностью, все пять книг (в шести томах).

4. Аляви Л. Классификация поносов в трудах Абуали Ибн Сины.— Мед. ж. Узбекистана, 1957, № 3.
5. Арендс А. К. Восточные предшественники Ибн Сины и значение их трудов для изучения «Канона врачебной науки».— I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.
6. Арендс А. К., Терновский В. Н., Герасимов М. М. Портрет Ибн Сины. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.
7. Аскарлов А. А. Абуали Ибн Сина как терапевт.— За социалистическое здравоохранение Узбекистана, 1954, № 4.
8. Аскарлов А. А. Ибн Сина о заболеваниях легких и груди. I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.
9. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., Изд-во вост. лит., 1963.
10. Беленицкий А. М. Геолого-минералогический трактат Ибн Сины.— Изв. АН ТадССР, отд. общ. наук, 1953, № 4.
11. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., Изд-во вост. лит., 1960.
12. Богоявленский Н. А. Рецензия на т. I «Канона врачебной науки» Ибн Сины.— Клинич. медицина, 1956, № 2.
13. Борзов М. В. Ибн Сина (Авиценна), великий медик и ученый Средней Азии.— Труды Узб. ин-та венерологии и дерматологии. 1938, т. 3.
14. Борисов А. Я. Авиценна как врач и философ.— Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1938, № 1—2.
15. Брагинский И. С. Очерки по истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956.
16. Булгаков П. Г. Сокращение «Канона» Авиценны в собрании арабских рукописей Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, т. 2. Л., 1957.
17. Быховский Б. Э. Философское наследие Ибн Сины.— Вопр. философии, 1955, № 5.
18. Вайль В. С. Вопросы ухода, кормления и лечения детей в русских рукописных лечебниках XVII—XVIII вв. и «Канон врачебной науки» Авиценны.— Труды Сталинабадского мед. ин-та, 1957, т. 28.
19. Вороновский Д. Г. Канон медицинских знаний Ибн Сины. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию Ибн Сины. Ташкент, 1953.
20. Герасимов М. М. Портрет Ибн Сины. (Опыт воспроизведения внешнего облика по фотографиям черепа из могилы Ибн Сины в Хамадане). Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.

21. Гинзбург И. И. Арабская медицина и произведения Авиценны. «Канон» и «Урджуза» по европейским рукописям Ин-та востоковедения. М., Изд-во АН СССР, 1941.
22. Григорян С. Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., Изд-во «Наука», 1966, стр. 91—214.
23. Гуртовой Б. Л. Акушерство и гинекология в «Каноне врачебной науки» Абуали Ибн Сины.— Здравоохр. Таджикистана, 1955, № 4.
24. Гуртовой Б. Л. Проблема бесплодия в «Каноне врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны).— Здравоохр. Таджикистана. 1956, № 5.
25. Гуртовой Б. Л. О менструации в «Каноне врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны) и в трудах Гиппократов.— Труды Сталинабадского мед. ин-та, 1957, т. 28.
26. Гуртовой Б. Л. О беременности и родах в «Каноне врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны).— Труды Сталинабадского мед. ин-та, 1957, т. 28.
27. Дармстеттер Дж. Происхождение персидской поэзии. М., изд. Сабашникова, 1924.
Джумаев В. К. Хирургия Абу Али Ибн Сины и ее исторические истоки. Изд-во «Медицина», Ташкент, 1965.
28. Заблудовский П. Е. Ибн Сина (Авиценна).— Труды Ин-та истории и философии АН УзССР, 1952, т. 2.
Завадский Ю. Н. Абу Али Ибн Сина. Дисс. Ташкент, 1958.
29. Завадовский Ю. Н. Ибн Сина и его философская полемика с Бируни. Материалы научной сессии АН УзССР. Ташкент, 1953.
30. Закуев А. К. О некоторых материалистических тенденциях в психологическом учении Ибн Сины (Авиценны).— Труды Ин-та истории и философии АН УзССР, 1952, т. 2.
31. Закуев А. К. Психология Ибн Сины. Баку, 1958.
32. Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сины. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953.
33. Ибн-Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана, перев. с арабского И. Кузьмина, под ред. И. Ю. Крачковского.— Всемир. лит. Пг., 1920.
34. Икрамов З. Х. Ибн Сина о мозге.— Труды Сталинабадского мед. ин-та, 1957, т. 28.
35. Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.
36. «История философии в СССР», т. I, гл. VI «Народы Средней Азии (X—XV вв.)». М., Изд-во «Наука», 1968.
37. Кадыров А. А. Абу Али ибн Сина. Ташкент. Медгиз УзССР, 1962.

38. Карасик В. М. «Канон врачебной науки» и системы лекарственной терапии в старой медицине, «Канон врачебной науки», кн. II. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.
39. Каримов У. И. К вопросу о взглядах Ибн Сины на химию. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сины. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953.
40. Каримов У. И. Классификация наук по Ибн Сине. I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.
41. Ковнер С. История средневековой медицины, вып. 1. Киев, 1893.
42. Колпаков А. П. О работе Абуали Ибн Сины «Ильми Табий» (физика) или «Наука о природе». — Изв. АН ТадССР, отд. общ. наук, 1957, № 12.
43. Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии, ч. II. М., 1912.
44. Лей Г. Очерк истории средневекового материализма. М., ИЛ, 1962.
45. «Литературный Таджикистан» Альманах Союза сов. писателей Таджикистана, № 5. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1953.
46. Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.
47. Могильницкий С. Г. Офтальмология Ибн Сины (Авиценны). — Вестн. офтальмологии, 1957, № 3.
48. Маковельский А. Великий таджикский философ Абуали Ибн Сина. — Труды Азербайджанского ун-та, ист. фак., сер. филос., 1954, вып. 2.
49. Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. М., Изд-во «Наука», 1966.
50. Молчанова О. П. Великий ученый, мыслитель и врач. — Вопр. питания, 1952, № 5.
51. Мирзоев А. М. Легенды об Ибн Сине. Сталинабад, 1953.
52. Мультиановский М. П. Великий врач, ученый и философ Ибн Сина (Авиценна). — Пробл. туберкулеза, 1952, № 5.
53. Муминов И. М. Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли Узбекистана. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.
54. Мурадов А. Из истории каллиграфии в Средней Азии. Дисс. Ташкент, 1967.
55. Наршахи М. История Бухары, перев. П. Лыкинина. Ташкент, 1897.
56. Нафиси А. М. Научное мировоззрение Ибн Сины. Советско-иранская научно-мед. конф. Тезисы докладов. Тегеран, 5—9. VI 1946.

57. Пеклер Х. И. Учение Ибн Сины (Авиценны) о физических упражнениях.— Теория и практика физической культуры, 1956, т. 19, вып. 2.
58. Петров Б. Д. Итоги и очередные задачи изучения в СССР медицинского наследства Ибн Сины. I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.
59. Петров Б. Д. Болезнь, диагноз и лечение в «Каноне» Ибн Сины.— Терапевт. архив, 1961, № 1.
60. Петров Б. Д. Ибн Сина — творец «Канона». Вводная статья к тексту первой книги «Канона врачебной науки». Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.
61. Петров Б. Д. Ибн Сина — клиницист. Заключительная статья к третьей книге «Канона врачебной науки». Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959.
62. Петров Б. Д. Ибн Сина (Авиценна) как связующее звено науки Востока и Запада.— Труды IX Международного конгресса по истории науки в Барселоне, т. II, М., 1959.
63. Петров Б. Д. «Канон» Авиценны о здоровье детей.— Педиатрия, 1952, № 5.
64. Петров Б. Д. Охрана здоровья в «Каноне» Ибн Сины (Авиценны).— Сов. здравоохранение, 1952, № 5.
65. Петров Б. Д. Фармация Ибн Сины (Авиценны).— Фармакол. и токсикология, 1952, № 4.
66. Петров Б. Д. Хирургия Авиценны.— Хирургия, 1952. № 10.
67. Пицхелаури Г. З. Рукописи Авиценны.— Врачебн. дело. 1953, № 5.
68. Поперека Я. П. Вопросы оториноларингологии в «Каноне» Абуали Ибн Сино (Авиценны).— Труды Сталинабадского мед. ин-та, 1957, т. 28.
69. Рахимов Я. А. Медицинское наследие великого ученого медика Абуали Ибн Сино (Авиценны) в области хирургии, гигиены и психиатрии.— Труды Сталинабадского мед. ин-та, 1957, т. 28.
70. Решетников С. А. Абуали Ибн Сина (Авиценна). «Канон врачебной науки», кн. 1. Рецензия.— «Клинич. медицина», 1956, № 2.
71. Решетников С. А. Вопросы гигиены питания в «Каноне врачебной науки» Абуали Ибн Сины (Авиценны).— Вопр. питания. 1957, № 2.
72. Решетников С. А. Лекарствоведение Ибн Сины (Авиценны).— Клинич. медицина, 1957, № 5.
73. Решетников С. А. Абуали Ибн Сина (Авиценна). «Канон врачебной науки», кн. 3, т. I, 1960, № 4 (Рецензия).
74. Решетников С. Яды и противоядия в «Каноне врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны).— Фармакол. и токсикология, 1962, № 4.

75. Решетников С. А. Книга о «Сложных лекарствах» Ибн Сины (Авиценны).— Аптечн. дело, 1963, № 2.
76. Садыков А. С. К вопросу о возникновении химии в Средней Азии (в IX—XII вв.). «Материалы по истории отечественной химии». М.—Л., 1950.
77. Семенов А. А. Абуали ибн Сино (Авиценна). Сталинабад, 1953.
78. Собрание восточных рукописей АН УзССР, под ред. А. А. Семенова, т. 1—5. Ташкент, 1952.
79. Салье М. А. О некоторых проблемах медицинской терминологии в «Каноне врачебной науки» Ибн Сины. I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.
80. Терновский В. Н. Авиценна, его жизнь и труды в области биологии и медицины.— Труды Казанского гос. мед. ин-та, 1937.
81. Терновский В. Н. Авиценна и его великое творение «Канон медицины».— Архив анатомии, гистол. и эмбриол., 1952, т. 29, вып. 5.
82. Терновский В. Н. Ибн Сина и изучение его трудов в Советском Союзе — «Труды Международного конгресса, посвященного 1000-летию со дня рождения Ибн Сины». Тегерап, 1954.
83. Терновский В. Н. Предисловие к книге «Канон врачебной науки», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.
84. Терновский В. Н. Описание черепа, извлеченного из могилы Ибн Сины. Портрет Ибн Сины. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.
85. Терновский В. Н. Ибн Сина — гениальный творец «Канона врачебной науки». I Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.
86. Терновский В. Н. «Канон врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны). Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов. Ташкент, 4—11. VII 1957.
87. Терновский В. Н. Портрет Авиценны.— Клинич. медицина, 1957, № 1.
88. Терновский В. Н. Полное издание «Канона врачебной науки» Ибн Сины.— Сов. здравоохранение, 1961, № 4.
89. Устоев Р. Е. Некоторые вопросы психологии в трудах Ибн Сины (Авиценны).— Уч. зап. Сталинабадского пед. ин-га, серия педагогики и психологии, 1956, т. 12, вып. I.
90. Факторович Т. М. Предшественники Ибн Сины. Собрание авторефератов и тезисов научных работ. № 1. Самарканд, 1941.
91. Хамидов М. Опыт чтения офтальмологических фрагментов «Канона медицины». Абуали Ибн Сины.— Изв. АН УзССР, 1953, № 5

Хикматуллаев Х. Трактат Абу Али Ибн Сины «О сердечных лекарствах». Дисс. Ташкент, 1964.

92. Ш а н я в с к и й С. А. Могила Авиценны.— Врач, 1900, № 5.
93. Ш м и д т А. Э. Рукописи произведений Авиценны в Гос. публ. биб-ке УзССР.— Труды II сессии Ассоциации арабистов. М., Изд-во АН СССР, 1941.
94. Э б е р м а н В. Медицинская школа в Гундишапуре.— Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее Рос. Академии наук. т. I, Л. 1925, стр. 47—72.
95. Э ф е н д и е в И. К. Воззрения Абуали Ибн Сины (Авиценны) в области психоневрологии.— Ж. невропатологии и психиатрии, 1952, вып. 10.
96. Я к у б о в с к и й А. Ю. Время Авиценны.— Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1938, № 3.
97. Я к у б о в с к и й А. Ю. Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сины. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953.

Содержание

<i>Введение</i>	7
<i>Жизненный путь Ибн Сины</i>	12
<i>В Бухаре</i>	12
<i>В Хорезме</i>	23
<i>Города и годы</i>	25
<i>Творческая деятельность Ибн Сины</i>	33
<i>Основы медицинских воззрений Ибн Сины</i>	33
«Канон врачебной науки»	39
«Урджуза» и рубаи Ибн Сины	90
<i>Философские воззрения Ибн Сины</i>	108
<i>Ибн Сина — педагог</i>	136
<i>Рукописи Ибн Сины</i>	140
<i>Через тысячу лет</i>	146
<i>Заключение</i>	160
<i>Приложения</i>	165
<i>Дни и труды Ибн Сины</i>	167
<i>Легенда об Ибн Сине</i>	170
<i>Доклады на конгрессе, посвященном тысячелетию со дня рождения Ибн Сины</i>	175
<i>Морфологические особенности строения черепа Ибн Сины</i>	177
<i>Библиография</i>	183

Василий Николаевич Терновский

Ибн Сина
(Авиценна)

Редактор издательства *В. П. Большаков*
Художник *А. А. Люминарский*

Технические редакторы: *О. М. Гуськова, Т. И. Анурова*

Сдано в набор 29/I-1969 г. Подписано к печати 30/VI-1969 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 20 000. Т-08147. Тип. зак. 1896

Цена 57 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	карта	Афшана	Хаймарган
»	»	Хаймарган	Афшана
»	»	Гурган	Гургендж
»	»	Неса	Ниса
»	»	Шаккан	Шакан
106	17 св.	Ибн Сины	Ибн Сина
116	15 сн.	сфере	сферы
185	20 сн.	Завадский	Завадовский

В. Н. Терновский

UḡH-LUH

57 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»